

Юлия Татальская

*Сжигая
тосты*

18+

Юлия Александровна Гатальская

Сжигая мосты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63387771

SelfPub; 2021

Аннотация

Что-то происходит в чете Власовых. Марк полностью погружен в работу, Вероника занята домом и воспитанием трёхлетней дочери Кати. Секс уже не такой горячий, да и сами отношения между молодыми супругами заметно охладели, но все продолжают делать вид, что всё в порядке, изображая счастливую семью. До тех пор, пока однажды вечером Вероника, возвращаясь с Катей из магазина с новогодними покупками, не увидела своего мужа сквозь стекло дорогого ресторана в обществе шикарной платиновой блондинки...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	41
часть I	41
часть II	52
Глава 5	64
Глава 6	79
Глава 7	92
Глава 8	113
Глава 9	128
Глава 10	144
Глава 11	154
Глава 12	165
Глава 13	181
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Юлия Гатальская

Сжигая мосты

Пролог

– Вероника! – услышала я до боли знакомый глубокий баритон.

Сколько же я его не слышала вот так близко? Полгода или больше? Что-то всколыхнулось внутри, волна странного напряжения прошла по моему телу. Я медленно, словно во сне, повернулась на звук собственного имени и увидела его, Марка Власова, своего бывшего мужа. Сердце пропустило удар, а глаза не могли оторваться от прекрасного лица, которое я когда-то любила.

Марк почти не изменился: всё такой же высокий, стройный, обворожительный. Всё те же ослепляющие глаза цвета изумруда, всё та же небрежная стрижка, отливающая бронзой, прямой нос на бледном аристократичном лице, четко очерченные алые губы, легкая щетина. Дорогой костюм сидел идеально по фигуре.

– Марк, – на автомате промямлила я, стараясь отвести взгляд от красивого лица и выглядеть невозмутимо, – что ты тут делаешь?

– Присматриваю себе картину, – как ни в чём не бывало

ответил он.

Что-то было в его взгляде. Удивление, растерянность и, мне показалось, восхищение. Он бесцеремонно рассматривал меня с головы до ног, улыбаясь своей фирменной кривоватой улыбкой, от которой в своё время я сходила с ума и теряла голову.

– Ты выглядишь сногшибательно! – проговорил Марк, продолжая вглядываться в моё лицо, заставляя меня тем самым покраснеть до ушей и почувствовать себя вновь глупой семнадцатилетней девчонкой, которая впервые увидела Власова за партой старших классов школы жалкого, но прекрасного по-своему городишки Ленинградской области с красивым названием Сосновый Бор и без памяти влюбилась в него.

– Спасибо, – ответила я. Казалось, его забавляет моё смущение. – Ты тоже неплохо сохранился.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – вежливо поинтересовался Марк.

Я уже открыла было рот, чтобы произнести слова отказа, но сзади меня по-хозяйски уже обнимали горячие руки Сергея Волкова. Я обернулась, даря своему возлюбленному теплую улыбку, а он нежно притянул меня спиной к своей груди.

– Нам пора, – проговорил Серёжа и прикоснулся губами к моим волосам, уложенным в высокую причёску.

– Да, – ответила я.

– Марк, – с презрением выплюнул Серёжа, обращаясь к

моему бывшему мужу, глядя ему прямо в глаза. В его взгляде читалась открытая ненависть.

– Сергей, – не менее презрительно парировал Власов.

– Прощай, – тихо пролепетала я в сторону Марка, позволяя Серёже увести меня подальше от него. Напоследок я взглянула в когда-то родное лицо Власова и прочитала на нём нескрываемую грусть. Теперь меня это ни капли не волновало, у каждого из нас была своя отдельная друг от друга жизнь.

Глава 1

– Малышка, что ты хочешь на ужин? – спросила я Катюшу, разбирая пакеты из супермаркета на кухне.

– Макароны с сыром, – ответила дочка, проглатывая звук «р», который давался ей с трудом.

Можно было бы и не спрашивать, макароны с сыром были её любимым блюдом, она готова была его употреблять на завтрак, обед и ужин. Уж не знаю, откуда у неё такое вкусовое пристрастие.

– Зайка, ты сегодня на обед уже ела макароны, к тому же папа просил приготовить ему запеченное мясо, – предприняла я попытку отговорить дочь. Всё-таки рацион трехлетнего ребёнка должен включать ещё что-то помимо макарон.

– Папа будет кушать с нами сегодня? – Катя подняла на меня взгляд, полный надежды.

– Да, он обещал освободиться вовремя и приехать домой к ужину.

– Тогда я буду то же, что и папа! – радостно воскликнула дочь, хлопая в ладоши от восторга.

– Хорошо! – я удовлетворённо кивнула, радуясь, что уловка сработала. – В таком случае мне понадобится твоя помощь. Помоешь овощи для салата?

– Да! – ответила моя девочка, пододвигая стул к раковине. Не успела я достать овощи и зелень из пакета и подать

их Кате, как она уже вскарабкалась на стул и пустила воду, предварительно засучив рукава и приготовившись к работе.

Пока Катя была занята своим важным делом, я быстро замариновала мясо и принялась чистить картофель. Сама не знаю отчего, но я немного волновалась, предвкушая обычный семейный ужин. Мы так давно не ужинали все вместе. Последнее время Марк допоздна задерживался на работе, не успевая даже вернуться ко времени укладывания Катюшки на ночь. Я читала дочке сказку, затем ложилась в холодную, слишком большую для одного человека постель и ждала его возвращения. Почти всегда я засыпала ещё до того, как Марк появлялся на пороге нашей спальни. В такие минуты мне было до боли тоскливо, но я сама себя успокаивала тем, что это пройдёт, как только его компания завершит новый проект.

Но сегодня Марк позвонил в полдень и пообещал бросить все дела и поужинать с нами. Я порхала вокруг стола словно бабочка, расставляя приборы и напевая себе под нос какую-то веселую песню, услышанную по радио. Катя радовалась не меньше меня, помогая раскладывать салфетки.

Мясо уже дымилось на тарелках, картофель источал аппетитный аромат и овощной салат ждал своего часа, а Марка всё не было. Катя никак не соглашалась начинать трапезу без папы, и только спустя час, когда голод взял своё, мы принялись за еду в одиночестве, хотя кусок не лез мне в горло. Я ощущала разочарование, тоску и злость одновременно. Мне было обидно не столько за себя, за свои разрушенные надеж-

ды, старания, сколько за дочь. Видеть в глазах своего маленького ребёнка слёзы из-за невыполненного близким ей человеком обещания причиняло мне боль. Я пыталась понять, что же могло заставить Марка нарушить обещание? Снова неотложные дела, важное совещание? Всё это казалось мне таким ничёмным по сравнению с чувствами, которые сейчас испытывала моя дочь. Она так верила, что он придёт пораньше, так надеялась и радовалась, что мне невыносимо было видеть теперь её грустное личико.

Когда мы уже почти закончили с ужином, с улицы раздались шуршание автомобильных шин по подъездной дорожке.

– Папа! – воскликнула Катя и побежала к окну, чтобы удостовериться в своём предположении. – Мама, папа приехал!

Моя девочка побежала в прихожую встречать отца, а я попыталась взять себя в руки, чтобы не вылить на него всю свою злость и обиду. Я готова была наброситься на него с кулаками, но вид моего счастливого ребёнка охладил мой пыл.

Марк вошёл в столовую, держа на руках улыбающуюся Катьюшку, которая весело рассказывала ему о своих сегодняшних приключениях. Он подошёл ко мне и поцеловал в щёку. Я не встала из-за стола, я даже не посмотрела в его сторону. Я боялась, что как только взгляну в эти зеленые очаровательные глаза, то вся злость и обида на него сразу же испарятся. А мне не хотелось так быстро прощать его, поэтому я продолжала сидеть за столом и игнорировать присутствие мужа.

Катя же уже забыла все недавние невзгоды и с обожанием наблюдала со своего места, как Марк наполняет свою тарелку.

– Папа, я помогала маме делать салат, – проворковала она слегка уставшим голосом. Время было позднее, и ей уже хотелось спать.

– Какая ты умница, – похвалил её Марк, и она расплылась в довольной улыбке. – Очень вкусно получилось.

Я чувствовала, что муж буравит меня взглядом, поэтому нарочно смотрела куда угодно: в пустую тарелку, на дочь, но только не на него. Марк знал моё настроение и не начинал выяснять отношения при дочери, чему я была только рада, потому что в противном случае я бы высказала ему сейчас всё, что накипело, и в грубой форме. Но я не могла позволить себе, чтобы наша дочь была свидетелем ссоры любимых родителей. Я не хотела рушить её счастье и душевное благополучие, поэтому всеми силами делала непринуждённый вид, продолжая избегать прямого взгляда Марка.

Спустя четверть часа Катя уже начала клевать носом, и я взяла её на руки и отнесла в детскую комнату. Марк ещё не закончил трапезу, поэтому дочка пожелала ему спокойной ночи в столовой.

Катя уснула очень быстро, не успев даже дослушать сказку до середины. Я поцеловала её в лоб, выключила свет и вышла в коридор, плотнее прикрыв за собой дверь. Несколько минут я стояла возле детской в тёмном коридоре, размышляя

о том, что же с нами происходит? Я никак не решалась спуститься вниз, потому что не понимала, как себя вести в такой ситуации. Я любила своего мужа, готова была простить ему многое, но только не разочарование, испытываемое нашей маленькой дочерью. Камень тревоги и обиды висел на моём сердце тяжёлым грузом, и чтобы скинуть его, мне необходимо было поговорить с Марком начистоту, выяснить его отношение ко мне, понять причину, из-за которой счастье и взаимопонимание нашей семьи медленно катилось в пропасть. Я втянула побольше воздуха, изобразила на лице маску спокойствия и, стараясь утихомирить клокочущие нервы, спустилась вниз.

Марк закончил ужин и перебрался в гостиную. Когда я вошла туда, он стоял возле бара и наливал в стакан виски. Я встала в дверях, наблюдая за ним. Его лицо было задумчивым и тревожным. Широкие плечи как будто согнулись под тяжестью вины, и я поняла, что он действительно сожалеет о том, что случилось сегодня. Камень на сердце стал немного легче, но всё ещё мешал дышать полной грудью. Я шагнула в комнату, давая знать о своём присутствии шагами по паркету. Марк обернулся и, увидев меня, улыбнулся своей кривоватой улыбкой, от которой у меня мурашки пробежали по коже. Спустя почти семь лет нашего брака он продолжал приводить меня в заведённое состояние одним лишь взглядом. Я невозмутимо прошла и села на диван, в то время как Марк наполнил второй стакан и, сев рядом, протя-

нул его мне. Я не отказалась, мне необходимо было снять напряжение и нервозность сегодняшнего вечера. Отхлебнув маленькую порцию горячительного напитка, я проговорила отрешенным голосом, всё ещё не смотря на мужа:

– Мы ждали тебя в восемь.

– Я знаю, Вероника, прости. Мне правда жаль, но так вышло, что в самый последний момент мне пришлось провести важную встречу с представителем компании, с которой мы собираемся сливаться, – оправдывался он. – Поверь, как только эта сделка свершится, всё вернётся на круги своя, обещаю.

Его голос, полный раскаяния и сожаления, опустился до шёпота, и я уже не могла злиться на Марка. Я повернулась в его сторону и взглянула ему в лицо. Он смотрел на меня любящим взглядом, ожидая моей реакции.

– Вы сливаетесь с какой-то крупной компанией? – всё ещё недоверчиво уточнила я, пытаюсь понять, действительно ли эта встреча того стоила. Я мало что знала о делах компании мужа, единственное, что я усвоила, это то, что основным направлением её деятельности является разработка, производство и экспорт медицинских изделий и аппаратуры. У меня не было экономического образования, у меня вообще не было оконченного высшего образования, поэтому мне было трудно разбираться во всех этих тонкостях ведения бизнеса. Мы так страстно и беспамятно влюбились друг в друга, что сразу после окончания школы Марк сделал мне предложе-

ние и мы поженились. Затем он поступил на экономический факультет, а я выбрала себе гуманитарный, под стать моему складу ума. Мне хотелось изучать искусство, живопись. Однако мне не довелось окончить ВУЗ, так как я забеременела. С того самого момента Катя стала занимать всё моё время. Марк же с отличием завершил учёбу и занялся собственным бизнесом, желая работать на самого себя. Отец Марка, Виктор, работал ведущим хирургом и считался одним из самых лучших профессионалов Ленинградской области, его знания в медицине и умение разбираться в медицинском оборудовании помогли Марку в его начинаниях.

– Не такой уж крупной, – ответил муж, – скорее, это будет больше похоже на поглощение. Та фирма находится на грани банкротства, так что мы – их единственный шанс выжить в этой сфере бизнеса. Естественно, главный пакет акций будет по-прежнему принадлежать мне, и я не потерплю второго генерального директора. К моему счастью и их разочарованию, руководство этой фирмы согласно с такими условиями заключения сделки, – при этих словах Марк хищно ухмыльнулся.

– Мы так скучаем по тебе, – тихо проговорила я, понимая, что причина у него действительно уважительная, и прощая.

– Я тоже, – ответил Марк и провел кончиками пальцем по моей щеке.

От его прикосновения по моему телу пробежала приятная волна возбуждения. Все мои тревоги и решимость выяснить

отношения моментально испарились. Мне уже не казалось, что мы отделились друг от друга. Он наклонился и легко поцеловал меня в губы, однако совсем не так, как я ожидала и жаждала. Затем Марк поднялся с дивана, поставил сначала свой стакан на журнальный столик, а затем и мой. Он молча взял меня за руку и повел наверх в нашу спальню. Я послушно следовала за ним в предвкушении близости с любимым, которой у нас не было уже довольно давно. Мне хотелось ласки, нежности, былой страсти, хотелось почувствовать себя желанной, как и прежде. Хотелось услышать от Марка, что он любит меня, что всё так же хочет и что всё будет хорошо. Но ничего, что я хотела, не исполнилось. Не говоря ни слова, Марк раздел меня, опрокинул на кровать, затем, не сводя глаз с моего обнаженного тела, разделся сам, избегая смотреть мне в глаза. Без поцелуев и предварительных ласк в этот раз он грубо взял меня сзади. Камень тревоги и боли на моём сердце снова вырос до невыносимо огромных размеров.

Глава 2

Прошёл уже почти месяц с того неудавшегося ужина, а Марк всё ещё не завершил свой важный проект. Он появлялся дома поздно ночью, когда мы с Катя уже спали. Он изредка находил свободную минутку, чтобы позвонить нам днём и просто узнать, как у нас дела, но этого было слишком мало для меня и для Кати. Я скучала по Марку, особенно поздними вечерами, когда в одиночестве лежала в нашей кровати и ждала его возвращения до тех пор, пока мой разум не погружался в Царство Морфея. Дошла до того, что ночами видела эротические сны с собственным мужем в главной роли и, проснувшись, мечтала о том, чтобы это оказалось явью. В такие минуты я тихо поворачивалась к спящему Марку и осторожно обнимала его сзади, прижимаясь к его широкой спине всем телом, зарываясь носом в его растрёпанные волосы, вдыхая такой любимый, родной, сладковатый цветочный аромат его тела. Он не реагировал на мои прикосновения, продолжая мирно сопеть, а я не решалась будить его, зная, как муж выматывается, работая над этим проектом, будь он неладен. Понимала я также и то, что работа много значит для Марка, она всегда занимала немаленькое место в его мыслях, но никогда ещё она не была в ущерб семейным отношениям. Лежа так без сна, обнимая обожаемого мужа, я успокаивала себя тем, что его компания ещё не имела дела с таким важ-

ным проектом, как поглощение. При всём своём недопонимании сути, я всё же осознавала, что этот процесс несёт за собой некоторые риски, которые необходимо просчитать и взвесить, прежде чем принять окончательное решение, иначе можно было загнать собственную фирму в кризисную ситуацию. Марк не мог этого допустить, и я оправдывала его отсутствие в нашей жизни именно этим. Мне не хотелось даже допускать мысли, что он разлюбил меня, что больше не нуждается в нас, как раньше, этого бы я не вынесла. Я лежала так, постепенно успокаиваясь от тихого размеренного дыхания Марка, ощущая тепло его стройного тела, наслаждаясь прикосновениями к его гладкой коже, и верила, что скоро у нас всё будет хорошо, только бы пережить этот этап нашей жизни.

Однако проснувшись рано утром в одиночестве, я вновь ощущала пустоту и тревогу. Марк уже ушёл. Противный камень продолжал висеть на сердце, давя на него своим непомерным грузом и мешая мне дышать полной грудью. На автомате я вставала, умывалась, одевалась, стараясь не думать ни о чём, затем шла готовить завтрак для себя и дочери. После будила малышку, стараясь изображать счастье и веселость на своём лице, помогала ей одеться, умыться, и мы вместе завтракали, болтая о предстоящих делах на день.

Каждый день, помимо выходных, я водила дочь в группу дошкольного развития. Кате нравилось посещать эту группу. Там она могла общаться с другими детьми, играть, учиться-

ся правильно вести себя в социуме. Преподаватели обучали детей чтению, детским песенкам и весёлым играм. Время от времени они ставили небольшие спектакли по мотивам русских народных сказок для самых маленьких. Катя очень расстраивалась, если Марку не удавалось посетить выступление, где она играла роль какого-нибудь зайчика или лягушки. Но я пыталась компенсировать его отсутствие двойным вниманием к дочери, хоть и понимала, что это никак не заменит ей внимание отца. Однако к моему удивлению, в последнее время Катя всё реже вспоминала папу, всё реже просила позвонить ему на работу, а иногда и вовсе весь день не вспоминала о его существовании, что с одной стороны меня настораживало и волновало, но с другой я понимала, что ей так легче смириться с его временным, но фактически полным отсутствием.

После занятий я забирала её из группы, и мы обычно шли перекусить в нашу любимую кофейню, где подавали отменный капучино и вкуснейшую сдобу, которая буквально таяла во рту. Катя обожала такие посиделки в общественных местах, она без умолку болтала, посвящая меня во все переживания и эмоции, которые она испытала на прошедшем занятии. Иногда Катя прямо за столом в кофейне громко пела новую детскую песенку, выученную за день, воодушевленно мотая ногами и наклоняя голову в разные стороны в такт музыки. Я внимательно слушала, радуясь веселому настроению своего ребёнка, не обращая внимания на то, что все посети-

тели обратили на нас свой взгляд и отнюдь не все выглядели довольными.

Наши будничные дни проходили довольно однообразно. В свободное от занятий время мы ходили за покупками, готовили обед или ужин, читали книжки или вместе смотрели новые серии её любимого мультфильма. Я старалась поддерживать чистоту и уют в доме, и дочь повторяла все мои действия. На такие случаи у неё имелся целый арсенал игрушечных копий бытовой техники, начиная от пылесоса и заканчивая стиральной машинкой, что позволяло нам вместе весело и с игрой убирать дом.

Но и выходные дни зачастую проходили в том же режиме. Марк проводил все субботы в офисе, и только редкие воскресенья он оставался дома. Однако и тогда муж запирался в своём кабинете, ведя телефонные переговоры или просматривая бумаги с отчётностью и планы. Когда он выглядел таким сосредоточенным, погружённым в работу с головой, мы с дочерью не решались его беспокоить, зачастую уходя из дома на прогулку в парк.

Время от времени по воскресеньям к нам приезжали родители Марка – Виктор со своей женой Натальей. Их визиты были достаточно редкими из-за значительного расстояния, которое им приходилось преодолевать, чтобы посетить наш дом. Ведь несмотря на общественное и профессиональное признание Виктора отличным хирургом, он отказывался от умопомрачительных предложений ведущих клиник страны

и продолжал работать в неприметной и плохо оборудованной больнице Соснового Бора. Мы же с Марком сразу после свадьбы переехали в Санкт-Петербург, где и поступили в университет. Сначала мы жили в комнате общежития, а когда я забеременела, Марк приобрёл небольшую квартиру на окраине города. Этот дом, в котором мы жили сейчас, мы смогли себе позволить только год назад, когда компания Марка начала приносить неплохую прибыль.

Дочка радовалась визиту бабушки и дедушки, хотя в основном время с ней проводила мать Марка, в то время как Виктор запирался с мужем в кабинете, обсуждая тонкости ведения бизнеса. Иногда из-за двери до нашего слуха доносились их громкие споры.

– Ты не понимаешь! – раздавался грозный голос Виктора. – Дешевые доплеры могут исказить качество показателей, от этого могут пострадать пациенты!

Виктор был гуманным до мозга костей. Он обожал свою работу, обожал помогать людям, спасать им жизни. Для него было недопустимым экономить на здоровье людей.

– Отец, – строго парировал Марк, – мы пытаемся удешевить мониторы, чтобы не такой уж большой бюджет слабых государств и республик смог позволить себе приобрести партию таких аппаратов в основные больницы страны. Это наша главная задача. Как ещё ты предлагаешь сделать это оборудование доступным? Пойми, я тоже преследую благие намерения в каком-то смысле.

– Твои основные намерения – заработать прибыль!

– Отец, ну а для чего по-твоему открывают фирмы, начинают ведение бизнеса? Естественно, я хочу на этом заработать. Я уже нашёл потенциальных покупателей, осталось внедрить разработки в производство и заключить пару контрактов с бюджетными учреждениями.

– Тебя не переубедить, – сдавался Виктор уже тише, избавляя нас от участи быть дальнейшими свидетелями их переговоров.

Позже Марк объяснял мне, что его компания параллельно с поглощением собирается разработать новую линейку кардиомониторов, которые должны быть простыми в обращении и достаточно дешевыми, чтобы пойти на экспорт в развивающиеся страны и постсоветские республики.

Погружаясь в привычные повседневные заботы, я отвлекалась от мрачных мыслей, которые всё чаще посещали меня по ночам. Что-то не давало мне покоя, какая-то тревога, которая засела в моём сознании, словно червь в яблоке, и пожирала меня изнутри, оставляя после себя отвратительный чёрный след. Я боялась потерять Марка, боялась, что наше хрупкое семейное счастье разобьётся о скалу недосказанности и недопонимания.

Этим утром я проснулась и поняла, что за всеми своими внутренними переживаниями и тревогами я не заметила, как пролетело время и до Нового года осталась всего неделя. Неожиданно я почувствовала легкое чувство радости в

предвкушении этого доброго семейного праздника. Так всегда ощущаешь себя в ожидании чуда, ведь Новый год всё-таки был одним из волшебных праздников, сулящий исполнения желаний. Я вдруг поверила, что наступление этого дня как-то исправит ситуацию в нашей семье, повернёт всё на сто восемьдесят градусов. Я как ребёнок загорелась идеей подготовить невероятное празднование, которое стало бы самым запоминающимся за все последние годы.

Прикинув свои силы, я решила начать с украшения дома, покупки ёлки и ёлочных игрушек и гирлянд, которых у нас не осталось с предыдущих празднований в силу того, что на украшение нашей последней квартиры хватило всего пары гирлянд. Необходимо было ещё заняться подбором подарков и изучением новых невероятных рецептов вкусных неизведанных блюд для праздничного стола. Дел было невпроворот, и я потерла руки в предвкушении предстоящих хлопот, мне безумно захотелось сделать мужу сюрприз.

Катя была в восторге от огромных магазинов, пестреющих полками, забитыми разнообразными елочными украшениями, гирляндами, светящимися снеговиками, трёхметровыми искусственными ёлками, лентами, бантами и прочей необходимой для праздника ерундой. Мы набрали полный багажник моего мини вена всевозможных украшений и в тот же день приступили к работе, решив в первую очередь украсить дом изнутри. Я включила на полную громкость музыкальную установку, из колонок которой лилась веселая новогод-

няя музыка, подборку которой я заранее приобрела в том же магазине, и достала из кладовой стремянку. Катя подавала мне украшения, пританцовывая вокруг меня и подпевая льющейся из колонок музыке, а я художественно развешивала их по дому, стараясь придать этому беспорядочному яркому и праздничному бардаку хоть какое-то подобие целостности и стиля.

Когда с отделкой дома было покончено, мы перекусили бутербродами с ветчиной и, одевшись потеплее, приступили к расставлению светящихся снеговиков и эльфов вдоль подъездной дорожки, протянув из гаража заранее приобретенный удлинитель. Мы украсили окна первого этажа разноцветными светящимися гирляндами, а на дверь повесили традиционный красочный венок из ели. На немногочисленные лысые кустарники на лужайке возле дома мы набросили иллюминацию в виде сетки, которая была почти незаметна при дневном свете. Катя не могла дождаться наступления темноты, чтобы проверить наше творение на качество.

Не успели мы закончить украшать дом с улицы, как к подъездной дорожке подъехала машина, доставляющая заказанную в магазине живую ель. Катя уже довольно устала, но всё-таки взвизгнула от восторга при виде огромного пушистого ярко-зеленого символа Нового года. Двое грузчиков втащили её в дом с задней двери и установили в гостиной на заранее подготовленное мной для неё место у окна. Обеденное время уже давно миновало, поэтому, по моему автори-

тетному решению, приступать к украшению елки мы начали только после того, как поглотили по изрядной порции тушеных овощей и запеченной курицы.

Я не очень волновалась за дизайн нашей ели, предпочитая художественный беспорядок в виде игрушек самых различных окрасок, форм и материалов. Поэтому смело позволила дочери навешивать на ветки те игрушки, которые ей нравились больше всего. В итоге у нас получилась довольно-таки оригинальная ель, низ которой был украшен сугубо стеклянными зверюшками в виде зайчиков, белочек и прочей лесной живности, а середина и верх уже по моему вкусу сверкала круглыми шарами и серебристыми бантами.

Было уже почти шесть часов вечера, когда мы закончили и с разочарованием обнаружили, что забыли приобрести украшение на макушку дерева. Я пообещала, что завтра с утра мы непременно займёмся этим вопросом, но Катя очень расстроилась и стала канючить поехать за украшением прямо сейчас. Мне не хотелось снова тащиться в центр города из-за одной елочной игрушки, но дочь так расплакалась, что я не могла больше ей противиться. В какой-то степени я понимала её чувства, поскольку сама была в некотором роде перфекционисткой. Мне нравилось, когда все вещи стояли по своим местам и когда все дела были завершены вовремя и до конца, и эта, на первый взгляд, незначительная деталь нарушала всю общую гармонию, которую мы творили весь день не зная отдыха. Я сдалась под напором слезных угово-

ров дочери, и мы, одевшись потеплее, отправились в магазин. Помог принять решение ещё и тот факт, что Марк сегодня снова не появится дома раньше полуночи, о чём он соизволил сообщить мне по телефону в свой обеденный перерыв, а значит к ужину ждать его нам не приходилось.

Шёл снег, и на улицах творился хаос. Люди возвращались с работы и спешили оббежать и объездить как можно большее количество магазинов в поисках новогодних подарков. Дороги были забиты пробками, все нетерпеливо сигналили друг другу, злясь, что приходится тратить драгоценное время за просиживанием штанов на сиденьях своих автомобилей. Не доехав пары кварталов до нужного магазина, я припарковала свой мини вен на ближайшей стоянке, и мы с Катей отправились пешком, понимая, что это наш единственный шанс добраться до магазина до закрытия.

В магазине Катя никак не могла определиться, какое украшение выбрать для макушки ели: золотую звезду, усыпанную блестками, или вытянутый замысловатый конус, напоминающий вязальную спицу, воткнутую в пирожное со взбитыми сливками. Наконец, отдав предпочтение звезде, Катя радостно зашагала в сторону кассы.

– Теперь наша ёлочка будет самой красивой! – весело щебетала она, когда мы оплатили покупку и вышли на холодный морозный и влажный питерский воздух.

Снег всё ещё кружил над землей, даря всем прохожим новогоднее настроение, а автолюбителям лишнюю порцию

недовольства из-за сложности в проезде. К их огромному сожалению, снегоуборочная техника не могла так быстро справляться с природной стихией в виде обильного снегопада. Я ещё раз порадовалась, что оставила машину в нескольких кварталах отсюда, где движение было не таким плотным.

Мы не спеша брели по улицам, уставшие за день и удовлетворённые проделанной работой. Катя предвкушала удивлённое лицо Марка, когда он вернётся домой и увидит, каким праздничным и нарядным стал теперь наш дом благодаря нашим усилиям. Она тянула меня за руку, без умолку болтая и вертя головой направо и налево, рассматривая улицы, уже украшенные иллюминацией к празднику. Витрины магазинов и окна ресторанов обрамляли разноцветные гирлянды, мишура и прочая новогодняя ерунда для декорирования.

Неожиданно Катя остановилась посреди улицы, уставившись сквозь стеклянную стену одного из ресторанов, мимо которых мы проходили.

– Почему ты остановилась, малышка? – спросила я, пытаясь продолжить путь к машине и слегка подтягивая её за руку вперёд.

– Там папа, – сказала моя дочь, указывая пальцем на огромное окно, заменяющее фасадную часть стены ресторана.

– Детка, тебе показалось, папа на работе в своём офисе, – пролепетала я, продолжая тянуть дочь за руку и расстраи-

ясь из-за того, что она уже в каждом прохожем узнаёт образ своего отца.

– Мама, нет же, это папа, ну посмотри! – настаивала она, подойдя к стеклу почти вплотную и продолжая тыкать в него пальчиком, слегка постукивая.

Я нехотя проследила взглядом по указанию маленького пальчика и застыла на месте. Моё сердце провалилось под тяжестью пресловутого камня в область живота и стало биться там, пропуская глухие удары, когда в самом дальнем углу ресторана в приглушённом освещении я увидела своего мужа, сидящего за столиком для двоих в компании сногшибательной платиновой блондинки и смотрящего на неё своим фирменным ослепляющим взглядом.

Глава 3

Казалось, время замедлило ход и всё вокруг стало двигаться неторопливо, как в замедленном режиме просмотра видео, пока мой мозг пытался осознать увиденное через стекло дорогого ресторана. Мой Марк, мой обожаемый муж, без которого я не могла себе представить свою жизнь, смотрел на свою белокурую спутницу влюблённым взглядом, нежно сжимая её ладонь своими длинными пальцами. Я не смогла бы сказать, сколько прошло времени, пока я стояла на тротуаре и смотрела сквозь стекло, как рушится мой мир. Я смогла опомниться только тогда, когда Катя потянула меня за руку ко входу в ресторан со словами:

– Мама, пойдём к папе!

Я с трудом оторвала взгляд от мужа и перевела его на дочь. Противный ком боли встал у меня в горле, мешая произнести хоть слово, а дочь продолжала тянуть меня к двери. Наконец я справилась со своим голосом и хрипло проговорила:

– Детка, папа сейчас занят, он не будет рад, если мы прервём его важную встречу. Давай лучше поедem домой, я что-то плохо себя чувствую.

– Ты заболела? – уточнила Катя.

– Нет, просто устала, – солгала я, хотя ноги мои и правда дрожали, норовя подкоситься под тяжестью моего тела.

Катя послушно кивнула и, бросив последний взгляд в сто-

рону столика Марка, засемила частыми шагами вдоль по улице.

Я не помню, как мы подошли к машине, как приехали домой. Мой мозг как будто отключился от всего происходящего, блокируя увиденную картинку в ресторане. Я на автомате искупала дочь, одела её в пижаму и отнесла в постель. Даже когда я читала её любимую сказку, голос мой казался мне чужим, не моим, я словно слышала его со стороны.

Катя быстро заснула, вымотанная за день, а я спустилась вниз, накинула пальто и вышла на улицу. Только теперь я поняла, что не могу нормально дышать. Тянущая боль сковала моё сердце тугим металлическим обручем, мешая ему биться в полную мощь, выполняя свою работу и разнося кислород по клеткам. Я попыталась вдохнуть, но легкие как будто слиплись, скомкались в одну беспорядочную кучу альвеол, и я не в силах была раскрыть их, втягивая морозный воздух, который доходил да трахеи и заканчивал на этом свой путь по проникновению в мой организм.

Я не обращала на это никакого внимания. Только невыносимая боль в левой части груди говорила о том, что я ещё жива. Голова кружилась от нехватки кислорода, в висках стучало от нервного возбуждения, ноги дрожали. Единственная мысль пульсировала в голове: «Всё кончено».

В глубине сознания всё-таки мелькала спасительная мысль, что я ошибаюсь, что это не то, о чём можно было подумать. Я ухватилась за эту соломинку, как обессиленный

борьбой с волнами утопающий человек хватается за спасательный круг. Мне нужно было хоть немного собраться с мыслями, иначе мой рассудок готов был рассыпаться на миллион мелких частей, которые потом уже невозможно будет собрать.

Я развернулась и зашла в дом, концентрируя всё своё внимание на механических действиях, совершаемых моим телом, стараясь всеми силами не думать о случившемся, по крайней мере, прямо сейчас. Я прошла в гостиную, медленно подошла к бару и плеснула себе немного виски в чистый стакан. Руки дрожали так, что я удивилась, как мне удалось не пролить ни капли горячительного напитка мимо цели. Сделав обжигающий глоток, я почувствовала, что мои лёгкие слегка расслабляются, позволяя впустить внутрь немного воздуха. Впервые в жизни мне захотелось покурить. Поставив стакан на бар, я начала трясущимися руками искать завалившуюся пачку сигарет, которую мы держали исключительно для гостей. Все мои мысли были заняты поиском, что спасало мой разум от немедленного разрушения и со стороны я, должно быть, выглядела как заправский наркоман, испытывающий ломку и шарящий в шкафу в поиске спасительной дозы. Наконец отыскав пресловутую пачку, я далеко не с первой попытки смогла извлечь из неё сигарету, рассыпав при этом несколько на ковёр. Прикурив её трясущимися руками, я жадно затянулась и тут же зашла противным кашлем с непривычки. Запив удушающий приступ очеред-

ным глотком виски, я затаилась снова и ощутила облегчающее расслабление. Табачный дым своей плотностью помог протолкнуть воздух в лёгкие, расправляя их и разрушая своим ядом одновременно.

С сигаретой в одной руке и со стаканом в другой я села на диван, приводя в порядок мысли, которые до этого момента прятала сама от себя. Я не могла быть уверена на все сто процентов, что Марк мне изменяет с этой шикарной блондинкой, но то, что он соврал мне о важной встрече с партнером – было абсолютно точным. Я не обладала дюжими способностями к дедукции, но даже с таким мышлением могла выстроить логическую цепочку из некоторых фактов, которые приводили к определённым выводам.

У нас с Марком уже почти месяц не было секса. Муж до полуночи задерживался на работе каждый день, включая выходные. Он не рассказал мне о сегодняшнем ужине с девушкой. Логично предположить, что если бы она и была тем самым партнером, то мне можно было бы смело поведать о ней. Но он промолчал, солгав, что встреча будет в офисе. Значит, ему есть, что скрывать.

Я снова сделала глоток виски и затаилась сигаретой, понимая, что начинаю пьянеть. Я решила не делать поспешных выводов, которые могли оказаться ошибочными, а дожждаться Марка и потребовать его объяснений. Марк умел виртуозно врать, используя свой излюбленный прием ослепления, но я давно научилась распознавать эту ложь.

Решив так, я немного успокоилась. Нервный спазм перестал сжимать мои легкие, и я уже могла дышать более глубоко, хоть и не полной грудью. Украшенные к празднику стены давили на меня, мне хотелось убежать подальше из этого дома, но наверху спала моя дочь и я продолжала просто сидеть, дожидаясь мужа.

Ожидание убивало меня, поэтому я решила почитать что-нибудь, чтобы отвлечься от гнетущих мыслей, продолжающих лезть в мою слегка затуманенную алкоголем голову. Я подошла к огромному книжному шкафу и стала рассматривать знакомые корешки стоящих на полках книг. Мой блуждающий взгляд упал на необычную книгу, белый переплёт которой я раньше не видела здесь, а значит, эту книгу покупала не я, а Марк и совсем недавно. Мне стало любопытно, я извлекла книгу и прочитала название, от которого спазм снова стянул мои лёгкие. Это был роман современного зарубежного автора Фредерика Бегбедера «Любовь живёт три года».

С книгой в руке я вернулась на диван, медля с тем, чтобы открыть её и начать чтение. Я боялась, что её содержание и будет ответом на все мои не заданные Марку вопросы, но я всё-таки начала чтение. Я проглотила треть книги залпом, и с каждой прочитанной страницей мои волосы на теле становились дыбом. Но когда я дошла до девятнадцатой главы, моё сердце снова сжало тугим обручем после прочтения следующего абзаца: «...чтобы быть счастливым, человеку нуж-

на уверенность в завтрашнем дне, а чтобы быть влюбленным, нужна как раз неуверенность. Счастье зиждется на спокойствии, тогда как любви необходимы сомнения и тревоги. В общем, брак был задуман для счастья, но не для любви».

Вдруг я услышала шум подъезжающей к дому машины и от неожиданности выронила книгу на пол. Сердце глухими ударами билось о грудную клетку, усиливая боль. На секунду в голову пришла безумная мысль, а не оставить ли всё так, как есть, и не сделать ли вид, что я ничего не видела, продолжая притворяться и играть роль счастливой жены? Но нет, я так не смогу, только не я. Мне нужна правда, какой бы жестокой и отвратительной она не оказалась.

Ожидая тяжелого разговора, я снова закурила, стряхивая пепел прямо на ковёр, меня сейчас это совсем не заботило. Наконец послушался звук открывающейся входной двери, и мягкие шаги Марка, идущего по коридору. Он по привычке направлялся к лестнице, ведущей наверх в спальню, но, увидев меня в гостиной, остановился с нескрываемым удивлением на лице.

– Вероника? – в его голосе явно слышалось недоумение. – Ты ещё не спишь? Ты что, куришь? Что на тебя нашло?

Он с широко открытыми от шока глазами вошёл в комнату и приблизился ко мне. Я смотрела прямо ему в лицо, периодически поднося сигарету ко рту трясущимися руками и затягиваясь горьким дымом.

– Марк, – хрипло начала я, не в силах больше держать в

себе рвущиеся наружу вопросы, – где ты был? Почему так поздно?

Марк уставился на меня с ещё большим удивлением, ещё никогда я не устраивала ему допрос посреди ночи с сигаретой в руках и полупустым стаканом с виски, да что там, я вообще никогда не устраивала ему допрос, слепо веря каждому его слову.

– У меня была важная встреча в офисе, я же тебе говорил, – ответил он, даже не запнувшись ни на одном слове и продолжая сверлить меня недоуменным взглядом. – Что случилось в конце концов, почему ты решила отравить свой организм порцией никотина?

– Я видела тебя, Марк, – тихо проговорила я, выпуская при этом беспорядочное облако едкого дыма.

Власов застыл, и на мгновение на его лице пролегла тень страха, но только на мгновение. Он тут же натянул на себя непроницаемую маску уверенного в своей правоте человека и твёрдым голосом произнес, нагло смотря мне в глаза:

– Что ты видела, Вероника?

Моему терпению пришёл конец, мне надоела эта игра в кошки-мышки, Марк и не собирался ни в чём признаваться. Его несокрушимое джентльменство рушилось в моих глазах с невероятной скоростью и любовь, испытываемая мною к этому человеку, сейчас вытесняло из моего сердца презрение к его трусости. Я встала, чтобы смело выплюнуть ему в лицо правду.

– Сегодня, ресторан «Белый дождь», столик на двоих, восемь часов вечера, рука грудастой платиновой блондинки в твоей руке... – я замолчала, наблюдая его реакцию.

Марк не изменился в лице, судя по всему, он перебирал в голове оправдания себе, но так и не мог подобрать ничего правдоподобного. Не дав раскрыть ему рта, чтобы он не сморозил какую-нибудь чушь про то, что встречу пришлось перенести в ресторан, я продолжила:

– Ответь мне только на один вопрос. Как долго ты выставляешь меня душой? Месяц, два, полгода?

Казалось, что Власов понял всю безвыходность ситуации, и маска невозмутимости сползла с его лица, обнажая на нём чувство вины, боли и отчаяния, но только не раскаяния. Он прошагал к бару, наполнил чистый стакан виски, тут же сделал большой глоток и только после этого повернулся в мою сторону.

– Всё кончено? – тихо спросил он, но уже и так знал ответ.

Я сама вдруг осознала, что ведь и правда всё кончено. Теперь это стало понятно на все сто процентов, не оставалось и капли сомнения в том, что это была за встреча. Я испытала невыносимую боль. Казалось, тот тяжёлый камень на моём сердце разорвало на мелкие кусочки гранатой правды и осколки вонзились в лёгкие, рёбра, диафрагму, разъедаая мои внутренности изнутри. Я стойко терпела душевные страдания, прямо глядя на Марка и ожидая, что будет дальше.

Я видела, что ему тоже больно, но была уверена, что не

так, как мне. Сейчас он скорее испытывал другие страдания, связанные с переживаниями собственной вины в разрушении всего того, что мы строили последние семь лет. Я же испытывала боль утраты, боль потери любви, боль предательства, боль от ощущения ненужности, боль осознания того, что мой любимый муж так легко растоптал мои чувства к нему, поддавшись физическому влечению к другой женщине. Он сделал ещё один глоток и продолжил:

– Какая разница, сколько это длится, Вероника? Я знаю, что никакие мои слова оправдания или извинения не помогут нам пережить это. Я заслужил этой кары и вынесу любое твоё решение.

– Почему, Марк, почему? Мы ведь любили друг друга? – слёзы норовили хлынуть из моих глаз обильным потоком, а невыплаканные рыдания сдавливали горло, но я держалась, как могла. Гордость не позволяла мне вывернуть наизнанку душу перед человеком, который только что признался в своём предательстве.

– Я и сейчас люблю тебя, милая, – ответил он. – Но это уже не та любовь, которую я испытывал пару лет назад. Ты самый близкий и родной для меня человек, я люблю твою доброту, твою самоотверженность, твою наивность, но этого оказалось недостаточно против того, что я испытал к ней. – Я уже не могла сдерживать слёз, а он продолжал по привычке изливать мне свою душу, растапывая при этом мою собственную и причиняя ещё большую боль. – Ты красивая, Ве-

роника, твоя красота милая, даже трогательная, но ты скрываешь её под бесформенными свитерами и джинсами. Где та лёгкая, застенчивая девушка, краснеющая при одном моём взгляде, в которую я когда-то без памяти влюбился? Я не вижу её теперь. Приходя домой, я вижу неухоженную женщину, заботящуюся о быте и не имеющей больше никаких интересов, помимо воспитания ребёнка. В тебе не осталось ни капли сексуальности и загадочности, Вероника.

Я продолжала всхлипывать, и он сделал неуверенное движение в мою сторону с намерением утешить. Я со злостью отмахнулась от его руки.

– Можешь не продолжать, мне всё ясно. Я видела её, видела, как она выглядит. Я знаю, что её внешность не идёт ни в какое сравнение с моей, но ведь я всегда такой была, Марк, я всегда так одевалась...

– Я знаю, Вероника, мне тяжело говорить об этом, я делаю тебе больно, прости. Я виноват, я признаю, что поступил как последний подонок и нет мне оправдания. Я пойму, если ты подашь на развод.

– Ответь, что изменилось с тех пор? Мне нужно знать...

– Я повзрослел, Ника, вот и всё. Я уже не тот школьник-подросток, романтик до мозга костей, млеющий при одном взгляде твоих карих глаз. Сейчас у меня другие взгляды на жизнь, я по-другому воспринимаю добро и зло, правильность и условность. Я стал циником, понимаешь, я занимаю престижную должность, вокруг меня постоянно кру-

тятся красивые девушки... Мне тяжело было устоять...

– Особенно, когда ты возвращался домой и видел меня на контрасте с ними? – ярость теперь заполняла моё сердце, и я буквально выплюнула это ему в лицо. – Деньги портят людей... Что же, ты умело пытаешься повесить на меня ответственность за свою измену, но у тебя это не выйдет. Я услышала достаточно и хочу, чтобы ты исчез из нашей жизни.

Марк снова попытался дотронуться до меня с виноватым выражением лица, но я брезгливо отшатнулась. Сейчас его рука казалась мне противным белым щупальцем какого-то ужасного морского чудовища, пытающегося затащить меня в своё логово лжи и предательства.

– Но ты не можешь запретить мне видеться с Катюшкой?! – строго проговорил он, сверля меня взглядом и одевая новую маску безразличия.

– Это решит суд, – презрительно ответила я. – Пожалуйста, уходи!

Он посмотрел на меня уже более мягким взглядом, молча поставил стакан на столик и поднялся в спальню. Я продолжала стоять посреди гостиной, сотрясаясь нервной дрожью и благодаря Бога, что Катя сейчас спит и не видит своей матери в столь ужасном состоянии. Спустя несколько минут Марк спустился вниз со спортивной сумкой наперевес.

– Вероника, – произнёс он, – я не вернусь в этот дом, если ты этого не хочешь, но Катя, не забирай её из моей жизни.

Я молча сверлила его взглядом и, ничего не ответив, ука-

зала рукой на дверь. Он послушно вышел из дома, а я, не в силах больше стоять на ногах, повалилась на диван и зарыдала в голос, приглушая громкие всхлипы подушкой. С каждым вздохом острые осколки камня как будто впивались в мою плоть, причиняя невыносимую, почти физическую боль, граничащую с безумием. Как так сложилось, что моя жизнь разрушена, счастье, к которому я так стремилась, полетело в тартарары? Кто виноват в этой ситуации? Осознание того, что доля моей причастности к трагедии имеет место быть, разъедало мой мозг ещё сильнее. Но я не собиралась корить себя за невнимательность к мужу, за свой образ жизни, за свою внешность, что, по его словам, стали причиной его измены. Просто Марк сделал свой выбор, променял любящую его жену и дочь на красивую незнакомку.

Прорыдав полночи в гостиной, пытаюсь собрать своё сердце в единое целое, я вдруг поняла, что что-то во мне треснуло, надломилось. Я совершенно чётко осознала, что никогда уже не буду такой, как прежде, и что я не хочу быть такой, как прежде. Неожиданно мне захотелось измениться, перестать быть доброй всепрощающей Вероникой, которая готова возложить на себя вину за всех и каждого. Хватит этой самоотверженности и неуверенности в себе, такие черты характера не сделали меня счастливой, а напротив, разрушили моё счастье. Мне нужно быть сильнее всего этого ради дочери, ради её благополучия, душевного равновесия.

Я оторвала своё заплаканное лицо от диванной подушки

и, шмыгая носом, утёрла его рукавом. Осколки воображаемого, но вполне осязаемого камня всё ещё причиняли мне сильную боль, но я уже не обращала на это внимание. Я огляделась по сторонам, разглядывая украшенные стены и окна к празднику. Мне вдруг невыносимо стало находиться в этом доме, где всё напоминало о прошлой жизни, которая закончилась сегодня ночью. Стены и потолок буквально давили на меня, угрожая уничтожить мой рассудок своей тяжестью. Я поняла, что не могу больше находиться в этом доме, что смогу пережить весь этот кошмар, если только попытаюсь забыть последние годы моей жизни, сжечь все мосты, связывающие меня с ней, начать жить сначала, с чистого листа, как будто Марка никогда и не было в моей жизни.

Решение само пришло мне в голову прямо посреди ночи и его воплощение не терпело отлагательств. Я резко встала и уверенным шагом протопала в спальню. Открыв гардеробную, я извлекла с антресоли огромный чемодан и стала бездумно наполнять его одеждой. Это действие немного успокоило меня, приводя в порядок дыхание. С каждой упакованной вещью мои мысли выстраивались в ряд, давая мне возможность соображать более трезво. Я должна уехать отсюда, дальше от этого сумасшедшего и одновременно прекрасного города, дальше от Марка. Закончив собирать свои вещи, я глянула на часы и поняла, что уже семь утра. Достав из кармана джинсов мобильный телефон, я набрала до боли знакомый номер, моля Бога, чтобы трубку подняли. С тре-

тьего гудка мои мольбы были услышаны:

– Вероника, что случилось? – раздался голос с того конца провода.

– Папа, можно мы с Катей поживём у тебя? Я потом всё объясню.

Было слышно, как мой отец набрал воздуха, чтобы задать уточняющие вопросы, но потом передумал, проговорив:

– Конечно, я всегда рад вас видеть! Когда выезжаете?

– Сегодня, – ответила я голосом, полным благодарности к отцу.

Глава 4

часть I

POV Марк

Я захлопнул за собой входную дверь своего недавно приобретённого дома, в котором остался кусок моего сердца. Я чувствовал тоску, всепоглощающую, беспросветную зелёную тоску, которая затянула мою душу несколько минут назад, когда я признался жене в своей измене. Я был противен самому себе за то, что причинил боль дорогому мне человеку, унизил её и разом перечеркнул все те годы, которые мы прожили вместе. Я ни секунды не сомневался, что Вероника подаст на развод, но в глубине души я осознавал, что это было бы единственно правильным решением в данной ситуации. В некотором роде я даже ощутил облегчение, когда понял, что правда всплыла наружу. Сколько ещё я бы смог выдержать этот пресс совести, давящий на меня пятитонной бетонной плитой с того первого дня, когда я переспал с другой женщиной. Сейчас мне было тяжело оттого, что я виноват, оттого, что обидел любящую меня женщину и свою маленькую дочь, что я потерял их доверие навсегда, а может быть и возможность видеться.

Сидя за рулём своего БМВ и не решаясь завести мотор,

словно бы это означало начало конца, я рассуждал о том, что любил Веронику. Я любил её так, как можно любить мать своего ребёнка, как можно любить память о той безумной детской любви, поглотившей нас ещё в школьные годы, как можно любить саму привычку любить. Она была для меня идеалом жены, матери, спутницы жизни и я боготворил её за эти качества. Но этого оказалось слишком мало в сравнении с теми чувствами, которые захлестнули меня при встрече с Таней и которым я не в силах был противиться, как ни старался.

Я вспомнил, как впервые увидел Таню. В то время я был полностью погружен в работу, изучая финансового состояния компании, которую планировал загрести в свои лапы, и почти каждый день задерживался в офисе, сверяя финансовые показатели, графики рентабельности и бухгалтерскую отчетность. Помню, как именно в тот день я вдруг захотел бросить все дела и провести вечер в компании семьи, поняв, как соскучился по ним и как мне не хватает их общества. Работа всегда занимала в моей жизни отнюдь не скромное место, я имел привычку погружаться с головой в новую идею, отдавая её воплощению все свои силы и энергию. Моя компания, моё детище, управление которой позволяло мне воплотить в жизнь все свои качества лидера, проявить все свои способности организатора, исполнить моё стремление держать всё в своих руках и помочь мне выплеснуть всю свою тягу к контролю. Мне всегда нравилось, когда я

мог контролировать каждую ситуацию, влиять на ход событий, принимать решения, в результате которых фирма получила неплохую прибыль, а я удовлетворение своих потребностей добытчика. Работа помогла мне самоутвердиться, почувствовать себя настоящим мужчиной, способным построить дом, посадить дерево и вырастить сына. И хотя в то время мы не планировали второго ребёнка, но именно мысль об этом дала мне понять, что я скучаю по своим девочкам и что пора уделить им внимание, искупив свою вину букетом из роз для супруги и новой куклой для дочери.

Предупредив Веронику, чтобы они ждали меня к ужину и попросив приготовить для меня запечённое мясо, я вновь погрузился в изучение материалов. Я уже подготовил договор о слиянии, обозначив в нём наши главные условия, и собирался выслать его руководству компании под названием «ЛондаМед», которую мы планировали присоединить к себе. Эта компания занималась разработкой и производством противозачаточных спиралей. Изучив финансовое состояние данной фирмы и её производственный план, я понял, что их последняя разработка модели спирали, под названием «Лонда 5», потерпела провал при медицинских испытаниях. Добровольцы, согласившиеся стать подопытными кроликами, а таковых оказалось ни много ни мало двадцать пять человек, после установки спирали перенесли множественные маточные кровотечения, в результате которых им пришлось долго лечиться в стационаре за свой счёт, а некоторые жен-

щины и вовсе потеряли способность к деторождению. Все испытуемые подали коллективный иск в суд и без промедления выиграли дело, поскольку бесплодие не значилось в контракте как побочное действие. Судебным решением руководство «ЛондаМед» принудили выплатить баснословные компенсации всем жертвам эксперимента, а также штраф в размере 10-ти миллионов рублей за непреднамеренное причинение вреда здоровью. Собственник «ЛондаМед» к своему огромному счастью отделался условным сроком. Компания была не так богата и, даже при условии продажи всех своих ликвидных активов, едва наскребла нужную сумму и частично влезла в долги, что делало её финансово неустойчивой и сулило полным крахом, что было мне только на руку.

Мои же интересы к этой компании были вполне оправданными. Во-первых, я давно хотел открыть новое направление деятельности своей фирмы в сфере противозачаточных средств, так как эта сфера, по моему мнению и по данным статистики, была одной из самых выгодных и востребованных. Во-вторых, завладеть уже наработанными идеями, имеющимся в наличии оборудованием, готовой к опытам лабораторией и сплочённым коллективом куда как легче и выгоднее, чем начинать строить это с нуля. Я знал, как выжать из «ЛондаМед» по максимуму, пусть мне и придётся потерять некоторую вполне значимую сумму, выплачивая их долги. Я уже строил планы и рассчитывал будущие доходы, прикидывая нашу совместную деятельность. Оставалось только

подписать договор с моими условиями и выгодная для меня сделка свершится.

Рабочий день подходил к концу, когда зазвонил телефон на моем столе, и моя секретарша Кристина проговорила взволнованным голосом:

– Марк Викторович, только что звонила Татьяна Спицина и сообщила, что требует немедленной встречи с вами!

Госпожа Спицина была владелицей компании «Лонда-Мед», я знал это из документов на собственность компанией. Я никогда не видел её раньше, так как все дела фирмы вел её заместитель и назначенный директор некий Владимир Соколов. Все предварительные переговоры я проводил именно с ним. Госпожа Спицина представлялась мне этакой гламурной душой, ничего не понимающей в делах своей собственной компании, доставшейся ей в наследство от покойного престарелого мужа, за которого она вышла исключительно ради денег, ведь по документам лет ей было всего лишь двадцать пять. И теперь эта пустышка требует встречи со мной именно в тот день, когда я планировал вовремя уйти с работы, чтобы провести время со своей семьёй.

– Кристина, скажи ей, что у меня плотный график и все встречи я планирую заранее. Извинись и перенеси её визит на завтрашнее утро, – строго приказал я, собирая документы в портфель и планируя просмотреть их ещё раз перед сном.

– Но Марк Викторович, она уже поднимается в лифте! – в голосе секретарши слышались нотки паники. – И потом

Татьяна Андреевна предупредила меня, что если вы откажетесь, она придет к вам домой!

Я чертыхнулся про себя, досадуя, что всё же опоздаю на ужин и не успею купить ни цветов, ни куклы.

– Ладно, пригласи её минут через десять, а пока угости кофе.

Я извлёк документы из портфеля. Причину столь срочного визита этой особы я мог предположить с легкостью. В первой половине дня я выслал на почту Соколова на согласование договор со своими условиями, и она, видимо, ознакомившись с ним, решила незамедлительно его оспорить. Странно, что не послала самого юриста на эту миссию, он-то с его опытом и острым умом справился бы с ней гораздо лучше. Хотя, если судить о его промахе с медицинскими испытаниями, этот факт можно было бы поставить под сомнение.

Просмотрев ещё раз договор и прокрутив в голове убедительную речь, я нажал кнопку вызова секретаря, давая знать, что Татьяна Спицина может войти. За дверью послышались быстрые шаги, отдающиеся эхом шпилек о каменный пол. Я приготовился к атаке истеричной вдовы, внутренне усмехаясь её вероятной речью, но когда она открыла дверь и вошла в мой кабинет, все ухмылки стерлись с моего лица, уступая место откровенному удивлению.

Спицина оказалась на редкость привлекательной женщиной с прямыми платиновыми волосами до плеч, идеально уложенными в стильную причёску. Весь её вид кричал об

огромных суммах, которые она тратила на сохранение своей молодости и красоты. Гладкая, белоснежная кожа лица, искусный макияж, яркий маникюр и дорогой парфюм характеризовали её как самовлюблённую и повёрнутую на внешнем виде женщину, уделяющую немало сил и времени на уход за собой. Одета она была в элегантный деловой костюм красного цвета, состоящий из стильного пиджака, казалось, одетого на голое тело, и слишком узкой юбки выше колен. Первое, что бросилось мне в глаза – это её шикарные длинные ноги, облаченные в чёрные туфли на неприлично высоких шпильках, которые делали длину её ног и вовсе бесконечной. От изумления я, кажется, приоткрыл рот, не в силах вымолвить ни слова, когда как девушка, не теряя ни минуты и явно наслаждаясь эффектом своего появления, яростно швырнула мне на стол копию договора о слиянии со словами:

– Что это за бред?! Если ты думаешь, что я подпишусь на такие условия, не пошёл бы ты со своим слиянием куда подальше, Марк Викторович Власов?

Я ошарашенно молчал, пытаюсь привести в порядок мысли. Наглость и самовлюблённость этой стервы меня выбили из колеи. Признаться, в первые секунды я так опешил, что не мог понять, как вести себя в такой ситуации, но затем я быстро собрался с мыслями и вежливо ответил, пытаюсь тем самым сбить теперь с толку её:

– Татьяна Андреевна, добрый вечер, присаживайтесь, хотите чай или кофе? – я галантно отодвинул перед ней крес-

ло, жестом приглашая присесть.

Такой приём ввел её в ступор, и теперь была её очередь стоять с открытым ртом. Спицина смотрела на меня так, словно могла испепелить одним лишь взглядом своих серых глаз. Затем она презрительно фыркнула, задрав свой маленький курносый носик, и с грацией дикой кошки уселась в предложенное мной кресло, положив ногу на ногу.

– Так что же вас так возмутило в образце контракта, который я вам отправил? – спокойно спросил я, с интересом разглядывая своего без пяти минут делового партнёра.

– Что возмутило?! – со злостью вторила мне девушка, поднимаясь с кресла и перегибаясь через стол, чтобы яростно сверлить меня своим взглядом. – С чего ты взял, что я уступлю тебе место единственного собственника лишь из-за того, что ты можешь погасить мой долг?

Она упёрлась ладонками в столешницу из красного дерева, открывая моему взору глубокий вырез пиджака. Я непроизвольно опустил взгляд на открывшийся мне участок её внушительной груди и убедился, что под пиджаком и правда ничего не было одето, кроме кружевного красного бюстгальтера, краешек которого проглядывал из оттопырившегося края.

Напор Спициной был таким открытым, а поведение её таким вызывающим, что меня это даже слегка забавляло, но одновременно и пробуждало во мне совсем не те чувства, которые я хотел испытывать по отношению к ней.

– С того, что ты в полном дерьме, – с вызовом ответил я, прекращая играть в джентльмена и решив вести себя с ней так же нагло и бесцеремонно, считая, что это единственный способ донести до неё информацию. – Твоя компания после судебного заседания имеет не самую хорошую репутацию, скажем даже, отвратительную. Газеты раструбили по всем крупным городам миллионникам, какой вред принесла последняя модель спирали. Как ты думаешь, кто захочет пользоваться даже предыдущими моделями, зная о возможных последствиях и причинённом вреде здоровью? Даже если тебе удастся найти средства, чтобы запустить производство предыдущих моделей, они не будут пользоваться спросом. Единственным твоим шансом выжить остаётся слияние с другой компанией, которая согласится принять тебя под своё крыло. При этом нигде не должны упоминаться ни твоё предыдущее название, ни название моделей спиралей, выпускаемых твоей фирмой, ни тем более твое имя, ибо оно теперь прямо связано с позором и условным сроком. Я знаю, что мы единственные, кто захотел это сделать. Я предлагаю тебе пятую долю в нашей объединённой компании, возможность продолжать выпускать продукцию под другой торговой маркой и сохранить все рабочие места, расплатившись при этом с твоими долгами. Ты вправе отказаться, но я два раза предлагать не буду. Этот контракт, – я указал пальцем на стопку бумаг, брошенную дамочкой на мой стол, – твой единственный шанс остаться в этом бизнесе. Даю тебе

несколько дней на раздумье, можешь посоветоваться с какими угодно юристами и аудиторами, уверен, они порекомендуют тебе не упустить такого шанса.

Спицина слушала меня, периодически открывая рот, чтобы возразить, но каждый раз передумывала. Её большие глаза, обрамлённые густо накрашенными ресницами, сверлили меня, готовые истребить. Пухлые губы, обведенные ярко-красной помадой, подрагивали от ярости. Весь её вид отражал ненависть ко мне, что меня слегка заводило. Эта сексапильная, наглая фурия своим бестактным поведением заставляла мои нервы напрягаться до предела.

Дослушав мою пламенную речь до конца, она злобно сверкнула глазами, схватила со стола копию договора и стала яростно запихивать его в свою дамскую сумочку. Часть страниц разлетелась по полу и когда она отвернулась, чтобы посмотреть, куда упали страницы, я заметил на её узкой юбке разрез, доходивший почти до её аппетитной маленькой попки и позволяющий ей хоть как-то передвигать ноги. Всё ещё стоя ко мне спиной, Таня нагнулась поднять упавшие листки и моему взору пристала ничем не прикрытая часть её упругой попки и интимного места. Волна возбуждения прошла по моему телу, когда я осознал, что на ней нет нижней части женского белья. Девушка продолжала собирать листки с пола, виляя задом, а я ощущал бурно растущую эрекцию в штанах, не в силах отвести от неё глаз.

Весь этот спектакль длился не более двух минут, но, когда

она закончила и выпрямилась, я понял, что не смогу встать из-за стола, чтобы проводить её до двери, не выдав своего возбуждения. Она лукаво взглянула на меня, улыбнулась своим чувственным ртом, обнажая белые ровные зубы, и, демонстративно виляя упругим задом, обтянутым узкой юбкой, протопала к выходу, оставляя меня изнывать от жгучего желания.

В тот вечер я опоздал на ужин, напрочь забыл о цветах, и Вероника вполне справедливо обиделась на меня. Но даже когда жена пыталась выяснить отношения, я думал только о высоком вырезе на юбке Спициной и о её упругой заднице. Тогда я бессовестно воспользовался женой, чтобы снять сексуальное возбуждение и надеялся, что это поможет мне выкинуть эту наглую особу из моей головы. Когда я разделся, я нарочито не смотрел Веронике в лицо. В ту ночь я взял жену сзади, грубо, без привычных ласк и нежностей, не видя её лица, лишь любясь гладкой кожей изящной спины и маленьких ягодиц, представляя на её месте Таню

часть II

Наверное, впервые в жизни в ту ночь я повёл себя как конченный эгоист в постели с женой, в надежде избавиться от наваждения по имени Татьяна Спицина, но к моему огромному разочарованию, это не помогло. На следующий день мне было жутко стыдно за своё пренебрежительное и грубое поведение, но я всё никак не мог выкинуть из головы образ Тани. Я погружался в работу с головой, лишь бы забыться и это мне почти удавалось, хотя подсознательно я жаждал новой встречи с этой распутной девицей.

Прошло несколько дней, и Таня наконец сообщила моей секретарше, что готова приехать к нам в офис, чтобы детально обсудить условия и уточнить некоторые моменты. Весь тот день я был как на иголках, теряя терпение в ожидании. И когда рабочий день уже начал подходить к своему завершению, Кристина сообщила мне, что Татьяна Андреевна ожидает моей аудиенции в холле.

Я нацепил маску невозмутимости на своё лицо и сидел за столом, с нетерпением ожидая её появления в моём кабинете. Таня эффектно вошла, медленно закрывая за собой дверь, и уверенным шагом направляясь к столу, чтобы грациозно усесться напротив меня, закидывая ногу на ногу. Тогда она выглядела не менее соблазнительно, чем в первый раз, и я не удержался от мысленного замечания, что, возмож-

но, она снова не потрудилась надеть трусики. От этого предположения у меня тут же загудели яйца и маска невозмутимости медленно, но верно сползла с моего лица.

Таня же с вызовом разглядывала меня, а на её пухлых губах играла лукавая ухмылка. Я решил не тянуть больше kota за хвост и задал ей прямой вопрос, придерживаясь все той же манеры общения, которую она выбрала в первый день нашего знакомства:

– Что конкретно ты хочешь уточнить по договору?

Она не спеша извлекла копию контракта из кожаной черной папки, и я заметил, что параграфы с условиями и обязанностями сторон пестрят пометками, исполненными красными чернилами. Таня начала уверенно говорить, прохаживаясь по каждому пункту, а я с немалым удивлением отметил, что она за одно мгновение из привлекательной бездумной куклы превратилась в деловую женщину, стойко отстаивающую свои интересы по бизнесу. Признаюсь, я не ожидал, что Спицина может быть настолько подкована в юридических и экономических вопросах. Она с легкостью разложила по полочкам все свои замечания, грамотно доказав их справедливость и уместность, что мне ничего не оставалось, как согласиться с ними, благо, они были не настолько существенными. Я был слегка ошарашен тем, что Татьяна хорошо разбиралась во всех нюансах нашего бизнеса, что полностью противоречило моему первому впечатлению о ней. Меня не на шутку поразил тот факт, что эта девушка облада-

ла на самом деле необходимыми знаниями и рассудительностью и стремилась быть в курсе всех дел, происходящих в её фирме. Я понял, что ошибочно посчитал её пустышкой, основываясь только на её внешнем виде и том, что фирма досталась ей в наследство от покойного мужа. На самом же деле она отлично владела информацией, касающейся финансового состояния компании, что лично для меня было чем-то невероятным. Внешний вид Татьяны, её манера поведения никак не могли характеризовать её как образованную деловую женщину, которую я мог наблюдать в тот момент. Я поразился до глубины души, что две такие противоположные стороны её характера могли ужиться в одном теле. Честно сказать, я начал даже восхищаться ею, хоть и старался никак не выдать своих чувств.

Во время обсуждения она почти не отвлекалась от сути дела, но периодически бросала на меня такие горячие взгляды, которые, казалось, оставляли ожоги на моём лице. В какой-то момент Таня так погрузилась в доказательство своей точки зрения, что вскочила с кресла и зашагала перед моим столом взад-вперёд, непроизвольно покачивая бедрами, обтянутыми чёрной юбкой-карандаш. Я вновь подумал, что под ней, вероятно, ничего нет, и мой слух как будто отключился. Я уже не понимал, о чём говорила Таня, я лишь жадно разглядывал её с ног до головы, ощущая нарастающее возбуждение. Белая блузка была застёгнута на Спициной на все пуговицы, но её тонкая ткань настолько туго обтягивала

пышную грудь, что это выглядело жутко сексуально. Я не мог оторвать взгляд от этого зрелища, наблюдая как два внушительного размера полушария вздымаются от глубокого дыхания, норовя своим напором вырвать маленькие пуговицы с мясом, высвобождая себе больше пространства.

Таня резко остановилась, заметив направление моего взгляда. Выражение её лица с сосредоточенного тут же сменилось на лукавое. Я почти физически ощутил её взгляд на своих губах. Казалось, она разглядывает меня с не меньшим интересом, что и я её.

– Я хочу ознакомиться с финансовой отчётностью твоей компании, – проговорила она слегка охрипшим голосом и облизнула губы.

Я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы собраться с мыслями и сосредоточиться на делах. Утихомирив своё разогнавшееся сердцебиение, я встал из-за стола и подошёл к шкафу с документами. Поиск нужной папки занял у меня несколько минут, но когда я уже почти закончил, то услышал цокот каблучков Тани. Обернувшись, я увидел, что она направляется к выходу и замер, ожидая её дальнейших действий. Не успел я подумать о том, что она хочет уйти, оскорбившись на моё бесцеремонное разглядывание, как увидел, что Спицина повернула ключ в замке до щелчка.

Она медленно повернулась ко мне лицом, лениво облокотившись спиной на дверь. Весь её вид говорил о том, что она хочет меня так же сильно, как и я хотел её. Воздух в кабине-

те как будто наэлектризовался до предела так, что явно слышалось его потрескивание. Я ощутил, как кровь забурлила в моих жилах, направляясь к месту, коим я думал всё последнее время вместо головы, и сосредотачиваясь там, заставляя меня ощущать приятную ноющую боль.

Таня смотрела мне в глаза, и её взгляд уже не дарил мне ненависть или неприязнь, как в тот первый день, напротив, он был таким чувственным и манящим, таким вызывающим, что я готов был потерять голову, набросившись на неё сию секунду. Мой голодный взгляд блуждал по её стройному, пышущему желанием телу, отчего дыхание Тани участилось и грудь стала подниматься чаще, возбуждая меня ещё сильнее. Заметив мою реакцию, явно выступающую бугром ниже пряжки ремня, она томно протопала к столу, виляя задом и не отрывая от меня глаз, грациозно села на столешницу лицом ко мне, слегка откинувшись назад, упершись в стол руками и широко раздвинув ноги, насколько это позволяла узкая юбка, произнесла хрипловатым голосом:

– Я согласна.

В тот момент мне показалось, что рассудок покинул меня. Я не стал вдаваться в подробности, что она имеет в виду: контракт или себя. Пульсирующая боль в паху требовала разрядки, и я в два шага оказался рядом со столом. Уверенным жестом я притянул к себе Таню за бедра, задирая мешающую мне ткань юбки и оголяя её плоть, которую к моему удовлетворению не прикрывали трусики. Одним мимолёт-

ным движением я расстегнул ширинку брюк, высвобождая свой эрегированный член и, даже не удосужившись сбросить с себя пиджак и подумать о контрацепции, резко и глубоко вошёл в неё, удивляясь, что она была уже готова принять меня.

Я овладел ею прямо на столе, без поцелуев и прочей атрибутики секса, резко вонзаясь в её плоть, с силой сжимая пальцами её бедра и заставляя стонать. Когда оргазм уже почти накрыл нас обоих, она захрипела:

– В меня, кончай в меня, у меня спираль...

Я сделал ещё несколько резких движений, почувствовал сокращение её мышц вокруг своего члена и излился в неё, издав утробный стон.

Всё произошло очень быстро. Мы тяжело и часто дышали. Мой затуманенный похотью разум начал проясняться, и я осознал, что натворил. Отстранившись от Тани, я застегнул брюки и отошёл от стола. Спицина же не сдвинулась с места, продолжая бесстыдно сидеть на столешнице с разведёнными ногами, не стесняясь своей наготы. Сколько же разврата и сексуальности было в этой девушке? Она буквально излучала секс. Я не встречал ещё настолько откровенно раскрепощённых женщин. Её вызывающее поведение сводило меня с ума, её наглый взгляд, жадно оббегающий меня с ног до головы, снова возбуждал меня. Я отвернулся к окну, чтобы не видеть бесстыдно выставленной напоказ влажной и припухшей от только что произошедшего полового акта плоти.

Я пытался привести в порядок мысли, но всё, что я сейчас испытывал, это отвращение к самому себе. Осознание того, что я изменил жене, начинало разъедать мою душу. Я был противен самому себе и, чтобы хоть как-то уменьшить чувство вины, я должен был выгнать Таню, сказав, что совершил ошибку и что такое не должно больше повториться, но я молчал, не в силах этого произнести.

Я слышал, как Спицина слезла со стола, как зашуршала ткань юбки, опускаемой вниз, её приближающиеся шаги.

– Мне понравилось, – прошептала она мне на ухо. – И да, я согласна на твои условия.

Я не обернулся даже тогда, когда Таня открыла дверь и вышла из кабинета. Чувство пустоты заполнило мою грудь. Я всегда считал себя рассудительным и правильным человеком, справедливым и честным, но стоило появиться на горизонте развратной стерве с пышной грудью и длинными ногами, как я забыл все свои принципы и пустился во все тяжкие, потакая животной похоти. Я был отвратителен самому себе, противен, но в то же время понимал, что уже не смогу остановиться.

Наши встречи с Таней стали регулярными. Мы трахались как кролики в моём кабинете, в лифте, в номере гостиницы, в туалете ресторана, у неё дома. Она вытворяла с моим членом такое, что ей бы позавидовала самая искусная блудница, доводя меня до сумасшествия. Она умела завести меня с пол оборота, даря неземное удовольствие. С ней я ис-

пробовал такое, о чём не смог бы даже намекнуть жене, не то что исполнить. С Вероникой всё было скромно, чинно, с чувством и расстановкой, никакой спонтанности и дерзости, только безграничная нежность и чувственность. С Таней же в ход шёл оральный секс, анальный, игрушки для взрослых, плётки, наручники, ролевые игры. Я готов был нарядиться в костюм оленя, лишь бы снова ощутить себя внутри её. Кажалось, мы испробовали все позы Камасутры, и каждый раз это было по-новому, неповторимо и волнующе.

Я не мог насытиться Таней, иногда как глупый юнец сбегая с работы, чтобы по-быстрому трахнуть её в прихожей её квартиры, стоя, не раздеваясь, прижав её разгорячённое податливое тело к холодной стене и впиваясь губами в её нежную шею. Эта страсть буквально поглотила меня, заполнила все мои мысли, вытесняя собой разъедающее чувство вины перед женой.

Самым тяжёлым для меня было возвращаться домой, где меня ждала дочь и любящая, нежная, заботливая и добрая Вероника, ничего не подозревающая о моей измене. Я невольно сравнивал её с Таней, всегда ухоженной, модно одетой, подчеркивающей все достоинства своей фигуры. Вероника же выглядела немного неряшливой в домашнем хлопчатобумажном костюме, с вечно забранными в хвост волосами, тёмными кругами под глазами и болезненным цветом лица. Вероника никогда не накладывала макияж, она терпеть не могла длинный маникюр из-за дурацкой привыч-

ки грызть ногти. Я вспомнил, что когда-то меня умиляла эта привычка, но теперь я испытывал легкое отвращение, когда мне приходилось наблюдать эту редкую картину. Все наши короткие разговоры сводились к интересам Катюшки. Жену ничего не интересовало, кроме воспитания дочери и поддержания дома в чистоте, весь её мир замкнулся на ребенке и ограничился им. Я с тоской осознавал, что у нас не осталось никаких общих тем для разговоров.

Таня была полной противоположностью моей жены, и, наверное, именно это и вскружило мне голову. Вероника была слишком спокойной, скромной, иногда даже кроткой, неуверенной в себе женщиной, но в то же время ласковой и нежной, иногда до тошноты. Порой меня раздражала её покорность, мне хотелось вывести её на крик, заставить требовать к себе внимания, вынудить предъявить на меня права, но все мои попытки заканчивались неудачей, не успев начаться. Вероника беззаветно и безропотно любила меня, и когда-то я тоже влюбился в неё именно за те качества, которые сейчас меня раздражали.

Таня же была эгоистичной стервой, самовлюблённой до мозга костей, сексуальной маньячкой, требовательной фурией, уверенной в своей неотразимой красоте и сексапильности. Она умело манипулировала мной, виртуозно используя для этого секс, а я был не против, поддаваясь её чарам и позволяя ей крутить мною, как захочется. Кто бы мог подумать, что вездесущий Марк Власов, держащий всё в своих руках

и обожающий всё контролировать, будет получать удовольствие, позволяя распутной девке иметь над собой власть. Казалось, она высасывает из меня всю энергию, но я не в силах был сопротивляться. Таня была послана мне самим дьяволом, чтобы дарить мне рай при жизни, а после смерти отправить мою душу прямым экспрессом в ад для искупления всех грехов.

Я катился по наклонной, лелея своё слабоволие и выключая часть мозга, кричащую о том, что я женат и вроде счастлив в браке, что у меня есть прекрасная дочь и что я могу потерять всё это в одночасье. Мне всё чаще вспоминались отрывки из недавно прочитанной книги Фредерика Бегбедера: «Надо выбирать: или ты с кем-то живешь, или этого кого-то желаешь. Нельзя ведь желать то, что имеешь, это противоестественно. Вот почему удачные браки разбиваются вдребезги, стоит появиться на горизонте первой встречной незнакомке. Женитесь хоть на самой красивой девушке на свете – всегда найдется новая незнакомка, которая, войдя в вашу жизнь без стука, точно опоит вас сильнейшим приворотным зельем».

Чтобы не чувствовать боль от осознания своего гнусного предательства, я задерживался до полуночи на работе, зная, что когда вернусь, Вероника уже будет спать и мне не придётся прятать от неё свой виноватый взгляд. Иногда по ночам я просыпался от робких прикосновений жены, ощущая, как она доверчиво прижимается к моей спине всем телом,

как зарывается в мои волосы, вдыхая мой запах. В такие минуты мне было невыносимо больно осознавать, что я предаю её, такую чистую, доверчивую, любящую Нику. Я не в силах был повернуться к ней, зная, что не вынесу её нежного взгляда, которого я не заслуживаю. Я ненавидел себя в такие минуты, презирал и готов был сквозь землю провалиться от своей собственной мерзости. Но вместо этого я неподвижно лежал в объятиях жены, притворяясь спящим и коря себя за свою трусость, ощущая себя полным ничтожеством.

Но сегодня, когда я понял, что Вероника догадалась о Тане, я осознал, что пришло время платить за свои ошибки. Меня вдруг понесло, как будто прорвало и я выложил жене всё, о чём умалчивал последний месяц. Я знал, что цена за мою измену будет невероятно высока, что Вероника бросит меня и заберёт с собой дочь и я не вправе буду просить её остаться, я даже не вправе был просить у неё прощения, потому что не мог обещать, что такого больше не повторится, потому что не раскаивался в совершённом. Мне было стыдно, тяжело, больно, но я не раскаивался. Я знал, что нуждаюсь сейчас в Тане больше, чем в ком бы то ни было и что не смогу не видеться с ней. Она была для меня как наркотик для подсевшего наркомана, меня начинало ломать, если я не виделся с Таней хотя бы один день. Это была самая настоящая зависимость, преодолеть которую у меня не было ни сил, ни желания. Я позволил себе пойти на поводу глупости и похоти, зная, что когда-нибудь придётся дорого за это

заплатить. И это «когда-нибудь» уже настало. Меня выгнали из дома, я лишился жены и дочери, потерял всё, что мы с Вероникой строили последние несколько лет и мне было больно, но я не чувствовал отчаяния, напротив, чувство облегчения накатило на меня. Я свободен от лжи, от необходимость врать и носить маску, пусть это и означает конец всему. Это мой выбор, я променял теплое, мирное, уютное семейное счастье на горячую, безудержную, всепоглощающую страсть, и не жалел об этом, выезжая на дорогу и направляя свой БМВ в сторону дома Тани.

Глава 5

POV Вероника

Я смутно помню, как наскоро собрала самые необходимые вещи для себя и Кати, ведомая лишь одним сильным желанием поскорее вырваться из этого дома, ставшего в одночасье таким ненавистным для меня. Дочь совсем не радовалась перспективе поехать в гости к дедушке, не попрощавшись с отцом. Пришлось соврать ей, что папа занят на работе ещё больше прежнего, и что он скоро приедет нас навестить. На самом деле мне не хотелось даже разговаривать с Власовым, не говоря уже о том, чтобы видеться. Мне больше всего на свете сейчас хотелось забыть его имя, его голос, его лицо. При воспоминании об ослепляющем взгляде Марка у меня невольно защемило в груди, отчего я машинально сжалась, обхватив себя руками, чтобы хоть как-то облегчить невыносимую боль.

Побросав сумки в багажник своего мини вена, я усадила дочь в автомобильное кресло и села за руль. От нервного напряжения и бессонной ночи руки тряслись так сильно, что я не с первого раза смогла попасть ключом в отверстие зажигания. Наконец мотор зажужжал, и этот звук как-то успокаивающе на меня подействовал. Я сильнее сжала руль пальцами, пытаясь унять дрожь, и какое-то время просто сидела и вслушивалась в шум равномерно работающего двигателя.

После сегодняшней ночи мне казалось, что мое сердце стало работать беззвучно, почти неслышно, словно та боль, которая разъедала его изнутри, не давала ему биться в полную силу. Я знала, что оно всё ещё продолжает гнать кровь по венам только потому, что у меня было ради кого оставаться живой, именно поэтому я все ещё ощущала его слабые толчки. Я была уверена, что если бы не Катя, моё сердце остановилось бы в ту же секунду, когда Марк признался в своём предательстве.

Я вспомнила, как впервые узнала о своей беременности и безграничная нежность к ещё даже не сформировавшемуся ребёнку заполнила моё сердце. Оно как будто разделилось пополам в тот миг. Одна его половина принадлежала Марку, вторая же была для Кати. И вот теперь одна часть этого сердца умерла, и оно уже не может так слажено работать, как двигатель моего нового автомобиля. Я была уверена в том, что, в отличие от металлического мотора, мне вряд ли когда-нибудь удастся восстановить двигатель моего организма, изношенного до состояния утилизации всего за одну ночь.

Взглянув в зеркало заднего вида, я увидела Катюшку, которая тоже была погружена в какие-то свои детские размышления. Она молча смотрела в окно, и её грустный взгляд говорил о том, что мысли её были отнюдь не веселыми. Мне стало ещё больнее оттого, что хоть и не по своей вине, но всё же именно я причиняю страдания своему ребёнку. Ещё вчера она в отличном настроении украшала дом и наряжала

ёлку в ожидании своего папы, а сегодня я ни с того ни с сего резко срываюсь и увожу её в Сосновый Бор от отца, от привычной для неё жизни. Сейчас она ещё даже не догадывается о том, что случилось и что ещё случится, но уже интуитивно предчувствует неладное. Моё заплаканное лицо, растерянный взгляд и красные от бессонницы глаза скорее только подтверждали догадки дочери, хоть я и пыталась делать вид, что всё в порядке, натянуто улыбаясь через силу. Дети всегда хорошо ощущают настроение матери, как бы искусно она не пыталась его маскировать.

– Малыш, всё будет хорошо, мы только поживём немного у дедушки, – попыталась я взбодрить дочь, хотя голос мой звучал фальшиво.

– Но как же украшения и ёлка, – Катя смотрела на меня обиженным взглядом, не понимая, почему я приняла решение уехать именно сейчас. – Папа ведь так и не увидел, как мы красиво всё сделали?

Я молчала, вырulingивая из гаража и одновременно обдумывая, что ей ответить. Скрывать от неё правду долго не получится, но и рассказать всё прямо сейчас я была не готова, я боялась её реакции, боялась за её детскую психику.

– Детка, папа обязательно оценит наши труды, не волнуйся. Просто он очень занят на работе и не сможет провести с нами праздники, поэтому я решила поехать к дедушке. Знаешь, дедушка Миша скорее всего ещё не покупал ёлку, мы попросим его выбрать для нас самую большую и украсим её

как ты захочешь, хорошо?

Мой отвлекающий маневр с ёлкой подействовал как нельзя лучше, улыбка тут же поселилась на лице моей дочери и она радостно захлопала в ладоши.

– Самую большую? Ура!!! А можно мне с ним в лес пойти за ёлкой?

– Детка, в лесу срубить елку нельзя, их выращивают в специальных питомниках на такие случаи, но, я уверена, бабушка возьмёт тебя с собой в пункт продажи, – постаралась я улыбнуться ей в ответ.

Какую-то часть пути мы ехали молча. Катя с любопытством глазела на вид большого, кипящего бурной жизнью города, который вскоре сменился спокойным лесным пейзажем. Обилие белого цвета за окном вперемешку с коричневым, монотонный рёв двигателя и плавное движение по дороге сделали своё дело и вскоре дочь задремала, а я смогла больше не притворяться, изображая беспечность. Выехав на основную трассу, я надавила на газ, заставляя мотор шуметь ещё громче, как будто это могло помочь мне избавиться от боли и пустоты в груди. Может быть, впервые в жизни мне захотелось почувствовать скорость, ощутить прилив адреналина, увидеть боковым зрением, как деревья за окном сливаются в широкую коричневую-зелёную полосу...

Я так погрузилась в новые для себя ощущения, что опомнилась только тогда, когда ненароком бросила взгляд на спидометр и увидела, что его стрелка приближалась к ста ше-

стидесяти километрам в час. Нога автоматически потянулась к тормозу, а кровь хлынула к лицу от осознания того, какой опасности я только что подвергла жизнь своей дочери, поддавшись порыву и разогнав автомобиль на припорошенной снегом трассе. Я никогда раньше не нарушала правил, я была воспитана на уважении к закону, ведь мой отец Михаил Александрович Новиков – начальник отдела МВД по городу Сосновый Бор Ленинградской области. Да и скорости я скорее боялась, хоть инстинкт самосохранения у меня не сильно развит, с моим-то «везением» вечно попадать в неприятности. Непонятно, что вдруг на меня нашло? Хотя такому необычному поведению я могла найти оправдание: я подсознательно стремилась забыть прошлую жизнь, а для этого мне нужно было и самой измениться, поменять свои привычки, своё поведение, свои черты характера, свои взгляды на жизнь, стать другой, чтобы ничего не напоминало мне о нём. Это своего рода защитная реакция организма, облегчающая ему привыкание к новым условиям. Если же говорить словами Дарвина, я эволюционировала, медленно, не спеша, но уже начинала приспособливаться к новой жизни и первым шагом, судя по всему, стала зарождающаяся любовь к скорости и небольшое пренебрежение правилами дорожного движения.

За этими размышлениями я не заметила, как Лебяжье давно уже остался позади, а указательный знак сообщил мне, что я въехала в черту города, являвшегося до недавнего вре-

мени одним из 33 городов России, официально закрытых для посещения без специального пропуска – Сосновый Бор. Причиной закрытия – наличие в нём НИТИ им. А. П. Александрова, воинских частей и существование погранзоны вокруг города. Радовало, что ограничение на въезд отменили и достаточно предъявить паспорт РФ, чтобы попасть в него. Сердце снова защемило, когда я проехала мимо среднеобразовательной школы №9, воспоминания шквалом нахлынули на меня, заставляя предательские слёзы навернуться на глаза. Вот я вхожу в кабинет биологии и анатомии после того, как меня перевели в противоположный класс, вентилятор у доски развивает мои и без того непослушные волосы, вот я ищу глазами свободное место и вижу его, парня моей мечты, богоподобного Марка-Чёрт-Бы-Тебя-Побрал-Власова! Я тряхнула головой, отгоняя ненужные мысли, не хватало ещё, чтобы мой отец встретил свою дочь с зарёванным лицом, да и Катя уже начала просыпаться. Неужели я хоть и мысленно, но выругалась, причём не просто выругалась, а сделала это в его сторону? Похоже, моя собственная эволюция продвигается быстрее, чем можно было предположить. Раз уж я нашла в себе силы обругать Марка, видимо, моё сознание окончательно поверило в случившееся и убедилось, что половина сердца, принадлежавшая когда-то ему, растоптана окончательно и бесповоротно. Процесс запущен и теперь его уже не остановить. Сама я пока не понимала, радоваться мне таким скорым переменам или нет, одно было ясно – время

покажет.

Мой отец жил на окраине города, в частном доме на проезде Энергетиков, он всегда ненавидел многоэтажные блочные дома, в которых люди, по его мнению, живут как муравьи, с одной лишь разницей, что каждый сам по себе и порой даже не знает имен соседа снизу или сверху. Подъезжая к дому Новиковых, в котором я выросла, я постаралась нацепить на своё измученное лицо выражение спокойствия. Я решила рассказать отцу правду, скрывать поступок Власова не было никакого смысла, всё равно рано или поздно это всплывёт наружу, да и с какой стати мне его выгораживать, сохраняя его репутацию идеального мужа и отца?

Припарковав мини вен рядом с домом, я взяла Катюшку на руки и направилась к дому, из входной двери которого уже выбегал его хозяин.

– Привет, папа! – поздоровалась я, выдавив нелепую улыбку. – Поможешь с сумками? Они в багажнике.

– Привет, дорогая! Привет, малышка! – обратился он к внучке, и та абсолютно искренне улыбнулась ему. – Идите в дом, я сейчас всё принесу.

Я благодарно кивнула отцу и зашагала по дорожке, крепко держа на руках всё ещё сонную дочь. В доме пахло какой-то едой. Судя по тому, что мой отец совершенно не умел готовить, это был скорее всего какой-нибудь полуфабрикат, разогретый в микроволновой печи или духовке. Мы разделались и прошли на кухню, чтобы помыть руки. В микровол-

новке действительно крутилась замороженная пицца.

– Мама, я хочу кушать, – проговорила Катя, желудок которой среагировал на аппетитный запах полуфабриката.

– Сейчас, детка, посмотрим, что тут есть у дедушки в холодильнике, – ответила я, не намереваясь кормить ребёнка подозрительной едой.

В холодильнике нашлось пяток яиц, молоко, пара помидоров и я решила быстренько приготовить омлет. Пока я взбивала яйца и нарезала помидоры, отец перетаскал все наши вещи наверх. В доме имелось всего две спальни, значит, нам с Катей придётся пока пожить в моей старой комнате вдвоём.

Я достала готовую пиццу из печи и выложила омлет на тарелку. Катя тут же взялась за вилку, не забывая предварительно подуть на горячие кусочки омлета. Мне же кусок совсем не лез в горло.

– Вижу, моё угощение вам не по душе? – стеснительно улыбаясь, спросил только что вошедший хозяин дома.

– Пап, ты же знаешь моё отношение к полуфабрикатам. Извини, нам приятно, что ты старался, но придётся тебе самому её прикончить.

– Ну ладно, – пожал плечами мужчина и сел за стол напротив Катюшки, предварительно достав из шкафа вилку и нож. – Вы на все праздники приехали? Марк когда подъедет? Вы обычно у них останавливались, дом-то у доктора Власова куда больше моего, а тут и меня вдруг ошастливили.

Я нервно сглотнула, услышав имя мужа, и устремила свой

взгляд в стакан с водой, который вертела в руках, лишь бы не смотреть в глаза отцу.

– На все праздники, пап, а может и дольше. Я тебе позже всё расскажу, ладно, – я многозначительно стрельнула взглядом на сосредоточенного на поглощении пищи ребёнка.

– Э-э, ну хорошо, – растерялся отец, явно не ожидая такого ответа.

Повисло неловкое молчание, которое как нельзя кстати нарушила Катя:

– Деда, а когда ты поедешь за ёлкой?

Мужчина закашлялся, поперхнувшись куском пиццы, виновато поднимая на внучку взгляд.

– Вообще-то я не планировал украшать дом хвойными деревьями... – он осекся, наблюдая, как широкая улыбка медленно, но верно сползает с лица моей маленькой дочери. – Но если ты хочешь...

– Хочу! Хочу! – перебила его Катя. – Пойдём сейчас?

– Детка, дедушка уехал с работы, чтобы нас встретить, и ему сейчас пора снова возвращаться в отделение, да и ты устала с дороги, так что сегодня не получится, – как можно спокойно, но в то же время настойчиво ответила я.

– Но я хочу сейчас! – запротестовала дочь.

– Катюша, – ласково остановил её дедушка, – завтра суббота и я не поеду на рыбалку, а мы с тобой прямо с утра отправимся за ёлкой, как тебе?

– Ну ладно, – согласилась Катя. – Только можно я буду

выбирать ёлку?

– Конечно можно!

Следующие несколько часов мы с дочерью провели, убирая комнату от приличного слоя пыли, распаковывая вещи и складывая их в мой старенький шкаф. Я никогда не любила обилие одежды, а теперь даже радовалась, что взяла с собой так мало, больше бы в это деревянное чудовище на кривых ножках не вместилось. Игрушки Катюшки, расставленные по комнате, придавали ей привычную атмосферу и уют.

Закончив, я решила, что необходимо навестить супермаркет и запастись продуктами. Катя только обрадовалась перспективе выйти на улицу. В магазине она хватала с полок всё подряд и бросала в свою маленькую тележку. Я разрешила ей такую вольность только с тем условием, что позже она всё положит на место. Ещё с тех самых времен, когда мы с Марком были студентами, и нам приходилось экономить на всём, потому что Власов не хотел вешать на своего отца обеспечение своей семьи, и я была с ним в этом согласна, я привыкла покупать продукты только согласно заранее составленному списку. Иначе дома оказывались горы печенья, конфет, кукурузных хлопьев, плавленого сыра и прочей ерунды, которые потом месяцами лежали в шкафу или холодильнике, пока не летели в мусорное ведро по истечению срока годности. Не говоря уже о каких-нибудь ненужных вещах типа запасной скатерти или нового чайника, заполонявших нашу и без того на тот момент мизерную квартирку.

Купив всё необходимое, мы вернулись в дом моего отца. Катя уселась в гостиной смотреть мультики, а я отправилась на кухню, чтобы заняться готовкой. Пока я чистила и нарезала овощи для рагу, я думала о предстоящем разговоре с отцом. Нужно будет как-то помягче ему рассказать, иначе Власов рискует получить пулю в лоб из табельного оружия Виктора Александровича. При мысли о муже, боль снова дала о себе знать. Не то, чтобы она утихла или ушла, нет, она прочно засела в груди и непрерывно зудела там всё это время, словно противный сосед, сверлящий стену в раннее утро воскресенья. Но при даже мысленном произношении его имени она резко усиливалась, переходя из разряда ноющих в колющие и режущие. Власов до сих пор не звонил, значит, ещё не знает, что мы уехали, это к лучшему, я не выдержу разговора с ним.

В семь вернулся мой отец как раз к моменту готовности ужина и мы все вместе поели. Позже я искупала дочь и уложила её спать, положив рядом её любимого белого медвежонка и оставив включенным ночник по её просьбе. Спустившись вниз, я застала отца за просмотром вечернего выпуска новостей, но он тут же оторвался от телевизора, как только заметил моё присутствие в гостиной.

– Ну, я себе места не находил весь день, что у вас стряслось? – серьёзно спросил он.

Я поёжилась и обняла себя руками, пытаюсь согреться. Не разжимая рук, я прошла в центр комнаты и села в кресло

рядом с диваном. Папа продолжал наблюдать за мной с настороженным видом.

– Мы с Марком разводимся, – выпалила я, не глядя в глаза отцу, как будто в этом была моя вина.

Мужчина какое-то время не мог поверить услышанному, но потом всё же выдавил из себя короткий вопрос:

– Почему?

– У него появилась другая...

– Что? Какого... Я знал, я так и знал, что этот папенькин сынок еще не нагулялся! А ведь руки твоей просил, как положено!..

– Тише, папа, Катю разбудишь...

– Как тут можно тише? Зачем я только разрешил тебе выйти за него в восемнадцать-то лет? «Люблю, жить без неё не могу!» – передразнил он слова Марка, сказанные почти шесть лет назад.

– Папа, это может случиться с каждым... Вспомни маму...

Отец застыл, переваривая мои слова.

– Именно поэтому я был против вашего брака в столь раннем возрасте. Сам я уже давно понял, что ничего хорошего не выйдет, если жениться сразу после школы! Нет, ну каков подонок!

– Папа, – осекла я его.

– Что ты теперь думаешь делать?

– Поживу пока у тебя, если позволишь. Закончится бракоразводный процесс, буду думать, что делать... Найду ка-

кую-нибудь работу в Сосновом Бору...

– Так, нужно твою старую комнату отдать Катюшке, а сама переезжай в мою спальню...

– Нет, папа, я не хочу выселять тебя из твоего собственного дома!

– Вероника, я всё равно постоянно засыпаю перед телевизором на диване и моя кровать пылится там без хозяина, так что можешь смело там устраиваться, как тебе пожелается. Я и в гостиной поживу, мне тут нравится.

– Но как же твои вещи?

– На работу я хожу в форме, а все мои основные вещи – это рыбацкие принадлежности, резиновые сапоги и снасти – находятся в кладовой, а пара футболок влезет и вон в тот старый комод, – он указал в угол комнаты.

– Спасибо, папа, – я неуклюже обняла его.

– Всегда рад быть полезным, мышонок, – отец смутился не меньше меня. – Иди спать, ты устала, завтра всё подробно обсудим.

Я поднялась в комнату отца и прямо в одежде свалилась на кровать. Мысли кружились в моей голове. Где-то в глубине души я была удивлена, что Марк за целый день не позволил. Да, я сама его выгнала, но неужели он так легко расстался с прошлой жизнью, со мной, с дочерью. Казалось, меня это не должно волновать, но я волновалась за Катю. Как он мог вот так забыть о её существовании, даже не удосужившись узнать, куда мы уехали. Или он думает, что мы про-

должаем жить в его доме и пользоваться его кредиткой, что не мешает ему со спокойной совестью проводить время с этой блондинкой? Я вдруг поняла, что начинаю чувствовать к Марку злость. Пустая половина сердца нуждалась в заполнении и начинкой разбитому сердцу хорошо может послужить неприязнь, злость и обида, ведь для любви там больше нет места, она испарилась, оставив после себя лишь горький привкус боли и разочарования. Я злилась на Марка не из-за того, что он предал меня, это можно было ожидать, и в глубине души я всегда считала себя не ровней ему. Такие красавцы всегда пользуются успехом у девушек, что нельзя было сказать обо мне. Я все семь лет, пока мы были вместе, не могла поверить своему счастью, и вот теперь оно и вправду разрушено. Я злилась на Марка из-за его пренебрежения дочерью, она – самое дорогое, что есть у меня на этом свете, и мне больно, когда кто-то её обижает, особенно, если этот кто-то – её отец, которого она обожает. Боль в груди пульсировала, не давая мне уснуть, а злость и обида на Марка за дочь всё росла. Я не могла сказать, что ненавижу его, нет, невозможно в одночасье возненавидеть того, кого ты боготворила на протяжении стольких лет, но злиться на него я была вполне способна.

Нет, я не буду звонить ему, пусть это останется на его совести. Если ему не нужна дочь, что ж, так и быть, обойдёмся без его участия. Я буду уделять ей столько внимания и дарить ей столько любви, что она быстро забудет о существова-

нии Марка. Я сделаю всё, лишь бы она была счастлива. Завтра же подам на развод. С таким волевым решением я провалилась в беспокойный сон.

Глава 6

Утром меня разбудили шорохи и смех, раздающийся откуда-то издалека. Я открыла глаза и несколько секунд пыталась вспомнить, где я нахожусь. Когда же сознание прояснилось, противная боль не замедлила заполнить пустое место в моей груди, напоминая о случившемся. Я попыталась встать, но от неудобной позы, в которой я проспала всю ночь, ноги и спина затекли, и я чуть было не рухнула на пол, вовремя схватившись за спинку кровати. Звуки снизу не затихали, и я поняла, что это Катя что-то весело рассказывает бабушке.

Шатающейся походкой я протопала в ванную и ужаснулась, увидев своё отражение в зеркале. С отражающейся поверхности на меня смотрело привидение с бледной, почти прозрачной кожей, глубокими синяками под глазами, расчёсанными волосами и потрескавшимися губами. Нет, так не пойдёт, я не собиралась хоронить себя заживо, нужно что-то сделать с этим отвратительным отражением, иначе так и собственную дочь можно напугать.

Я разделась и залезла под душ с намерением смыть с себя это отвратительное выражение скорби. В конце концов свет не сошёлся клином на Марке Власове и он не заслуживает, чтобы я так убивалась из-за него. Господи, кого я обманываю? Конечно же сошёлся! Он единственный мужчина, который смог так крепко поселиться в моём сердце, он один вы-

зывал во мне чувства неземной эйфории только одним своим взглядом и прикосновением тонких длинных пальцев, только его аромат был способен свести меня с ума, только в его сильных руках я таяла, словно расплавленный воск, только его я видела отцом своих детей, только с ним чувствовала себя как за каменной стеной и только ради него готова была бросить всё и пойти за ним на край света... И только он смог растоптать все мои безграничные чувства к нему, разом опустошив мою душу, как залпом опустошают рюмку крепкого напитка.

Стоя под теплыми струями воды, я молила Бога, чтобы он дал мне сил разлюбить убийцу своей души, чтобы помог мне забыть его, помог начать жизнь с чистого листа ради дочери. Она заслуживает нормальную, адекватную мать, а не зомби-подобное существо, в которое я превратилась всего за сутки. Я всегда знала, что во мне живёт сильная зависимость от Марка, но я не осознавала, насколько сильной она была, пока он не предал меня. Но я не могу с головой погрузиться в свои страдания и оплакивания разбитой чаши любви, я не имею на это право. Я обязана быть сильной ради Кати, теперь она – единственный смысл моей жизни и уж она-то никогда не предаст меня, а я всегда буду рядом, чтобы окружить её любовью и заботой. Я забуду Власова, и первым шагом к этому станет развод и избавление от его фамилии. Мне необходимо научиться его ненавидеть, чтобы было легче забыть, легче смириться с его отсутствием в моей жизни. Но только как

это сделать я пока не знала.

Переодевшись в белую футболку и бежевые хлопчатобумажные брюки, я наскоро высушила волосы и собрала их в аккуратный пучок на затылке. От водных процедур круги под глазами уменьшились, а щеки немного покраснелись, чем я осталась вполне довольна, по крайней мере, инфаркт от вида дочери-зомби моему отцу теперь не грозит.

Спустившись вниз, я застала дочь за поглощением кукурузных хлопьев, которые дедушка залил для неё подогретым молоком. Сам же папа доедал свой бутерброд, прихлёбывая кофе из кружки.

– Привет, мамочка! – зашебетала дочь, радостно улыбаясь в мою сторону. – А мы с дедушкой сейчас уезжаем за ёлкой! И ещё дедушка обещал покатать меня на полицейской машине с мигалками! Ты поедешь с нами?

Восторгу моего ребёнка не было предела. Что нужно детям для счастья? Большая ёлка и мигающая полицейская машина. У детей всё просто и им можно было в этом позавидовать.

– Нет, детка, вы езжайте, а я поищу на чердаке старые ёлочные украшения и приберу дом.

– Ника, точно не поедешь с нами? Уборка может и подождать.

– Нет, пап, мне нужно позвонить адвокату, чтобы решить один вопрос...

– Понял, понял, – затараторил отец, искоса смотря на Ка-

тю. – Ну, детка, ты готова?

– Да! – выкрикнула дочь и засемила в коридор, чтобы одеться.

Оставшись наедине со своими мыслями, мне вдруг стало невыносимо одиноко и тоскливо. Развод – это отвратительно, а в таком маленьком городишке, как Сосновый Бор – это и вовсе считается позором. Чувствую, в ближайшем будущем я не смогу спокойно выходить на люди, в меня все будут тыкать пальцами и обсуждать за спиной, что я не смогла удержать собственного мужа и вернулась в родной город, поджав хвост. Меня передёрнуло, ведь так всё и будет. Самое страшное, что эти разговоры будут отражаться на моей дочери. Я ещё раз мысленно попросила Бога придать мне сил.

Поднявшись в комнату отца, которая должна стать моей на время, я отыскала свой мобильник и открыла в нём список контактов. Мне нужна была фамилия адвоката, услугами которого пользовался Власов и которого я неплохо знала, ведь он был довольно частым гостем в нашем доме. Марк платил ему немалые деньги, чтобы он проверял все заключенные сделки на юридическую чистоту, а также составлял контракты с наиболее выгодными условиями в пользу моего мужа, но при этом завуалировал их так искусно, что вторая сторона редко замечала подвох или скрытую опасность. Связываться с адвокатами города Сосновый Бор мне совсем не хотелось, чтобы не подбрасывать масло в этот костёр сплетен и осуждений, а адвокат из Санкт-Петербурга вполне бы

подошёл. К тому же все документы остались в доме Власова и оттуда будет проще вести дела, чем из Соснового Бора.

Найдя, наконец, нужную фамилию, я нажала кнопку вызова и плевать, что сегодня суббота, наверняка он работает. С третьего гудка на том конце раздался уверенный мужской голос:

– Вероника Михайловна, чем могу помочь?

– Олег Алексеевич, прошу прощения, что беспокою вас в субботу, но не могли бы вы кое-что для меня сделать?

– Я вас слушаю, – учтиво ответил юрист.

– Не могли бы вы подготовить все бумаги для осуществления бракоразводного процесса между мной и Марком?

– Марк предупредил, что вы можете позвонить, – как ни в чём не бывало проговорил адвокат. – Конечно, я всё сделаю.

Я задохнулась от его слов.

– Спасибо, – прохрипела я и нажала «отбой».

Ноги мои подкосились, и я села на край кровати. Марк знал, что я подам на развод, и не собирался мне мешать, напротив, он предупредил своего юриста о моём возможном звонке. До меня вдруг стало доходить, каким подонком является мой без пяти минут бывший муж. Он действительно превратился в бессердечного циника! Предать всё, что между нами было, и даже не сожалеть о содеянном! Нет, не такого Марка я любила! Я была влюблена в доброго, отзывчивого, заботящегося обо мне мужчину, готового горы свернуть

ради моего счастья. А этот бизнесмен, носивший имя моего возлюбленного, вовсе не мой Марк. Деньги настолько испортили его характер, его мировоззрение, что теперь он научился разделять чёрное от белого, для него всё смешалось в серых тонах, и это было отвратительно. Обида и боль снова поглотили все мои чувства. Я понимала, что каждый может совершить ошибку, оступиться под влиянием определённых обстоятельств, но Власов даже не жалел о случившемся! Он не раскаивался и даже не пытался вымолить у меня прощения, остановить меня, сказать, что такого больше не повторится! Нет, он с холодным выражением лица сообщил мне о своём поступке и ушёл, оставив меня медленно умирать от горя.

Я вдруг поняла, что ненависть к этому бессердечному, циничному мужчине, которого я считала своим мужем и идеальным спутником жизни, воплощением мечты любой женщины, начинает пускать свои корни в моём сердце. Осознание его жестокости, его отрицания всего ужаса совершенно им укрепляли враждебные эмоции, которые я начинала испытывать к нему. Мне неожиданно стало плохо, когда я поняла, что, возможно, эта блондинка не была первой его любовницей. Сколько раз он мог изменять мне, а потом возвращаться в наш дом как будто ничего не случилось, улыбаться мне, обнимать и целовать, смотреть своим фирменным взглядом... Какая же я была дура, ослепшая от любви дура, принимающая все слова мужа за чистую монету.

Нет, больше не будет доброжелательной, доверчивой, отзывчивой, нерешительной и скромной Вероники! С меня хватит! Я не позволю больше ни одному мужчине вытирать об меня ноги. Я не могу теперь доверять миру, не могу открыть своё разбитое сердце кому бы то ни было, я не хочу больше никогда испытать такую боль.

Я резко встала и вытерла слёзы ладонями, полная решимости изменить себя и свою жизнь. Нечего нюни распускать из-за этого циника, он не стоит ни одной моей слезинки. Моё сердце уже начало покрываться коростой ненависти, усиливающейся и укрепляющейся безграничной обидой. Ну и пусть я превращусь в стерву для всех окружающих, пусть задеревенеет моя искалеченная душа, зато никто не посмеет больше посягнуть на моё спокойствие и никто не сможет причинить мне такие страдания, потому что никто больше не получит доступ к моему сердцу, от которого остались одни развалины. Я не позволю превратить эти развалины в горстку пепла! Приняв такое волевое решение, я вышла из комнаты с намерениями отвлечься какой-нибудь монотонной работой. Бракоразводный процесс запущен, теперь осталось только дождаться приглашения в суд и вернуть себе девичью фамилию.

Забравшись на чердак по старой выдвижной лестнице, я без труда отыскала огромную картонную коробку с украшениями и спустила её вниз. Для начала нужно убрать дом, и я приступила к чистке ванной, предварительно запустив гряз-

ное бельё в стиральную машину. Механические движения щёткой помогли мне выпустить пар, и когда ванная комната сверкала чистотой и пахла «Кометом», я приступила к уборке комнаты отца, начав со смены постельного белья.

За работой я не заметила, как пролетело несколько часов. Второй этаж дома сверкал чистотой, а мои руки и спина уже начали немного поднывать от непрерывного труда, что послужило мне сигналом к перерыву в виде чашки кофе. Я сняла резиновые перчатки, слегка освежила лицо прохладной водой, заново стянула пучок на затылке, собрав выбившиеся пряди, и спустилась на кухню, чтобы сварить кофе. Как только я поставила турку на огонь, раздался дверной звонок. От неожиданности я вздрогнула, но сняла турку с плиты и зашагала к двери, попутно отряхивая брюки от белого порошка.

Повернув ручку и распахнув дверь, я застыла, увидев своего гостя. На пороге стоял Серёжа Волков, сын лучшего друга моего отца и мой давний приятель.

– Вероника? – удивлённо проговорил Сергей, вглядываясь в моё лицо.

– Серёжа, привет, проходи! Какими судьбами?

– Э-э... Это я хотел у тебя спросить, – всё ещё растерянным тоном ответил парень, следуя за мной на кухню и скидывая на ходу куртку.

– Кофе будешь? – спросила я, снова ставя турку на огонь.

– Не откажусь, – ответил Волков и плюхнулся в стул по-

зади меня. – Меня отец попросил завести дяде Мише рыбу, которую он сегодня наловил. Это типа в знак того, что он на твоего отца не в обиде за то, что тот не составил ему компанию сегодня утром. Но я думаю, папа скорее решил похвастаться уловом перед ним! – Серёжа беззаботно расхохотался. – А вы всей семьёй приехали? На каникулы?

Я застыла на секунду, боль снова резанула моё сердце и, казалось, парень почувствовал неладное.

– Нет, мы вдвоём с Катюшкой приехали погостить к папе, – пролепетала я, не оборачиваясь и делая вид, что слежу за кофе, ощущая, как старый друг сверлит мою спину взглядом.

Серёжа был младше меня на пару лет, но, несмотря на свой молодой возраст, он пользовался успехом у девчонок ещё в свои пятнадцать из-за сильно развитой мускулатуры и высокого роста. Помнится, он даже пытался ухаживать за мной, но тогда моё сердце уже принадлежало красавчику Власову и ему ничего не светило. К тому же Марк в довольно грубой форме заявил Волкову свои права на меня и объяснил, кто "в доме хозяин". Власов всегда был жутким собственником.

– Давненько мы с тобой не виделись, – решила я прервать неловкое молчание, протягивая кружку с кофе парню и усаживаясь напротив него.

– Больше пяти лет, с тех самых пор, как ты уехала в Питер и вышла замуж, – ответил Серёжа, внимательно рассматри-

вая меня.

– А ты где живешь? Чем ты занимаешься? – спросила я, пытаюсь говорить непринуждённо, хотя длительная разлука со старым приятелем отдалила нас друг от друга и я ощущала некоторую неловкость от его присутствия.

– Живу с отцом пока так же в нашей деревне Лебяжье. У меня своя автомастерская в Лебяжьем, которую я открыл пару лет назад. Сначала сам там и механиком, и бухгалтером, и управляющим был, а теперь ребят нанял в помощники, так что под машинами уже не валяюсь. Сейчас планирую ещё один автосервис открыть уже тут, в Бору, одним уже с заказами не справляемся. У меня цены вполне приемлемые, а за качеством выполнения работы я самолично слежу, так что люди доверяют мне, записываются в очередь, она у меня на месяц вперед расписана, из Бора даже приезжают и из Питера по рекомендациям. Ну а ты как?

Я вдруг поняла, что хвастать мне абсолютно нечем. Что я добила в жизни? С этой моей любовью к Марку я даже не смогла закончить университет и получить образование. Вся моя жизнь сводилась к дому и воспитанию дочери.

– Я домохозяйка, – пролепетала я, отводя взгляд в сторону от смущения, – воспитываю дочь, ей уже три года.

– Уже три? Мне казалось, что только недавно дядя Миша сказал моему отцу, что он скоро станет дедом, – улыбнулся Серёжа. – А где она, кстати?

– Они утром уехали с отцом за ёлкой.

Серёжа был таким открытым, что с каждой его фразой я расслаблялась и неловкость почти совсем исчезла, уступая место ностальгии по давним временам, когда мы с ним могли часами болтать обо всём и ни о чём одновременно.

– А, так вот почему твой отец пропустил традиционную субботнюю рыбалку, – веселился Волков младший. – Как у мужа дела?

Я слегка поперхнулась кофе от неожиданности. Так, пора бы научиться стойко реагировать на подобные вопросы, скоро они перейдут из разряда любопытных в сочувствующие и это надо принять как должное.

– Процветает, – хмуро ответила я, а парень странно взглянул мне в глаза, удивляясь судя по его выражению лица тону моего ответа.

– Вероника, ты очень изменилась, стала какой-то зажатой, скованной, отстраненной. Или тебя что-то тревожит?

Хоть Серёжа и был когда-то моим другом, но это было давно и мне совсем не хотелось излить сейчас ему душу. Но он смотрел мне в глаза таким добрым, участливым и лучистым взглядом, что я сама не знаю почему вдруг почувствовала к нему былое теплое расположение родственной души и выдала ему всю подноготную.

– Всё нормально, мы разводимся...

Теперь пришла очередь Волкова откашливаться от попавшего не в то горло кофе. Я поспешила постучать ему по спине и ненароком заметила, какая она у него широкая и горя-

чая на ощупь. Я чувствовала жар его тела даже сквозь ткань футболки.

Наконец парень начал дышать и я села на своё место. Он не торопился задавать вопросы, хотя я ощущала, что они так и вертятся на его языке, но желание не совать нос в чужие дела и тактичность не давали им сорваться с его губ. Я не хотела озвучивать причину развода и поторопилась предупредить дальнейшее любопытство Волкова:

– Я не хочу об этом говорить, ладно?

– Как скажешь, Ника.

Серёжа заерзал на стуле, и я поняла, что ему так же неловко, как и мне.

– Ну, а ты не женился? – попыталась я рассеять неловкость.

– Нет, – улыбнулся парень, – я ещё слишком молод для таких серьёзных поступков, к тому же не встретил пока подходящую кандидатуру. Ладно, мне пора, нужно ещё до Лебяжьего доехать, заскочить в мастерскую, проверить, всё ли в порядке, – затараторил Серёжа, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за кофе.

– Не за что, – ответила я, глядя на парня снизу вверх и невольно отмечая его высокий рост и крепкое телосложение. Казалось, он на две головы выше меня.

– Заезжайте как-нибудь к нам в деревню с Катей, погуляем по пляжу, покажу ей поселение, маяк посмотрим, – вежливо предложил Серёжа, натягивая куртку в коридоре.

– Обязательно заедем как-нибудь, – пообещала я, зная наперёд, что вряд ли в ближайшее время мне будет дело до развлекательных прогулок.

– Увидимся, – попрощался Волков, а я закрыла за ним дверь.

Странно, но я провела с Серёжей всего несколько минут и всё это время мне было немного спокойней на сердце. Он как будто и впрямь был моей родственной душой. Мне всегда было уютно в его компании до тех пор, пока Власов не пресёк наше с ним общение из-за ревности. Этот деревенский парень был настолько жизнерадостным, жизнелюбивым, энергия так и била из него ключом, что рядом с ним я чувствовала себя счастливее. Он был из разряда тех людей, которые располагают к себе, приносят тепло в общение, делают вещи вокруг ярче, а мир светлее всего лишь одним своим присутствием. И как только Серёжа скрылся за дверью, я вновь почувствовала всю тяжесть своей боли и поспешила забыться, погрузившись в уборку первого этажа.

Глава 7

Прошло уже несколько дней с тех пор, как мы приехали в Бор, а Власов так ещё ни разу и не позвонил, в связи с чем во мне медленно, но настойчиво начала укрепляться вера в то, что Марк с концами исчез из нашей жизни. Этот факт мог бы успокоить меня, если бы не ежедневные вопросы Катюшки «Когда приедет папа?» и мои невнятные ответы на них. Признаться честно, порой обида настолько поглощала меня, запутывая в свои липкие сети, что мне хотелось высказать дочери всё, что я на самом деле думаю о её отце. В такие минуты меня так и подмывало выговориться, рассказать ей, что натворил Марк и как он обидел меня и предал всё святое, что было между нами. Боль и горечь настолько разъедали мою душу, а ненависть к мужу укреплялась в моём разбитом сердце, что мне хотелось, чтобы и Катя тоже ненавидела Власова, чтобы она не спрашивала о нём по несколько раз в день, чтобы забыла о его существовании и осознала всю отвратительность его поступка, чтобы перестала столь беззаветно любить его. Но всякий раз, когда ядовитые слова вот-вот готовы были сорваться с губ, я останавливала себя, прикусывая язык и стараясь удержать в узде свои обиды и эгоистические настроения.

Причиной моей сдержанности был отнюдь не страх за запятнанную репутацию Марка в глазах моей малышки. Пле-

вать я хотела на его отцовский авторитет, который он наращивал все эти годы, строя из себя идеального родителя. Я просто не могла так поступить с дочерью, неправильно настраивать дочь против отца, ведь, по сути, он обидел меня, предал меня, а не её. Пока он ничего отвратительного или непростительного не сделал по отношению к Кате, если не считать пренебрежение её обществом в последние несколько дней. Я понимала как никто другой, насколько это важно, чтобы в жизни ребёнка были оба родителя. Мне самой пришлось взрослеть в неполноценной семье, вдали от родной матери, и отец, стоит отдать ему должное, никогда не высказывался в сторону мамы как-то неприемлемо, грубо или с ненавистью, не смотря на то, что она сама бросила папу и уехала из Бора, сбежала от тоскливой, невзрачной, скучной и серой жизни в другую страну, когда мне было всего двенадцать лет. Мама хотела счастья, она влюбилась в страстного и темпераментного итальянца, туриста, приехавшего посмотреть Санкт-Петербург, и он предложил ей руку и сердце уже на третьем свидании. Отец не дал согласие на вывоз меня из России и мама выбрала нового мужа, вместо меня. Я смогла понять мать только тогда, когда сама влюбилась в Марка, однако была уверена в том, что я бы никогда не бросила бы свою дочь ради мужчины. Но все мы разные, моя мама другая и она выбрала любовь, счастливо живет в Италии и пишет мне письма время от времени и присылает фото и не мне ее судить.

Мои детские обиды утихли, благодаря правильному поведению отца. Ведь стоило ему только захотеть, он мог бы повернуть всё так, чтобы я возненавидела мать и не захотела бы с ней общаться. Но папа поступил мудро, отзываясь о своей бывшей жене только с положительной стороны и не настраивая меня против нее, помогая тем самым детской психике реабилитироваться после разлуки с мамой. Именно поэтому я всё-таки тоже решила проявить мудрость, не рассказывая Кате о подлости Марка, чтобы не травмировать ее еще больше от разлуки с ним.

Честно говоря, я решила оставить это на его совести, пусть он сам отдувается за то, что разрушил нашу жизнь. Пусть он самолично смотрит в глаза нашей дочери и признаётся ей в самом страшном для ребёнка преступлении – разрушении семьи. Мне хотелось, чтобы Власов прочувствовал до глубины души, до кончиков пальцев, до корней волос, что на самом деле он натворил, наблюдая в глазах дочери разочарование, недоверие и горечь потери. Я надеялась, что реакция Кати будет для него своеобразным наказанием, которое он заслужил. Я понимала, что это будет ударом для моей малышки, но изменить уже ничего нельзя, так сложилось, и ей придётся в столь раннем возрасте пережить развод родителей. Я отдавала себе отчёт, что ей будет тяжело и больно, но я не знала, как уберечь её от этого, не скрывая правду. Успокаивал лишь тот факт, что дети во своей натуре и в силу радостного восприятия мира легче переживают подобные

трагедии и быстро перестраиваются на новую жизнь. Достаточно было только окружить их двойной заботой и любовью, и их душевные раны быстро затягивались, как произошло когда-то со мной, что, к моему глубокому сожалению, нельзя было сказать о взрослых, сформировавшихся личностях.

До Нового года оставалась всего пара дней, и дом папы нашими с Катюшкой усилиями был готов к его встрече. Он был украшен мишурой, бантами, венками, огромная ель сверкала гирляндами, но оставалось ещё купить подарки, поэтому мы с дочкой с утра выехали в город, чтобы выбрать что-нибудь для неё и для папы. В выборе подарка отцу я не сомневалась, это непременно должно быть что-то для рыбалки, к примеру, новый спиннинг, и магазин моего бывшего одноклассника Дениса Ефремова стал по этой причине первой точкой маршрута нашего путешествия в центр города.

К моему счастью, причина моего приезда в Сосновый Бор ещё не была известна основным массам населения города, и я могла спокойно ходить по его улицам и магазинам, не пряча глаз от стыда и неловкости и не ловя сочувствующие взгляды. Денис когда-то тоже тщетно пытался завоевать моё расположение, но Власов не дал никому даже шанса попытать своё счастье. Теперь он был женат на Маше, моей школьной приятельнице и, как я и предполагала, всё ещё работал в магазине своего отца. Он-то и помог мне определиться с правильным выбором, мило улыбаясь и разъясняя важность длины удилица в зависимости от времени года. Ме-

ня рыбалка никогда не привлекала, поэтому я слушала в пол уха, полностью доверившись его опыту.

Когда с подарком для папы было покончено, мы с дочерью отправились в детский магазин. Пока Катя высматривала свою жертву, я незаметно подбросила в корзину секретный «подарок от Деда Мороза», с намерением подложить его под ёлку как и положено в новогоднюю ночь. Катя долго не могла определиться, что ей нравится больше: огромная пушистая лошадь-качалка или говорящая кукла, но в итоге лошадь победила в этом неравном бою предпочтений и уже через пару минут занимала добрую половину заднего сиденья моей машины.

Закупив в ближайшем супермаркете продуктов для приготовления праздничного ужина, рецепты для которого я заранее выписала с кулинарных сайтов, мы отправились в сторону дома отца. Покупки заняли у нас больше времени, чем я планировала, и мы вернулись домой уже в послеобеденное время. Перекусив оставшимся после вчерашнего ужина запечённым картофелем с грибами, я развалилась на диване перед теликом, а Катя оседлала свою новую игрушку и с весёлыми песнями раскачивалась на ней, явно наслаждаясь игрой.

Наверное, я задремала, потому что уже, как мне показалось, через секунду Катя трясла меня за плечо со словами: – Мама, твой телефон звонит!

Я вскочила от неожиданности и перед глазами поплыли

круги от резкого движения и прерванной дрёмы. Громкая трель мобильного доносилась из моей сумки, висевшей в коридоре. Я быстро преодолела расстояние, разделяющее меня и орущее средство общения. Однако, когда я посмотрела на определитель, сердце больно ударилось о грудную клетку и мне тут же захотелось брезгливо отшвырнуть телефон обратно в сумку, словно это была мерзкая жаба. На экране высветилось «Любимый муж». Чёрт, нужно срочно переименовать его в «Ненавистного предателя».

– Да, – ответила я довольно резким тоном.

– Вероника, какого хрена?! – раздался мужской грозный голос с того конца «провода». – Почему я приезжаю домой, чтобы увидеться со своим ребенком, а там пустота и толстый слой пыли? Куда, чёрт бы тебя побрал, ты увезла мою дочь?!

Я задыхнулась от возмущения, ощущая растущее с невероятной скоростью раздражение на Марка. Сделав глубокий вдох, чтобы успокоить разбушевавшуюся ярость и не накричать на него в присутствии дочери, я медленно выдохнула, слушая громкое нетерпеливое пыхтение уже почти бывшего мужа.

– Сбавь обороты, Власов, – процедила я сквозь зубы, всё ещё прилагая немалые усилия, чтобы не повисить голос до ультразвука. – Я не буду разговаривать с тобой в подобном тоне!

Я услышала невнятное рычание из трубки и почти увидела, как Марк пытается успокоиться, смирившись со своей

беспомощностью в данной ситуации и уступая моему условию.

– Я же попросил тебя не забирать Катюшку, – уже более спокойно, но всё ещё натянуто проговорил Власов, скрипя зубами. – Куда вы уехали?

– Мы в Бору у моего отца, – тихо, но резко ответила я, – и пока не собираемся отсюда уезжать.

Марк снова запыхтел в трубку, пытаясь сдержать возмущение и рвущиеся наружу ругательства.

– Я приеду завтра вечером, я хочу видеть свою дочь, – выдавил он. – Дай ей трубку, пожалуйста.

Я чётко почувствовала, что последнее слово он буквально выжал из себя, но я не стала вредничать или язвить, хотя меня буквально распирало бросить трубку. Вместо этого я нехотя подошла к дочери и протянула ей телефон:

– Это папа.

Счастье, словно весеннее солнце, тут же осветило лицо моего ребёнка, а моё сердце снова сжалось от невыносимой боли.

– Папочка! Когда ты приедешь к нам?! – радостно щебетала дочь в трубку, в то время как я старалась успокоиться и дышать полной грудью, чтобы вместе с выдыхаемым воздухом выдавить из себя душевные страдания.

Она болтала без умолку о том, как соскучилась, о своей новой игрушке и прочей ерунде, которая по её меркам имела важное значение, периодически делая паузы, чтобы выслу-

шать реплики Власова. Спустя десять минут она с огромной неохотой попрощалась с ним, а улыбка всё ещё продолжала лучиться на её детском личике.

– Папа завтра приедет! Он обещал подарить мне на Новый год телефон, чтобы звонить мне сто раз в день! – делилась она своими впечатлениями, а я постаралась выдавить из себя ответную улыбку, не желая своим кислым выражением лица омрачить радость своего ребенка.

Остаток дня я пыталась собраться с мыслями, но это у меня плохо получалось. Тот факт, что завтра я снова увижу Марка, действовал мне на нервы. Этот день я планировала спокойно провести на кухне, готовя праздничный ужин и накрывая новогодний стол, но теперь я сильно сомневалась, что из этой затеи выйдет что-то приличное.

Ближе к вечеру раздался ещё один звонок, но уже со стационарного телефона. Я заколебалась, стоит ли брать трубку, но потом подумала, что возможно это звонит задерживающийся в отделении папа и скрепя сердце, ответила на звонок.

– Слушаю, – проговорила я.

– Вероника, привет, это я, – послышался знакомый голос Серёжи.

– Привет, – ответила я на автомате, ощущая некоторое облегчение.

– Слушай, я тут подумал, – неуверенно продолжал парень, слегка запинаясь, будто бы нервничая, – завтра канун нового

года, может я заеду в гости, заодно и познакомлюсь с Катей?

Я слегка растерялась и так и застыла с открытым ртом, переваривая предложение Сергея, но потом быстро сообразила, что моё молчание не входит ни в какие рамки вежливого обращения с приятелями, и попыталась реабилитироваться, ответив бодрым голосом, вложив в него всю беспечность и энтузиазм, на которые только была способна в этот момент:

– Конечно, заезжай, всегда рада тебя видеть!

– Отлично, – расслабился парень, – тогда до завтра. Я заеду после обеда.

– Хорошо, – пролепетала я и опустила трубку на базу.

Какое-то время я соображала, для чего Волкову понадобилось знакомиться с моей дочерью, но вскоре бросила эту затею. В конце концов, он мой приятель и друг семьи, почему бы ему не узнать поближе Катю, тем более мы тут останемся надолго и новые знакомства не помешают ни мне, ни моей малышке. Однако спустя несколько минут я почувствовала легкий спазм желудка от осознания того, что завтрашний день сулит мне сразу несколькими визитами, один из которых не совсем приятный и совсем нежеланный для меня. А если они по несчастливой случайности совпадут по времени, то имелась вполне реальная вероятность зарождения конфликта.

Я настолько устала за день и вымоталась эмоционально, что у меня больше не было сил думать об этом. Приняв мудрое решение одной из моих любимых героинь «Подумать об

этом завтра», я постаралась освободить свою голову от навязчивых мыслей.

Уложив Катюшку спать, я приняла ванну, пытаюсь расслабить хотя бы тело, раз уж с мозгами и нервами это у меня не выходило. Горячая вода сделала своё благое дело и спустя уже пятнадцать минут я рухнула на кровать, вымотанная физически и эмоционально, и почти сразу же погрузилась в беспокойный сон.

Утром меня разбудил ураган по имени Екатерина Власова, который шумно ворвался в бывшую комнату папы с радостными криками:

– Мама, вставай, скоро папа приедет!

Чёрт! Все вчерашние тревоги и мрачные мысли разом оккупировали мою голову, не успела я даже разлепить всё ещё тяжелые веки. Выход из состояния нервозности и тревожного ожидания мне виделся один – загрузить руки работой до такой степени, чтобы ни одна ненужная мысль не смела вклиниться в мою несчастную голову. Покончив с утренними водными процедурами, я не преминула последовать своему решению. Спустившись вниз, покормив дочь завтраком и нацепив поверх футболки и джинсов кухонный фартук, я приступила к воплощению в жизнь всех тех сложнейших рецептов, которые подготовила заранее.

Простые механические действия помогли мне выйти из нервного ступора, и я, воодушевлённая таким результатом, окунулась с головой в свои кулинарные приготовления. Дочь

периодически отрывалась от игры или просмотра мультиков, чтобы «помочь» мне на кухне. За монотонной работой по резке, варке, жарке, фаршированию гуся и выпеканию я не заметила, как пролетело полдня. От осознания приближения часа "ИКС" тревога вновь заполнила мой разум и я начала сильно нервничать и чуть не подпрыгнула на месте, когда раздался настойчивый дверной звонок.

Пока я вытирала трясущиеся руки о бумажное полотенце и снимала непослушный фартук, Катя бросилась открывать дверь с криками «Папа!». Я на негнущихся ногах всё ещё шла по коридору, в то время, как дочь уже нетерпеливо подпрыгивала возле двери, пытаясь дотянуться до ручки. Я быстро преодолела дистанцию до двери, хотя мне показалось, что прошла целая вечность, для меня в эту минуту всё происходило как в замедленном режиме из-за долгого тревожного ожидания. Тем сильнее было моё облегчение, когда, распахнув дверь, я увидела стоящего за ней Сергея Волкова.

Пытаясь восстановить дыхание, которое сбилось так, будто я пробежала марафонскую дистанцию, я не сразу заметила, как расстроилась Катя, разглядывающая гостя с нескрываемым разочарованием. Серёжа же, казалось, не обратил на это никакого внимания, коротко взглянув на меня, а затем, улыбаясь своей широкой белозубой улыбкой, опустился на корточки, чтобы Кате не приходилось высоко задирать голову, разглядывая его.

– Привет, малышка! – поздоровался с ней парень. – Я Се-

рёжа, друг твоей мамы, – доброжелательно проговорил он, пытаясь наладить с Катюшкой зрительный контакт.

Дочка же лишь спряталась за мои ноги, стесняясь присутствия постороннего человека. Тогда Серёжа перешёл к тяжёлой артиллерии и со словами: – Смотри, что у меня для тебя есть, – вытащил из-за спины огромную розовую коробку с красивой и нарядной куклой внутри.

Лицо дочери сразу же просветлело, когда она увидела свой подарок.

– Держи, она твоя.

Катя осторожно вышла из своего укрытия и, всё ещё недоверчиво глядя на мужчину, медленно протянула ручки к игрушке. Когда же желаемый объект оказался в её цепкой хватке, она чуть улыбнулась незнакомому мужчине в знак благодарности и бегом отправилась в гостиную, чтобы незамедлительно рассмотреть подарок. Я же отметила про себя, что Серёже вполне успешно удалось задобрить мою дочь, и приятно удивилась, что первый шаг к знакомству он сделал вполне правильный, как будто уже имел опыт общения с маленькими детьми.

– Спасибо за куклу, проходи, – пригласила я друга, который, судя по выражению лица, остался доволен реакцией Кати.

– Она похожа на тебя, – заметил Волков младший, вешая куртку в коридоре. – У неё твои глаза, вернее форма глаз.

– Так все говорят, – улыбнулась я. – Хочешь что-нибудь

выпить?

– Я за рулём, так что кофе, если можно.

– Конечно можно, сейчас сварю.

Пока я хлопотала на кухне, Серёжа составлял компанию Кате, что-то весело рассказывая ей, и она, к моему удовлетворению, отвечала ему дружелюбностью и задорным смехом. Кофе пришлось пить в гостиной, так как кухонный стол был заставлен полуготовыми блюдами.

Позже я с удовольствием наблюдала, как Серёжа продолжал завоёвывать доверие моей дочери, развлекая её разными играми, читая книжки и выполняя все её приказы и указания по рассаживанию многочисленных кукол и мягких игрушек за воображаемым столом. Волков так быстро втянулся в общение с моей девочкой, так тонко прочувствовал ниточку, которая вела к её сердцу, так виртуозно завладевал её вниманием и так умело наращивал кредит её детского доверия, что моя симпатия к этому парню росла в геометрической прогрессии и я начала даже восхищаться его способностям так быстро располагать к себе людей.

Слыша же звонкий смех моего ребёнка, наблюдая её лучезарную улыбку, которую она дарила Серёже, и буквально осязая её растущую к нему привязанность, я и сама невольно улыбалась, радуясь всему происходящему. Мне приятно было осознавать, что эти двое нашли общий язык. Я настолько растрогалась поведением друга, что поддалась мимолётному порыву и пригласила его остаться на праздничный ужин. Се-

рёжа даже не пытался отказаться, напротив, он с превеликим энтузиазмом принял моё предложение, и пока я доделывала начатые, но ещё не доведённые до абсолютной готовности к употреблению блюда, он продолжал развлекать мою дочь всевозможными забавами.

Вскоре мой отец вернулся домой и они с Волковым вызвались накрывать праздничный стол в гостиной, раскладывая салфетки, тарелки, расставляя свечи в хаотичном порядке и заставляя его готовыми салатами. Я же, пользуясь такой своевременной помощью, поднялась наверх, чтобы быстро принять душ и привести свой внешний вид в подобающий для главного праздника года.

Наскоро высушив волосы, я натянула на себя красную шелковую блузку и чёрную юбку карандаш. Бледность моего лица немного раздражала, и я слегка подрумянила щёки и подкрасила губы. Пока я совершала все эти манипуляции, мысли о встрече с Марком снова завладели моей головой, заставляя сердце глухо биться о грудную клетку, отчего я буквально ощущала каждый его толчок, отдаваемый тупой тянущей болью.

Как в тумане я медленно спускалась по лестнице, погружённая в свои размышления, и не сразу словила пристальный взгляд Сергея. Парень оторвался от очередной игры с Катей и с восхищением в глазах рассматривал меня с ног до головы. Под этим внимательным и неожиданным для меня взглядом я смутилась, и кровь тут же прилила к лицу, окра-

шивая его в алый цвет. Меня бесила эта особенность моего организма, выставляющая напоказ все мои чувства и переживания, выдающая все мои тайны, но, к моему огромному разочарованию, я так и не научилась её контролировать, краснея всякий раз от смущения.

– Хорошо выглядишь, – рассеял напряжение отец к моему великому облегчению.

– Э-э, да, вид потрясающий, – подхватил эстафету комплиментов Серёжа.

– Спасибо, – проямлила я, пряча взгляд и пытаюсь перевести тему, лишь бы не испытывать это чувство неловкости от пылающих щёк: – Всё готово, можно приступать к трапезе?

– Мы только тебя и ждали, – ответил папа. – Я умираю с голоду!

– Отлично, остался последний штрих! – кивнула я и последовала на кухню.

Я извлекла из духовки гуся, переложив его в красивую тарелку с новогодней символикой, и аромат запечённых яблок тут же заполнил всю комнату. Поставив главное блюдо дня в центр стола, я уселась на стул, и все присутствующие последовали моему примеру.

– Мама, знаешь, как дядя Серёжа меня называет? – спросила Катя с полным ртом, дружелюбно глядя на Волкова. Тот же в свою очередь кинул на меня виноватый взгляд из-под бровей и снова уставился в тарелку.

– Как, детка?

– Каток! Правда, здорово?

Я поперхнулась салатом Оливье от неожиданности. Несомненно, имя у моего ребёнка было красивое, как у великой русской императрицы, но очень популярное, однако перевернуть Екатерину в Каток на мой взгляд было странно, если не сказать смешно, к такому грубому сокращению я не была готова. Однако, судя по выражению лица дочери, ей оно очень приглянулось, и я решила не портить её праздничное настроение, пролепетав в ответ «Очень мило» и бросив гневный взгляд в сторону друга, который сделал вид, что ничего не замечает. После я ему выскажу все, что думаю об этом "Каток".

Ужин прошёл за приятными разговорами, и, когда трапеза уже подходила к концу, раздался очередной громкий звонок в дверь, от которого моё сердце уже во второй раз за день ухнуло в область живота, лишая меня возможности полноценно дышать.

Катя снова бросилась открывать дверь, а я, наблюдая удивлённые лица мужчин, только сейчас поняла, что никого не предупредила о приезде Марка.

– Это Власов, приехал поздравить Катюшку. Я открою, – протараторила я, спеша пресечь их вопросы, и, быстро вскочив с места, направилась к двери, моля Бога, чтобы отец не зарядил табельное оружие и не начал бы пальбу в Марка вместо приветствия.

За дверью действительно стоял Власов, как всегда неотразимый, в чёрном пальто, накинутом поверх серого костюма, и с взъерошенными мокрыми от снега волосами. Сердце предательски участило удары в животе, не желая подниматься на место, отчего дышать стало намного труднее, и голова закружилась от нехватки кислорода или от нервного перенапряжения. В этот момент я почти не слышала ни восторженных криков дочери, ни грубого бубнения своего отца, доносившегося из гостиной, я слышала лишь громкие удары своего сердца, колотящегося внутри меня.

Взгляд Власова лишь на секунду задержался на мне, скользнув от лица ниже по фигуре, и тут же обратился к дочери. Она уже сидела на его руках, обнимая и целуя его выбритые щёки, а я всё ещё не могла отделаться от ощущения, что меня снова сравнивают с той фигуристой блондинкой. Я внутренне сжалась, понимая, насколько проигрываю в этой неравной борьбе за сексуальность, но уже в следующую секунду вспомнила, что такой черте характера, как неуверенность в себе, больше нет места в той новой Веронике, которой я решила стать. Злость на Марка вновь заслонила все другие чувства, и я с гордо поднятой головой прошагала внутрь дома, жестом приглашая его следовать за мной.

– Вам лучше пообщаться наверху, – сухо проговорила я, – с недавних пор ты не очень-то желанный гость в этом доме. И не забудь рассказать дочери, какие перемены идут в нашу жизнь и что послужило тому причиной. Иначе это сделаю я

и не в лучшем для тебя свете.

Одарив меня неприязненным колким взглядом, Марк молча начал подниматься по лестнице с дочкой на руках, а я вернулась за стол. В гостиной напряжение буквально витало в воздухе, несмотря на то, что мужчины пытались рассеять его непринужденной беседой. Я точно знала, что все присутствующие, включая меня, думают об одном и том же. Первым не выдержал отец:

– На твоём месте я бы не был столь добр и не разрешил бы ему видеться с дочерью до решения суда!

– Я не могу так поступить с Катей, она любит его. Давайте не будем сейчас об этом. Он скоро уедет и всё встанет на свои места. Не хочу портить праздник разговорами о Марке Власове.

Отец лишь фыркнул, выражая тем самым своё возмущение, и включил телевизор, чтобы отвлечься, а Серёжа продолжал недоверчиво поглядывать в мою сторону. Спустя полчаса такого напряжённого общения Власов наконец спустился вниз в сопровождении малышки, держащей в руке новенький мобильный телефон розового цвета. Воспитание взяло верх и самоубийца-Марк решился таки войти в гостиную, чтобы поздороваться с моим отцом, всё-таки вежливость всегда была одним из его лучших качеств. Я заметила, как напряглось его лицо, когда он увидел среди присутствующих Волкова.

– Мне пора, – сухо проговорил Власов, глядя на папу, –

желаю хорошо встретить Новый год.

Отец лишь слегка кивнул ему в ответ, а я была готова поклясться, что в этот момент он мысленно выпускал всю обойму своего оружия прямо в центр груди Марка, настолько его взгляд был наполнен яростью.

– Я тебя провожу, папочка! – вскрикнула дочь, но я оставила её.

– Детка, нам с папой нужно поговорить, попрощайся с ним здесь.

Катя послушно обняла Марка, а он крепко поцеловал её, обещав, что скоро они снова увидятся.

Когда мы остались наедине, оказавшись у входной двери, Марк буквально прошипел, буравя меня гневным взглядом:

– Какого чёрта этот Волков крутится возле моей дочери и даёт ей отвратительные прозвища? Что это ещё за Каток? Она и меня просит так её называть!

Я почти ощущала кожей излучаемую Власовым ненависть к Серёже и злость на меня. Пытаясь не лопнуть от переизбытка возмущения, растущего в моём сознании и грозящегося всё-таки вырваться наружу потоками отборной брани, я ровным тоном, насколько хватило моих стараний, ответила, глядя прямо в его глаза:

– Серёжа – друг моей семьи, в состав которой ты уже неходишь, и заметь, по своей собственной инициативе. Так что засунь свои претензии куда подальше и не лезь в нашу жизнь!

Я наблюдала, как Марк борется сам с собой, и эта борьба явно отражалась на его красивом лице. Одна его часть, подчиняющаяся эмоциям, захлебывалась яростью, мечтая выплеснуть её мне в лицо, вторая же, подчиняющаяся здравому смыслу, пыталась успокоить первую под давлением обстоятельств и беспомощности в данной ситуации. В конце концов разум одержал верх над эмоциями, и Марк промолчал, каких бы титанических трудов ему это не стоило.

Я же, стараясь не выдать своих собственных чувств, продолжила ровным голосом:

– Ты рассказал ей?

– Она знает ровно столько, сколько ей нужно знать, – процедил он сквозь зубы. Его ноздри раздувались от шумно втягиваемого воздуха, а зеленые глаза, казалось, уже прожгли во мне сквозную дыру. Если бы человека можно было убить яростным взглядом, то я была бы уже мертва, однако я не собиралась так легко уступать ему в этом поединке.

– Это не тебе определять уровень её осведомлённости! – я разозлилась не на шутку и готова была сорваться на крик. – Что ж, я тебя предупреждала, если ты не сказал ей правду, она узнает её от меня и поверь, я не собираюсь смягчать всю гнусность твоего поступка в глазах дочери, подпитывая иллюзию твоей безупречности!

Какое-то время он продолжал сверлить меня насквозь своим уничтожающим взглядом, не произнося ни слова, а затем вдруг прошептал:

– Не думал, что человек может так кардинально измениться за несколько дней.

– Посмотри в зеркало, Власов, и ты найдёшь в его отражении подтверждение тому, что люди могут быстро меняться, причём далеко не в лучшую сторону!

Он последний раз окатил меня леденящим душу взглядом, холод которого, казалось, добрался до самого моего нутра, и вышел за порог, хлопнув дверью.

Глава 8

Следующие несколько дней прошли относительно спокойно, если не считать шумное празднование наступления Нового года населением Соснового Бора. Кто бы мог подумать, что этот невзрачный, тихий, нагоняющий тоску городишко может так измениться в главный праздник года. Люди улыбались друг другу на улицах, оживлённо беседовали, сыпали поздравлениями и пожеланиями счастья. Почти каждый дом напоминал сверкающую новогоднюю игрушку, и каждый хозяин украшал своё жилище так ярко и красочно, будто бы стремился выиграть несуществующий конкурс «Иллюминация года». Подъезды многоэтажек приветствовали прохожих стоящими возле них светящимися снеговиками и снегурочками, входные двери зазывали на огонёк традиционными еловыми венками, а окна, обрамлённые разноцветными гирляндами, дополняли картину волшебства.

В воздухе буквально витала магия, а декорации радовали глаз. И хотя Новый год уже наступил, людей всё ещё не покидало праздничное настроение, ведь каникулы продолжались и впереди всех ещё ждала встреча Рождества. Даже я, угнетённая своими переживаниями и тяжёлыми мыслями, не могла не обращать внимания на всеобщее веселье. Это настроение праздника, вселенской радости и ожидания чуда передавалось и мне. Казалось, энергия, излучаемая все-

ми вокруг, слегка заряжала и меня, придавая мне сил жить дальше и подталкивая меня совершить попытку откусить хотя бы крошечный кусочек веселись-как-можешь-пирога, который мог бы оказаться по зубам моему измученному страданиями сознанию.

Я не решалась окунуться в эту атмосферу веселой беспечности, боясь, что этот кусок всё же застрянет у меня в горле, ведь я всё ещё не смогла прийти в себя после последней встречи с Власовым. В ту новогоднюю ночь я долго не могла уснуть, несмотря на усталость и душевное опустошение. Несколько часов я прорыдала в подушку, вспоминая холодный взгляд все ещё любимых глаз. Обманывать окружающих было трудно, обманывать себя ещё труднее, а признаться, что я всё ещё испытываю какие-то чувства к Марку, было самым трудным. Как бы я ни лелеяла зародившееся в моём сердце ощущение ненависти к нему, как бы ни старалась взрастить его в полноценное чувство, всё же при одном лишь взгляде в его прекрасное, но такое ледяное лицо зарытые глубоко в моём разбитом сердце чувства к этому человеку снова зашевелились, пытаясь выбраться наружу сквозь толстый слой коросты безразличия, накапливаемый мной такими невероятными усилиями. В ту ночь я поняла одно, что для моего спокойствия и душевного равновесия мне необходимо время и невозможность видеть и слышать Марка Власова. Последнее желание легко воплощалось в жизнь с помощью подаренного без пяти минут бывшим мужем нового

телефона Кате, которая могла без моего участия общаться с отцом.

Все эти мысли лезли мне в голову, пока я, допивая свой утренний субботний кофе, наблюдала через окно нашей кухни, как Катя играет с дедушкой во дворе в снежки. Неожиданно мой взгляд привлёк парковавшийся у дома автомобиль, который был мне хорошо знаком – это был чёрный Мерседес Виктора Павловича Власова – моего свёкра. Непослушное сердце уже по старой привычке совершило отработанный манёвр в область живота и, жёстко приземлившись там, застучало громко и часто. Я гипнотизировала взглядом водительскую дверь и, когда из неё вышла мать Марка, сердце забилося ещё чаще от предвкушения надвигающейся катастрофы. Я всегда уважала свою сверовь Наталью Леонидовну за её мудрость, рассудительность, доброту, безграничный материнский инстинкт, всепоглощающую любовь к детям и умение сплачивать семью, когда это было особенно необходимо. Теперь же я внутренне дрожала, предвкушая неприятный разговор, вероятная тема которого мне была хорошо известна и заранее неприятна.

Наталья Леонидовна уверенным шагом направлялась в сторону дома, держа в руках большую розовую коробку, но, заметив внучку, остановилась, и добрая улыбка осветила её всё ещё красивое лицо. Моя дочь бросилась ей на шею, и они некоторое время обнимались, наслаждаясь встречей. Затем Наталья Леонидовна вручила моему ребёнку яркую короб-

ку, Катя тут же её распечатала, и в ней оказался кукольный автомобиль «Барби». Я выдохнула, радуясь, что неминуемая катастрофа отсрочена на несколько минут, словно ребёнок, который радуется отсрочки времени своего укладывания на ночь, выдумывая для этого разные предлоги. Но облегчение моё длилось недолго, потому что уже через несколько минут моя свекровь что-то спросила у отца и, получив от него ответ, бросила взгляд на дом. Сказав что-то Кате, она широко улыбнулась ей и продолжила свой путь к входной двери.

Я обречённо поплелась к выходу, стараясь унять дрожь в коленях. Звонок раздался почти в то же время, как я повернула ручку входной двери. Слегка удивлённый от неожиданности взгляд Натальи Леонидовны оценивающе скользнул по моему лицу, но я не смогла бы сказать, что она там увидела, потому что ни один её мускул не выдал никаких эмоций.

– Здравствуй, Вероника, – тихо, но серьёзно проговорила женщина.

– Здравствуйте, Наталья Леонидовна, проходите, – пригласила я, провожая её в гостиную. – Хотите кофе или чаю?

– Нет, спасибо, – вежливо отказалась она. – Могу я с тобой поговорить?

Я сглотнула, ощущая, как дрожь неумолимо поднимается от колен выше, пробирая всё моё тело и выдавая с потрохами своё присутствие трясущимися пальцами на моих руках.

– Да, – хрипло промямлила я, интуитивно втягивая голову в плечи, желая спрятаться от всего мира, словно трусливый

страус, который прячет голову в песок в случае опасности.

Свекровь медленно подошла ко мне и взяла мои дрожащие пальцы в свои теплые и мягкие ладони, одновременно заглядывая мне в глаза, а я чуть не потеряла сознание, предчувствуя что-то совсем нехорошее.

– Вероника, ты знаешь, я тебя люблю как родную дочь, которой у меня никогда не было. Господь одарил меня двумя прекрасными сыновьями, и я безмерно благодарна ему за них, но, как любая женщина, я мечтала о дочери, такой, как ты, – Наталья Леонидовна сделала многозначительную паузу, а мой желудок свело жутким спазмом такой силы, что я начала беспокоиться, как бы удержать в нём выпитый кофе. – Ты для меня воплощение идеальной снохи, идеальной жены моего сына, идеальной матери моих внуков. Вероника, я не нахожу себе места от горя с тех пор, как узнала, что ты подала на развод. У вас такая идеальная семья, неужели ты хочешь разрушить её?

Мать Марка смотрела на меня таким тревожным взглядом, а слова её были настолько искренними, что я растерялась. На какое-то время я даже ощутила чувство вины за то, что эта милая женщина испытывает душевные страдания. Несколько секунд я приходила в себя, но когда разум наконец прояснился, я поняла, что она скорее всего не знает о причине моего решения развестись. Уверенность сразу же вернулась ко мне и я проговорила спокойным тоном, хоть это и давалось мне с трудом:

– Наталья Леонидовна, Марк изменил мне с другой женщиной. . .

Мои слова, казалось, не произвели на неё никакого впечатления, она так и продолжала стоять, окутывая меня своим любящим взглядом.

– Вероника, – ласково, но уверенно ответила Наталья Леонидовна, когда пауза уж слишком затянулась, – Марк красивый молодой мужчина, он оступился, такое бывает, неужели одна ошибка стоит разрушения целой семьи. У вас прекрасная дочь, вы любите друг друга, в браке кто-то должен быть мудрее и уметь прощать. Ты женщина, хранительница очага и семейного уюта, неужели ты не можешь найти в себе силы хотя бы попытаться простить моему сыну эту глупую ошибку?

Я слушала молча, но челюсть моя так уверенно съезжала ниже от возмущения, открывая рот для того, чтобы высказать его, что мне буквально пришлось поднимать её с пола. Однако слова застряли где-то в горле и не хотели выбираться оттуда под тёплым взглядом свекрови. Она продолжала вопросительно разглядывать меня, явно ожидая ответа, а я старалась сформулировать свою последующую реплику так, чтобы не обидеть или, не приведи Господь, не оскорбить эту мудрую, но наивную женщину.

– Наталья Леонидовна, при всём уважении к вам, я всё же удивляюсь наглости Марка и его бесцеремонному вранью! Я не хочу разговаривать об этом. Мне ясно одно, что вы не в

полной мере осведомлены о данной ситуации. Это ещё раз подтверждает, что Марк трус, раз ему не по силам признать-ся собственной матери в своём поступке!

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, – растерялась Наталья Леонидовна, выпуская мои руки из своей нежной хватки.

Её искренний добродушный взгляд не позволил мне разозлиться на неё, но злость на Марка уже заполнила меня, и я из последних сил держала себя в руках, чтобы не выплеснуть эту ярость на ни в чем неповинную женщину. Усилиями воли я напредила себе, что она тут не при чём и попыталась спокойно продолжить беседу, хотя внутри у меня всё кипело.

– Наталья Леонидовна, у Марка другая женщина, это не была разовая интрижка, у него постоянные отношения с ней. Хотя, думаю, я бы и тогда не смогла бы простить предательство, пусть даже мимолётное и неосознанное. Помнится, он ни разу не попытался хотя бы извиниться или сделать попытку удержать меня. Он не сожалеет о случившемся и не хочет сохранить наш брак, его устраивает его новая пассия, а я не настолько не уверена в себе, чтобы потеряв остатки гордости и самоуважения, умолять его остаться. Я никогда бы не стала навязывать себя. Наталья Леонидовна, вы зря пришли, мне жаль, что так вышло, но прежде, чем приходить сюда, вам следовало бы вытянуть правду из своего младшего сына, думаю, она отбила бы у вас желание попытаться убедить меня в чём-то. Не нужно строить иллюзий, что ваш сын всё ещё

любит меня, он доказал мне обратное и ни разу не попытался переубедить.

Я видела, что слёзы медленно застилали карие глаза моей почти бывшей свекрови. Я чувствовала, как ей больно слышать такое, как она переживает за меня, как страдает из-за всего происходящего. Если она сейчас расплечется, то я тоже не выдержу, и гостиняя Михаила Новикова в таком случае рискует быть затопленной горькими слезами двух женщин. Наталья Леонидовна тихо шмыгнула маленьким носиком, достала из сумочки белый носовой платок и приложила его к глазам. Затем она глубоко вздохнула и, сделав пару шагов назад, села на край дивана, сделав мне знак последовать её примеру. Я послушно исполнила её указание, с тревогой ожидая продолжения разговора.

– Вероника, послушай, девочка, – начала она, теребя платок в руках. – Ты напрасно думаешь, что я пришла сюда просто так, без оснований. Я имею больше опыта в подобных ситуациях, чем может показаться на первый взгляд. – Не успела я осознать значение её слов, как она продолжила: – Я никому и никогда не рассказывала об этом, но Виктор ведь тоже изменял мне, – выдавила из себя женщина и снова приложила платок к внутренним уголкам глаз. – Пятнадцать лет назад, когда Марку было десять, а Александру двенадцать, он встретил одну женщину. Её звали Анастасия, она приехала в Бор на стажировку и работала в городской больнице под его началом. Виктор всегда был честным человеком и сразу

признался мне во всём. Я не могу передать словами, как мне было больно, но и ему было тогда не сладко. Мой муж без памяти влюбился в молоденькую практикантку, и на моё несчастье и его погибель, Анастасия отвечала ему взаимностью. Я видела, как он страдает, как разрывается на части, стараясь изо всех сил остаться мне верным и выкинуть из сердца свою подопечную. Признаться честно, я была буквально ослеплена ревностью, я металась из угла в угол, ежеминутно ожидая страшного. И это случилось. Виктор не смог устоять, он поддался искушению, предав меня. В ту ночь он не вернулся домой, а я всё поняла и проплакала в подушку до рассвета. Тогда я ощущала себя опустошённой, а к нему испытывала только ненависть...

Наталья Леонидовна прервалась, громко сморкаясь в платок, а я пребывала в шоковом состоянии, слушая её рассказ, и не была в силах вымолвить хотя бы слово. Я лишь смотрела на неё и что-то невнятно мычала время от времени.

– Я не знала, как поступить. Первой мыслью было уехать подальше отсюда и попытаться начать новую жизнь. Уезжать было куда. В то время я серьёзно занималась архитектурным дизайном, – продолжила Наталья Леонидовна, – и ко мне постоянно приходили предложения из разных крупных компаний страны. Я каждый раз отказывалась, ведь мы любили Сосновый Бор и Виктор буквально корнями сросся с больницей этого города. Но в ту ночь я вертела в руках последнее приглашение из Екатеринбурга и всерьёз думала о пере-

езде, лишь бы подальше отсюда. До утра я не могла заснуть, взвешивая все «за» и «против». И ты знаешь, «против» оказалось больше. Я не знаю, как я умудрилась в таком состоянии здраво мыслить, но я как сейчас помню, почему решила остаться. У меня было два сына, почти подросткового возраста. Они души не чаяли в отце, буквально боготворили его, впитывая каждое его слово. Виктор был для них авторитетом, примером для подражания, он был для моих детей идеалом отца, которого только могут желать мальчишки. Виктор всегда был честным, справедливым, мужественным, волевым, но в то же время добрым, отзывчивым и гуманным. Он умел поставить себя на место другого, умел легко завоевать доверие. Тогда я чётко осознавала, насколько важно для мальчиков иметь мужской пример для подражания. Я с ужасом осознавала, как они отреагируют на такой поступок Виктора. Меня начинало трясти от мысли, как такая ситуация повлияет на дальнейшее развитие их характеров, какими личностями станут мои дети, если их устойчивые взгляды, их вера в отца разрушатся? Я понимала, что такой удар может разрушить их будущее, разбить их уже почти сформировавшиеся жизненные устои. Да и что я одна смогу дать им? Какой опыт я передам своим сыновьям? Безусловно, я окружила бы их усиленной заботой и любовью, но этого было бы недостаточно, чтобы из них выросли настоящие мужчины. Больше всего на свете я любила своих детей и не могла позволить своему эгоизму разрушить их жизни, превратив

в маменькиных сынков с неустойчивой психикой и абсолютной дезориентацией в обществе. Только это остановило меня в ту ночь от рокового решения. Теперь же, оглядываясь назад, я благодарна Богу, что он дал мне силы воли и разума, чтобы принять единственное правильное решение остаться.

Наталья Леонидовна прервала свой рассказ, наблюдая за мной, но я продолжала молча смотреть на неё, ожидая возобновления повествования, и она продолжила:

– Неделю Виктор не возвращался домой. Я до сих пор не знаю, был ли он всё это время с той девушкой или нет, я никогда не спрашивала, да и это было уже не важно. Марку и Александру я сказала, что их отец дежурит в больнице, и они поверили. Спустя семь дней он появился на пороге дома. Дети были в школе и ничего не видели. Моей первой реакцией было накричать, обругать, выплеснуть всю злость, но всего один взгляд в его лицо мгновенно остудил мой пыл. Я никогда не забуду какую агонию я прочла в его глазах, сколько страданий читалось на его измученном лице. Он произнёс всего одно слово «Прости» и я разрыдалась в голос. Виктор пришёл с одной единственной просьбой – уехать с ним подальше от Соснового Бора, подальше от соблазна. Он клялся, что не может жить без меня и детей, что мы всё, что есть дорогого в его жизни, и я верила ему. Я знала, как тяжело далось ему решение уехать из родного города, бросить своих пациентов, оставить больницу, которая была ему вторым домом, и я сдалась. Мы уехали в Нижний Новгород, куда его

давно прилашали главврачом ЦРБ, и прожили там пять лет, пока длился срочный договор с больницей. Я нашла в себе силы простить Виктора и никогда не вспоминать об этом, как бы тяжело мне не было. Когда мы вернулись в Бор, то узнали, что Анастасия покинула его спустя несколько лет после нашего отъезда. И знаешь, после того случая наша любовь стала ещё сильнее, а семья крепче. Виктор до сих пор буквально носит меня на руках и пылинки сдувает, и я понимаю, что таким образом он всё ещё пытается загладить свою вину и показать мне, как сильно он благодарен за когда-то принятое мной решение сохранить брак. Вероника, я рассказываю тебе это только потому, что больше всего сейчас хочу, чтобы вы не наделали ошибок, которые потом изменить будет невозможно. Я только прошу тебя, прислушайся к своему сердцу, к своему разуму, отключись от чувства обиды, от всех других эмоций и просто попробуй взвесить всё на трезвую голову. Разрушить семью не так уж сложно, а вот построить заново – непосильный труд. Нас с Витей та ситуация многому научила, мы стали больше ценить друг друга, ценить наши отношения. Вероника, я люблю своего сына, люблю тебя и обожаю Катюшку, я желаю вам только добра, пожалуйста, прислушайся ко мне.

Я внимательно выслушала всю речь свекрови, и всё это время противный ком стоял в горле, постепенно увеличиваясь в размерах и грозясь вырваться наружу горькими слезами. Я никогда бы не подумала, что Виктор Павлович мог

изменить Наталье Леонидовне. Их отношения всегда казались мне настолько нежными и трогательными, что я считала их идеальной парой. Их любовь была настолько искренней и прозрачной, что каждый, кто видел их вместе, поражался, как им удалось пронести такое глубокое чувство сквозь годы и не расплескать его, не растратить понапрасну. И теперь я понимала, что сохранить такие чувства и отношения – трудоёмкий процесс, затрагивающий обоих участников. Несомненно, моя свекровь проявила железную силу воли и безграничную мудрость, и была вознаграждена за это счастливым браком, но я с грустью осознавала, что у нас с Марком всё иначе.

– Наталья Леонидовна, – тихо начала я, заглядывая в её карие глаза, – Марк не Виктор Павлович. Он совсем другой человек, а в последнее время и вовсе казался мне не тем Марком, от которого я когда-то потеряла голову. Он изменился, стал отстранённым, чужим мне. Он уже не любит меня, да и я не испытываю к нему прежних тёплых чувств. Я благодарна вам за попытку исправить ситуацию и за поддержку, но в нашем случае ничего уже нельзя изменить. Меня начинает трясти и подташнивать, когда я представляю, как Марк ласкает ту шикарную блондинку. Я не смогу простить его, да он и не собирается просить прощения. Он влюблён в другую и выбрал свой дальнейший жизненный путь, в котором мне уж точно нет места. Мне жаль, что так вышло.

Я видела, как понимание неизбежного накрывает эту доб-

рую женщину, как искра последней надежды на хороший исход гаснет в её глазах, уступая место надвигающейся боли. Наталья Леонидовна придвинулась ко мне вплотную и сжала в своих мягких объятьях, со словами: – Девочка моя, мне так жаль.

Тут я не выдержала и разрыдалась на плече у этой женщины, позволяя себе наконец выпустить наружу всю ту боль, которая спазмами сдавливала мне горло. Мы прорыдали так не меньше четверти часа, и когда слёзный поток уже не мог находить запасы жидкости в организме, чтобы продолжать своё течение, мы отстранились друг от друга, громко шмыгая носами.

– Детка, – ласково проговорила Наталья Леонидовна, – мне больно, что так получилось. Пожалуйста, что бы ни случилось, не забывай навещать нас с Виктором. Помни, мы любим вас с Катей и вы всегда будете для нас желанными гостями.

– Я ценю это, Наталья Леонидовна, спасибо, – ответила я, вытирая мокрые щеки тыльной стороной ладони.

Я проводила её до двери, она улыбнулась мне ободряющей улыбкой с оттенком вины за поступок сына и уехала, оставив меня наедине со своими мыслями. История свекрови затронула что-то в моей душе, посеяла там сомнения относительно правильности моего решения. Я спрашивала себя, смогу я хотя бы сделать попытку простить Марка, если он вдруг раскается и будет умолять меня вернуться? Полу-

чится ли у меня переступить через свою уже растоптанную гордость, через остатки самоуважения ради сохранения семьи? Я не знала ответов на эти вопросы, да и к чему мне было их знать сейчас, когда я была уверена, что Власов ни за что не будет даже пробовать помешать нам развестись. Я невольно сравнивала поведение Виктора и Марка и последний сильно проигрывал в моих глазах. Нет, своим поведением Власов мне уже всё доказал, не стоит выдумывать какие-то несуществующие соломинки, за которые можно было бы ухватиться. Их просто не было. Да мне и не хотелось за них хвататься. Решение расстаться было для нас абсолютно добровольным и негласно согласованным, а чувства неприязни вполне взаимными. Такие выводы немного успокоили мои потрёпанные нервы и придали мне былой уверенности, которую я слегка растеряла после неожиданного признания матери Марка. Я накинула куртку и вышла на морозный воздух, жадно втягивая его носом, ощущая его приятную прохладу и свежесть.

Глава 9

Несмотря на всеобщее празднование наступления нового года и Рождества, я находилась в глубокой депрессии. Как бы я ни пыталась убедить себя в том, что жизнь продолжается, что всё в порядке, гнетущее настроение, вызванное неутихающей болью, не покидало меня ни на секунду. Я честно старалась бороться с тоской, пытаюсь сосредоточить всё свое внимание на доме и дочери, но всё же моё душевное состояние оставляло желать лучшего. Иногда, уходя в себя, погружаясь в свои угнетающие мысли, я не сразу замечала недоверие и страх в глазах дочери, безуспешно пытавшейся обратиться на себя моё внимание. Отец всё чаще возвращался с работы раньше и развлекал моего ребенка как мог, бросая время от времени исподлобья на меня тревожные взгляды. И хотя я пыталась следить за своей внешностью, периодически лживо улыбаться, я ловила себя на том, что иногда настолько ухожу в себя, что даже громкому голосу папы ни с первого раза удаётся вывести меня из состояния остекленения. Признаться, я и сама пугалась этого состояния и периодически в моём мозгу проскальзывала мысль обратиться за помощью к психотерапевту, но я каждый раз отметала её, уверяя себя, что справлюсь сама.

Усугублял ситуацию ещё и тот факт, что Катя сильно скучала по отцу и постоянно спрашивала, почему он все кани-

кулы провёл в Питере, а не с нами, как было раньше. Я скрепя сердце невнятно отвечала, что папа занят на работе, что у него важный проект, которого не было в прошлом году. Тогда дочь начинала просить меня вернуться домой в Санкт-Петербург, а я никак не решалась сказать ей, что теперь наш дом здесь и мы никогда больше не вернёмся в дом Марка Власова. Наши затянувшиеся каникулы в гостях у бабушки явно вызывали у неё какие-то подозрения и я была уверена, что Катя чувствует что-то неладное.

Иногда мне и самой казалось, что я уже целую вечность живу в Бору, хотя на самом деле прошло всего чуть больше двух недель. Очередным серым утром я проснулась с ощущением ещё большей тревоги, чем обычно и тут же вспомнила, какова причина такому явлению. Сегодня восьмое января, суббота и Марк обещал приехать, чтобы навестить дочь и поздравить её с Рождеством Христовым. Папа уехал на традиционную рыбалку, которую ему пришлось пропустить в прошлый раз, да и скорее всего ему надоело видеть моё неживое безэмоциональное лицо, от которого буквально веяло вселенской скорбью. Меня и саму уже тошнило от лицезрения своего отражения в зеркале, но я не знала, как исправить ситуацию, как взбодрить саму себя, как вывести себя из ступора, как, в конце концов, по-настоящему поверить в то, что в жизни ещё не всё кончено.

На сегодня у меня была одна задача – избежать или хотя бы сократить до минимума общение с Власовым. Имен-

но поэтому я ежеминутно выглядывала в окно, боясь пропустить появление серебристого БМВ на подъездной дорожке и не успеть вовремя ретироваться. Катя же проделывала тот же фокус, но совсем по другой причине – ей не терпелось поскорее приблизить долгожданную встречу с отцом.

Когда же злополучный автомобиль припарковался возле дома, моя девочка запрыгала от радости, а я быстро схватила куртку и направилась к выходу, чтобы минимизировать своё нахождение рядом с Власовым под одной крышей. Мы столкнулись с ним в дверях и я, боясь даже взглянуть в его лицо и тщательно избегая встречи с его взглядом, проинструктировала Марка о том, чем нужно будет покормить Катю во время обеда, смотря попеременно то в сторону, то в область его груди. Затем я напомнила ему о том, что пора признаться дочери в том, что происходит, и вылетела из дома со скоростью пули мелкого калибра, даже не обернувшись. Хорошо, что мы заранее по телефону обсудили продолжительность его визита и мне не пришлось говорить ещё и об этом.

Я перевела дух только усевшись за руль моего автомобиля и позволила себе кинуть короткий взгляд на входную дверь. Власова там уже не было, и я, громко втянув воздух, завела мотор и вырулила на дорогу. В голове крутилась куча мыслей, словно рой диких пчёл. Их было так много, что я не могла сосредоточиться или правильно сформулировать хотя бы одну из них. Вместо этого я прибавила громкости на

магнитоле, и какая-то незамысловатая популярная мелодия помогла мне отключиться от жужжащих мыслей.

У меня не было никакого плана, как провести ближайшие несколько часов, пока продолжается свидание Катюшки с её отцом. Я так старалась отключиться от навязчивых липких мыслей, вслушиваясь в громкую музыку, что очнулась только тогда, когда мой автомобиль уверенно двигался по дороге в хорошо знакомую мне маленькую, но уютную деревню Лебязье. Я слегка удивилась такому своему неосознанному решению навестить Серёжу, но, прислушавшись к своему сердцу, поняла, что мне сейчас как никогда необходимо дружеское общение и поддержка. Волков младший был единственным человеком в Бору, с которым мне было относительно легко общаться и просто находиться рядом. Даже общаясь с собственным отцом, я ощущала некоторую натянутость, образовавшуюся благодаря моим депрессивным настроениям и его беспокойству по этому поводу. Мне иногда казалось, что папа не доверяет мне мою собственную дочь, считая моё состояние неадекватным, хотя он и тактично об этом умалчивал. Серёжа же был светлым, лёгким и принимал меня в любом состоянии и с любым настроением. Я эгоистично осознавала, что сейчас мне необходимо почувствовать его жизнелюбие. И пусть при этом я буду выступать в роли энергетического вампира, высасывая из друга положительные эмоции, я нуждалась в его обществе.

С этими мыслями я не заметила, как припарковала свой

мини вен рядом с маленьким деревянным одноэтажным домом Волковых. Выскользнув на холодный утренний воздух, я быстрым шагом направилась к покосившемуся от старости крыльцу и уже через минуту настойчиво стучала в дверь. Мне долго не открывали, и, когда я уже отчаялась застать Сергея дома, дверь всё же распахнулась и на пороге показался мой друг, одетый в одни только красные шорты. Я невольно обратила внимание на его оголённый торс, развитую мускулатуру, сильные руки и широкие мужественные плечи. Лицо его, однако, было заспанным, и первые несколько секунд он с недоумением оглядывал меня, как будто никак не мог узнать, кто перед ним стоит.

– Привет, – первой нарушила молчание я, пытаюсь выжать из себе подобие улыбки.

– Э-э, Вероника? – Серёжа теперь выглядел удивлённым и слегка виноватым, он вдруг украдкой обернулся назад, но потом продолжил: – Какими судьбами?

Я слегка удивилась тому, что парень не предложил мне войти, но когда из глубины дома послышался высокий женский голос с вопросом: «Кто это, Серёжа?», я поняла всю нелепость ситуации и покраснела.

– О Боже, у тебя девушка, прости, что нагрнула как гром среди ясного неба, мне нужно было позвонить, всё-всё, я уже испарилась, извини ещё раз, – с этими словами я почти уже развернулась, чтобы ретироваться к своей машине, но сильная рука Сергея удержала меня, схватив за локоть:

– Подожди, Ник, не уезжай, – попросил он, но я чувствовала, как ему неловко, потому что он время от времени растерянно почёсывал затылок и украдкой оглядывался на дверь. – Я рад, что ты приехала, правда. Чёрт, так нелепо вышло...

– Серёж, всё нормально, я заеду как-нибудь в другой раз, – ответила я, хотя на самом деле помимо неловкости ощущала дикое разочарование, и сама не могла понять, то ли это из-за несостоявшегося общения, то ли из-за того, что в жизни Волкова была девушка. Хотя чему тут удивляться, я была почти уверена, что с его-то смазливой мордашкой и фигурой атлета девушки просто вешаются ему на могучую шею, но всё же мысль об этом была мне почему-то неприятна.

– Вероника, на самом деле ты своим приездом даже выручила меня, а если ты будешь так добра и не уедешь, то и вовсе спасёшь мою задницу от неприятностей, – парень всё ещё продолжал держать меня за локоть, умоляюще глядя в глаза. – Пожалуйста, сделай мне великое одолжение, подожди меня на берегу озера пятнадцать минут, я тебе по гроб жизни буду обязан.

Я ничего не понимала, что он хотел этим сказать, но его карие глаза так молили о помощи, так ждали утвердительно-го ответа, что я не решилась уточнить, а лишь растерянно кивнула в знак согласия, сама не понимая зачем.

Серёжа улыбнулся своей обезоруживающей улыбкой и исчез за дверью, а я поплелась в сторону озера и только теперь

обратила внимание на припаркованный с другой стороны дома малолитражный автомобиль красного цвета. Я мысленно чертыхнулась своей невнимательности, заметь я эту незнакомую машину раньше, я бы ни за что не сунулась к Волкову. Теперь же я чувствовала себя ещё хуже, чем до приезда сюда, потому что помимо всего прочего я нарушила спокойствие субботнего утра приятеля и ему теперь из-за меня придётся объясняться со своей девушкой. Не совсем понятно, чем я вообще могу оказаться ему полезной в данной ситуации, но раз он попросил, а я согласилась, теперь придётся исполнять его просьбу и дожидаться его на свежем воздухе. С другой стороны, мне всё равно больше некуда было идти, поэтому я немного успокоилась, вдыхая морозный морской воздух и наслаждаясь шёпотом мелкой озерной ряби.

Вид кричащих чаек, прилетевших с Финского залива, кружащих над озером, древнего хвойного леса и тёмно-зелёной воды почти незамерзшего озера подействовали на меня умиротворяюще. Я только теперь осознала, как соскучилась по природе Ломоносовского района, по его сосновым лесам, живя в каменных джунглях под названием Санкт-Петербург. Мне так давно не удавалось выбраться на природу, что я забыла, какое удовольствие может доставлять общение с ней. Я медленно шагала по прочищенной от снега дорожке и, не смотря на прохладный ветер с залива, просто любовалась окружающей красотой, тишиной и приятными звуками природы, не заглушёнными урбанизацией, вдыхая свежий воз-

дух и пропуская его сквозь каждую клетку своего организма. Я буквально ощущала, как пропитываюсь этой естественной энергией, как заряжаюсь ею.

За лицезрением движущейся воды, за своими мыслями, я не заметила, как рядом оказался Серёжа, одетый в джинсы, футболку и накинутый на плечи, но не застёгнутый пуховик. Выглядел он всё ещё виноватым и сконфуженным.

– Спасибо, что осталась, – проговорил парень.

– Ты так просил, что я не решилась отказать, – пролепетала я и тут же задала интересующий меня вопрос: – А где твоя девушка?

– Она не моя девушка, Вероника, – усмехаясь, ответил Серёжа. – Мне стыдно, но я впервые увидел её вчера вечером.

Я ошарашенно уставилась на него, а Волков, видя моё изумление, тут же начал объясняться:

– Ты не подумай, я не клеил её специально. Это всё Санёк, вытащил меня вчера в бар в Лебяжьем после работы и напоил до беспамятства в честь наступления Рождества и окончания рабочей недели. Последнее, что я помню, как он познакомил меня с двумя девушками, одну из которых я и застал сегодня у себя дома и не знал, как от неё отделаться.

Пока я слушала пояснения Сергея, я испытала непонятное чувство облегчения оттого, что у него всё-таки нет возлюбленной. Эгоизм и собственнические чувства к нему видимо ещё сохранились с детских времён, когда я ревновала его к деревенским девчонкам и обижалась, если он играл с ними.

Однако его отношения к девушкам мне явно не понравилось и зачем вообще он мне это рассказывает? Неожиданно меня посетила догадка:

– Так вот как я спасла твою деревенскую задницу, Волков? Избавила тебя своим приездом от необходимости объясняться с девушкой, которую ты использовал для удовлетворения своих потребностей? Ну ты и засранец!

Лицо парня вытянулось и выражало крайнее несогласия и отрицание.

– Да нет же, Вероника! Я никогда так не поступаю с женщинами! Я вообще не собирался ни с кем знакомиться, это всё Санёк, чёрт его побери! Я был пьян, а она сама вешалась мне на шею... Я вообще сомневаюсь, что между нами что-то было, во всяком случае, я ничего не помню, даже её имени. Похоже, она и довезла меня до дома, теперь придётся ехать в Лебяжье за своей машиной...

– Судя по собственническому тону, которым она тебя окликнула утром, у вас всё было, – я злилась на Сергея, но никак не могла понять истинную причину такого настроения. Неужели я его приревновала или это сочувствие и женская солидарность к бедной девушке, которая повелась на внешность Волкова и была так безжалостно отвергнута, да ещё и с моей помощью. – Интересно, что ты ей наплёл?

– Э, сказал, что ты моя девушка и сейчас устроишь мне вселенский скандал, возможно с рукоприкладством, и что, если она не хочет остаться без волос, ей срочно нужно поки-

нуть мой дом.

– Почему ты не поговорил с ней и честно не признался? – спросила я, всё ещё злясь на него то ли за то, что он так некрасиво обошёлся с этой девушкой, то ли за то, что эта девушка вообще имела место быть.

– Да я попытался, но она как банный лист прилепилась ко мне. Бывают ведь такие настырные, от которых по-хорошему никак не отделаешься, они и слышать ничего не хотят.

– Всё-таки ты подлец и засранец! Втянул меня в эту историю. Я теперь чувствую себя виноватой перед ней.

– Ты издеваешься? – Серёжа шутливо обхватил меня за плечи, улыбаясь во весь рот. – Вообще-то это я жертва в этой ситуации. Это она воспользовалась моим состоянием невменяемости, привезла ко мне домой и затащила в постель. Я тут ни при чём! – продолжал веселиться парень, и его настроение потихоньку передавалось и мне.

– Теперь она знает, где ты живёшь, так что пощады не жди, возьмёт тебя измором и поделом тебе! – я сделала попытку поддержать его шутливый тон, и Серёжа рассмеялся в голос:

– Тогда я буду каждый раз просить тебя приехать и вызвать меня из её коварных сетей.

– Кто-то говорил, что будет мне по гроб жизни обязан, так что я ещё придумаю, как с тобой за это расквитаться.

– Готов на любые жертвы, госпожа! – торжественно произнёс Серёжа, хохоча в голос.

Я уже улыбалась вполне искренне, наверное, впервые с то-

го самого дня. Всё-таки общество Сергея влияло на меня самым лучшим образом, рядом с ним я чувствовала, что по-настоящему жива и способна на эмоции.

– А где Катя? Я соскучился по этой маленькой бандитке, – спросил парень, когда мы неспешно шагали вдоль берега Финского залива.

Этот вполне простой вопрос подействовал на меня как электрошокер, потому что я тут же вспомнила о Власове и боль с новой силой пронзила моё сердце, а такое нужное мне ощущение лёгкости, весёлости и беззаботности моментально испарилось, не успев как следует укрепиться. Похоже, мои чувства отразились у меня на лице, потому что Серёжа сразу помрачнел, рассматривая меня.

– У неё свидание с Марком в доме отца, – хрипло ответила я.

Серёжа кивнул и, наверное, понял истинную причину моего визита. Он продолжал идти рядом, задумчиво глядя себе под ноги, но ничего больше не сказал, чувствуя моё настроение. Мы молчали какое-то время, смотря перед собой, но вскоре жизнерадостность Волкова взяла верх над его задумчивостью и мы уже снова болтали обо всём. Парень очень старался отвлечь меня от моих мыслей. Он с энтузиазмом рассказывал о том, как впервые обнаружил в себе тягу к автомобилям, какое удовольствие ему доставляло копаться в испачканных мазутом и машинным маслом металлических деталях и узлах, как он помогал друзьям отца ремонтиро-

вать их старенькие автомобили, как слух о его способностях распространился по округе и каждые выходные гараж дяди Бори был занят очередной развалюхой, которую Серёжа пытался привести в порядок. Труды его были вознаграждены, и вскоре он смог скопить денег на небольшой оборудованный ямой и подъёмником гараж в Лебяжьем. Постепенно этот гараж расширился и преобразовался в целую автомастерскую с четырьмя кабинами для автомобилей и целым штатом механиков.

Я слушала его рассказ и очень радовалась успеху друга, но где-то в глубине души я ещё и завидовала ему. Он сумел собственным трудом добиться чего-то в этой жизни, пусть он и не достиг таких высот, как чёртов Власов, но всё же для простого деревенского парня это было огромным успехом. Во всяком случае, он довольно твёрдо стоял на ногах и имел перспективы расширения бизнеса.

Я с грустью осознавала, что сама в жизни так ничего и не добилась. Я вспомнила, как мечтала получить образование, устроиться работать в какую-нибудь галерею изобразительного искусства, заниматься подборкой картин, ознакомлением с новыми современными художниками, устраивать выставки. Теперь эти мечты казались мне неосуществимыми. Я полностью материально зависела от Власова и меня это угнетало. Я с тоской осознавала, что из-за влюблённости в Марка буквально загубила свои мечты, разрушила все чаяния на будущее, отдаваясь безумной страсти и забывая

о таких важных вещах, как образование и карьера. Я не могу сказать, что являлась жёсткой карьеристкой, но всё-таки мне всегда хотелось утвердиться в жизни, заниматься делом, которое мне бы нравилось. Теперь же мне предстоит найти какую-нибудь малооплачиваемую работу в Сосновом Бору типа продавца одежды или официантки, чтобы хоть как-то разбавить эту материальную зависимость от бывшего мужа.

Серёжа тем временем продолжал что-то весело рассказывать мне, а я, погружённая в свои размышления, слушала его в полуха. Я взглянула на часы и ахнула – прошло уже три часа. Пошарив по карманам, я обнаружила, что оставила мобильник в машине. Серёжа заметил мою панику и тут же среагировал:

– Что-то случилось?

– Мне нужно быстро вернуться, я забыла телефон в машине, а Власов сказал, что ему нужно будет уехать в два часа. Он наверное уже рвёт и мечет! – с этими словами я почти бегом направилась в деревню, Серёжа следовал за мной.

– Ничего страшного не случится, если ты опоздаешь на полчаса, – пытался успокоить меня парень.

– Я знаю, но мне не хочется, чтобы он там психовал и злился, передавая своё настроение моей дочери.

Уже спустя несколько минут я запрыгивала в свою машину. Увидев на дисплее мобильного восемь пропущенных звонков, а даже не усомнилась в их отправителе. Заведя двигатель трясущимися от волнения руками, я быстро попро-

щалась с Серёжей, а он вдруг предложил:

– Хочешь, я поеду с тобой? Я смогу защитить тебя от разъярённого Власова, будь уверена, – улыбался парень.

На мгновение эта идея показалась мне такой заманчивой, что я заколебалась. Но, представив гнев Марка из-за моего опоздания в купе с присутствием Сергея, я отказалась.

– Если что, звони, госпожа! – проговорил Серёжа серьёзным тоном, а я не удержалась от улыбки, автоматически кивнула, захлопывая водительскую дверь.

Я гнала свой мини вен на максимально допустимой скорости, представляя, как бесится сейчас Власов. Добравшись до дома за рекордный срок, я убедилась в правильности своих предположений. Не успела я войти в дверь, как грозная фигура Марка уже надвигалась на меня, и я рефлексивно вжала голову в плечи.

– Где ты была? – процедил он сквозь зубы. Присутствие дочери не позволяло ему повисить голос до крика. – Мы же договорились, я опаздываю на важную встречу, а до Питера ещё добраться надо!

Теперь наступила моя очередь злиться, я и не собиралась извиняться.

– Я опоздала всего на сорок минут, это не смертельно, – я старалась говорить также тихо, чтобы не испугать Катюшку, но тон мой был буквально пропитан ядом. – К тому же я хорошо осведомлена о твоих «важных клиентах». Ты не видел дочь полторы недели, оправдывая это загруженностью

на работе и большим количеством километров между Санкт-Петербургом и Бором, так удели ей хотя бы один день или у тебя настолько свербит в штанах, что лишние полчаса с дочерью кажутся тебе смертным грехом?

Последнюю фразу я выплюнула ему в лицо, осмелившись, наконец, взглянуть на Марка. Он был красным от гнева, что случилось довольно редко с его бледной кожей, и говорило лишь о том, что он на пределе и готов взорваться как перезревший гранат, забрызгав меня зёрнами ярости. Его губы были сжаты в тонкую линию, глаза сверлили меня злым взглядом, ноздри раздувались, он с шумом втягивал воздух в легкие, на мгновение я даже испугалась. После минутного, но такого напряжённого молчания он выдавил из себя:

– У меня расписан каждый час, если мы договариваемся о чём-то, будь добра выполнять условия, – процедил Марк сквозь зубы, украдкой поглядывая за угол, из-за которого выглядывала мордашка нашей дочери. Я готова была поклясться, что, если бы не присутствие Кати, Власов придушил бы меня на месте.

Мне захотелось сказать ему, что если он так занят, пусть и вовсе не приезжает, но моя дочь не заслужила этого. Она любила Марка, сильно скучала по нему и каждый раз с нетерпением ожидала встречи с ним, поэтому я, бросив на неё взгляд, немного сменила гнев на милость.

– Я могла бы постараться, если бы и ты был честен с дочерью и рассказал ей всю правду до того, как я поменяю в

паспорте свою фамилию. Она уже знает?

Тень проскользнула по лицу Марка, он поколебался секунду, а потом произнёс:

– Нет.

– Какой же ты трус, Власов! Сваливаешь всю ответственность на меня.

Марк гневно сверкнул глазами, ему явно не нравилось ощущать себя подонком.

– Хорошо, я сделаю это в следующий раз, – процедил он и повернулся к дочери, подзывая её пальцем. Она тут же подбежала к нему и, весело хохоча, оказалась в его объятьях.

– Пока, малышка, – ласково проговорил Марк, а я ощутила невыносимую тоску от осознания того, как резко поменялся его голос, который всего минуту назад выражал глубокую ненависть и неприязнь ко мне, а сейчас уже был полон любви и нежности к нашей дочери.

Когда-то он и со мной разговаривал таким обволакивающим бархатным голосом, от которого моя голова шла кругом. У меня защемило сердце от воспоминаний и на глазах навернулись слёзы. Я поспешила отвернуться от них и быстро зашагала в гостиную, стараясь из последних сил не рыдаться вслух.

Глава 10

Я сидела на диване в гостиной и всеми силами боролась с подступающими к горлу рыданиями. Через минуту раздался звук захлопывающейся двери и частый топот детских ножек. Катя проводила отца и подошла ко мне, заглядывая в моё лицо. Дочь хмурилась и явно была чем-то расстроена, но то, что она произнесла, было для меня полной неожиданностью:

– Мама, почему папа тебя больше не целует, и вы постоянно кричите друг на друга? Папа больше не любит тебя?

Я почувствовала, как сжалось моё измученное сердце в предвкушении неизбежного разговора. Нельзя сказать, что я совсем не ждала подобного вопроса, просто я не ждала его так скоро. Мне на самом деле было страшно рассказывать дочери правду, я боялась её реакции. А вдруг она возненавидит меня за то, что я решила развестись? Но я понимала, что врать или ждать больше нельзя, пришло время осветить Катю во всё происходящее. Я мысленно прокляла Власова за то, что он спихнул всё на мои плечи, и попыталась собраться с мыслями, чтобы как можно мягче объясниться с дочерью.

– Детка, папа не целует меня, потому что он больше не хочет этого делать. У взрослых иногда случается так, что они перестают любить друг друга и начинают жить в разных домах.

Я видела, как недоверие и страх вселяются в душу мое-

го трёхлетнего ребёнка, все её чувства отражались на её маленьком личике.

– Значит, папа больше не любит нас? – в голосе малышки слышались нотки паники.

– Нет, детка, папа не любит только меня, тебя он по-прежнему очень сильно любит. Просто теперь нам с папой не уютно жить вместе в одном доме, поэтому мы с тобой будем жить с бабушкой, а папа останется в Санкт-Петербурге.

– Но я хочу жить в Санкт-Петербурге, я хочу домой, я хочу к папе! Почему вы не можете помириться и больше не кричать?

Казалось, отчаяние захлестнуло меня с головой. Я одновременно боролась со злостью на Марка и с жалостью к своей дочери. Честно признаться, я понятия не имела, как объяснить такие сложные вещи, как развод и измена, трёхлетнему ребёнку. Паника накатывала на меня, когда я наблюдала за реакцией дочери. Слезы текли по её щекам, и она готова была уже начать биться в истерике.

– Катюша, зайчик мой, мы не можем вернуться к папе. Папа слишком занят на работе, он почти не бывает дома и он не будет рад видеть меня. Папа будет иногда забирать тебя к себе на выходные или приезжать в сюда в Бор, он любит тебя и вы будете часто видеться...

– Но я хочу, чтобы всё было как раньше! – перебила меня дочь и я поняла, что истерики не миновать. Я и сама была на грани нервного срыва и меня всю трясло. Я сдерживалась

из последних сил, чтобы не обругать Марка при дочери всеми мыслимыми и немыслимыми бранными словами, чтобы не выплеснуть на неё всю ту злость и ненависть, которую я сейчас к нему испытывала. Именно он был виновен в том, что моя маленькая дочь страдает и переживает ужасные моменты распада семьи. Слёзы сами собой покатались из глаз, оставляя солёные дорожки на моих щеках, и когда я вновь смогла заговорить, мой голос дрожал.

– Малышка, всё уже не будет как раньше. Я понимаю, что ты хочешь, чтобы мы жили все вместе и любили друг друга, я бы и сама этого хотела, но так случилось, что мама с папой не могут больше жить вместе. Это совсем не означает, что мы не любим тебя, ты самое дорогое, что есть в нашей жизни.

Я попыталась обнять рыдающую дочь, но она вырвалась из моих рук и бросилась наверх в свою комнату, оставив меня с тяжёлым сердцем. Я какое-то время просидела внизу, ожидая, когда Катя немного успокоится, затем прошла на кухню, выпила стакан воды, взяла себя в руки и поднялась к ней.

Дочь лежала на кровати и громко всхлипывала, моё же сердце разрывалось от жалости к ней. Я осторожно легла рядом и обняла её. Катя посмотрела на меня заплаканными глазами, но не оттолкнула.

– Котёнок, я очень сильно люблю тебя и мне жаль, что так вышло.

– Это папа во всём виноват! Из-за его работы ты не хо-

чешь с ним жить!

Мой внутренний голос буквально кричал, что во всём и правда виноват Марк, виноват, что нашёл другую женщину, виноват, что разрушил наш брак, виноват, что Катя сейчас страдает. Но вслух я не могла такое сказать, это окончательно разбило бы сердце моему ребёнку.

– Детка, никто не виноват в том, что случилось, – тихо проговорила я, глядя её по спине. – Просто наступил такой момент, когда мама с папой разлюбили друг друга.

Дочка посмотрела на меня недоверчивым взглядом. Она уже не рыдала так сильно, а только всхлипывала. Я поняла, что основная буря позади, и испытала некоторое облегчение. Главный и самый сложный разговор состоялся, теперь я ничего не скрывала от дочери и она знала всю правду, почти всю. Теперь ей нужно только время, чтобы свыкнуться с новыми обстоятельствами, привыкнуть к новым условиям. Я знала, что она переживёт это легче, чем я. Дети всегда быстро забывают боль, они умеют радоваться жизни и находить в ней счастливые моменты, даже если таковые спрятаны под полупрозрачным покрывалом из неприятностей.

Лежа рядом с дочерью, обнимая её и вслушиваясь в её тихие всхлипывания, я думала о том, где найти в себе силы, чтобы пережить весь этот кошмар. Я понимала, что самое неприятное ещё впереди. Мне предстоял развод и всё вытекающие из него последствия: алименты, шушуканье за спиной, вынужденные встречи с Власовым, которого я сейчас

ненавидела всей душой из-за его поступка. Он поступил как последний подонок, изменив мне, но всё же это можно было как-то понять, а вот его отношение к дочери, трусость и нежелание признаваться ей и взваливание этой обязанности на мои плечи я понять не могла и ненавидела его за это.

Вскоре моя малышка забылась спокойным сном и её дыхание стало равномерным и тихим. Я вслушивалась в эти звуки и всматривалась в спящее лицо своего ребёнка, ощущая неизмеримую любовь к ней. Она – моё счастье, моя радость, моё настоящее и будущее. Никакая любовь ни к одному мужчине не может сравниться с любовью матери к собственному дитя. Эта любовь безгранична, она вечна и никакие поступки не способны убить её или преуменьшить. Она не живёт три года, как описано в этой дурацкой книге, она живёт столько, сколько живём мы сами. Раньше я не понимала значения выражения «любить до слёз», пока у меня не родилась дочь. Когда я смотрю на неё, вижу её улыбку, её любящий взгляд, направленный на меня, меня переполняют чувства бесконечной нежности. Их настолько много, что все они просто не могут поместиться в моём хрупком теле и иногда вырываются наружу с редкими слезами счастья. Я знала, что именно эта любовь поможет мне справиться с болью, придаст мне сил. С такими мыслями я не заметила, как погрузилась в сон в объятьях самого дорогого мне человечка.

На следующий день Катя всё ещё злилась на меня за то, что мы теперь не будем жить с папой, но я знала, что самое страшное уже позади и скоро всё образуется. Я сама почти успокоилась и старалась выглядеть весёлой, чтобы не усугублять ситуацию и не портить и без того плохое настроение дочки, которую всё раздражало, даже новый телефон, подаренный Марком.

Однако, когда вечером раздалась громкая трель моего мобильного и я увидела на дисплее «Власов», всё моё мнимое спокойствие и благодушие тут же улетучилось. Не успела я ещё поднести трубку к уху, как из неё уже раздавались гневные реплики:

– Что, чёрт подери, ты наговорила дочери про меня?

Я опешила от такого заявления, когда Катя успела ему всё рассказать?

– Я сказала ей только то, что мы больше не любим друг друга и будем жить отдельно, я была вынуждена, – процедила я, ощущая растущую волну ярости на него. Куда пропала его вежливость – ни тебе "привет" ни "здрате".

– Тогда почему она не хочет разговаривать со мной по телефону, обвиняет в том, что я больше её не люблю и называет предателем?

– Я не знаю, – искренне удивилась я. – Но раз уж на то

пошло, я предупреждала тебя и просила всё ей рассказать. У тебя был шанс и не один! Ты сам виноват, что так получилось!

– Когда ты успела превратиться в такую стерву? Ты специально настраиваешь дочь против меня! – рычал Марк.

– Перестань вести себя как последняя скотина, Власов! – взорвалась я, не в силах больше сдерживать ненависть к нему. – Я не настолько глупа, чтобы причинять боль своей дочери, рассказывая о твоих мерзких похождениях! Ты свалил всю ответственность на меня и ещё смеешь меня в чём-то обвинять!

– Я всё понял! Ты хочешь, чтобы она возненавидела меня? Так ты хочешь наказать меня?! – Марк не слушал меня или не хотел слышать. Это необоснованная клевета стала последней каплей, во мне вдруг что-то щёлкнуло, что-то резко оборвалось и я уже более спокойно произнесла:

– Ты настоящая дрянь, Марк Власов, – это было не обвинение, а простая констатация очевидного факта. – Не нужно судить людей по себе. А знаешь что, можешь мне не верить и думать всё, что хочешь. Я не собираюсь оправдываться, зачем мне это. Я только что поняла, что мне всё равно, что ты думаешь, мне плевать. Не звони сюда больше!

Я бросила трубку. Мне на самом деле было плевать. Я вдруг ясно осознала, что мне действительно всё равно. Марк настолько мерзко вёл себя, был настолько жалок и отвратителен в своих поступках и словах, что я даже злиться на него

больше не хотела и не могла, у меня не было сил, я была слишком истощена морально. Я ощущала пустоту и безразличие. Безразличие к этому человеку, которого я когда-то любила. Он в одно мгновение словно перестал иметь для меня хоть какое-то значение. Я попыталась вспомнить его лицо, но не смогла, оно было каким-то расплывчатым, нечётким. Я всё ещё ощущала ноющую боль в сердце, но теперь виновник этой боли был каким-то абстрактным, будто это был не мой муж, а какой-то призрак прошлого. Невероятно, но я ощутила облегчение, все чувства к Марку, которые я когда-то испытывала, а последнее время маскировала злостью и ненавистью, будто бы просто испарились, освобождая мою душу и мой разум. Теперь я по-настоящему поверила, что свободна от зависимости под названием «Марк Власов», что смогу начать жизнь с чистого листа и внутренне улыбнулась.

Спустя несколько дней мне позвонил юрист Марка и сообщил, что все бумаги готовы, осталось только приехать в пятницу в Питер и поставить подпись. По этому поводу меня разъедали противоречивые чувства: с одной стороны мне было всё ещё больно осознавать, что жирной точкой моего брака, в котором мы прожили более пяти лет, станет развод, но с другой стороны я ощущала даже некоторую легкость, искренне веря, что это может стать первым шагом к новой

жизни и никакие формальности больше не будут меня связывать с Марком Власовым.

Катя уже почти пришла в норму и перестала злиться на меня и на Марка. Она снова ждала его приезда, но он сообщил, что не сможет навестить её в субботу из-за работы, и дочь сильно расстроилась. Когда же я уже хотела просить отца присмотреть за ней в пятницу, чтобы уехать в Санкт-Петербург, Катя сказала, что папа договорился с бабушкой Наташей и дедушкой Витей и что они заберут её к себе на весь день. Надо признать, я была им благодарна, да и Катя обрадовалась перспективе побыть в большом доме Власовых.

Весь процесс не занял и десяти минут. Мы сидели в офисе адвоката Олега Алексеевича и он скорее из вежливости, чем из необходимости ещё раз уточнил, не передумали ли мы разводиться. В унисон мы с Власовым прорычали «Нет!» и торопливым движением руки оставили подписи в нужных местах. Затем я, даже не взглянув на Марка, взяла свой экземпляр свидетельства о разводе и уверенным шагом с гордо поднятой головой направилась к выходу. Только сев в свою машину и отъехав на приличное расстояние, я дала волю слезам. Пусть я уже не испытывала никаких ни положительных, ни отрицательных чувств к теперь уже бывшему мужу, всё-таки он был когда-то родным мне человеком и мы любили друг друга восемь лет, из которых семь прожили в браке. Это прошлое всё-таки связывало нас, его нельзя было просто так стереть ластиком, словно пометку от карандаша на бумаге,

к тому же у нас была общая дочь. Мне было грустно, очень грустно и больно. Развод – это унижительная и болезненная процедура.

Глава 11

Утро после развода похоже на утро после буйной развязной пьянки: твоё тело разваливается на куски, ты испытываешь стыд, горечь, хочешь забыть произошедшее как страшный сон и не вспоминать больше никогда. Ты не можешь заставить себя отскрести своё ослабленное тело от кровати или хотя бы найти силы оторвать, будто налитую свинцом, голову, тяжелую от переживаний и тягучих мыслей. Нет, утро после развода определённно хуже, потому что помимо головной боли тебе приходится терпеть ещё и душевную.

Мне казалось, что я могла бы пролежать неподвижно в кровати отца весь день, или два, или неделю. Просто лежать и ни о чём не думать, разглядывая мелкие трещины на потолке и слушая гул ветра, пытающегося прорваться в комнату через окно. Но моему желанию не суждено было сбыться, потому что Катя уже проснулась и без стука вбежала в мою комнату в ночной пижаме и босиком.

– Мама, ты ещё спишь? – спросила дочь, влезая ко мне на кровать и устраиваясь рядом.

– Уже нет, детка, – ответила я. – Как ты вчера провела время с бабушкой и дедушкой?

Наталья Леонидовна привезла мою дочь домой поздно вечером, Катя уже клевала носом и не успела поделиться своими впечатлениями.

– Хорошо! Мы гуляли в лесу, потом бабушка испекла для меня вкусный пирог, а дедушка читал мне книжки и даже разрешил поиграть на папином рояле!

Воспоминания снова кольнули моё сердце острым клинком, когда в голове нарисовалась картина играющего на рояле Марка, играющего великолепно, красиво и чарующе, играющего только для меня мелодию, придуманную им самим. Как же больно от этих далёких воспоминаний, ну почему машины, частично стирающие память, существуют только в фантастических фильмах, они бы существенно облегчили жизнь таким, как я.

Я нехотя поднялась с постели, слыша, как заурчал голодный желудок моего ребёнка.

– Так, а теперь бегом в ванную умываться и чистить зубы! –скомандовала я, вложив в свой голос как можно больше бодрости.

Мы умылись, переоделись и спустились вниз, застав папу за поглощением бутерброда на кухне. Он с подозрением взглянул на меня. Ясно, отец предусмотрительно не поехал на рыбалку, помятую о вчерашнем событии, и остался, чтобы проконтролировать моё состояние. Что ж, поприветствовав его, как мне казалось, довольно оптимистичным голосом, я стойко выдержала его оценивающий взгляд и, усадив дочь за стол, принялась хлопотать над её завтраком, самой мне есть совсем не хотелось – ещё один схожий признак с похмельем.

Не успели мы покончить с завтраком, как раздался звонок в дверь. Бросив на отца вопросительный взгляд и получив от него в ответ неуверенное пожатие плечами, я отправилась встречать неожиданного гостя, которым оказался Серёжа.

– Привет! – радостно поздоровался парень в присущей ему жизнелюбивой манере. – Пришёл украсть вас у дяди Миши на весь день!

– Привет, проходи, – без энтузиазма проговорила я, всё ещё прибывая в отрешённом от всего людского состоянии и даже не пытаясь вникнуть в смысл его слов. Но, надо признать, появление Волкова в этом доме слегка взбодрило меня, на эту белозубую открытую улыбку нельзя было смотреть безучастно, слишком заразительной и лучезарной она была.

Увидев гостя, Катя заметно повеселела и чуть было не бросилась к нему на шею, но стеснительность всё же взяла верх и укротила первый порыв, всё-таки Серёжа хоть и завоевал доверие моей девочки, но всё ещё оставался малознакомым для неё человеком.

– Привет, малышка! – поприветствовал мою дочь парень. – Скажи, ты любишь цирк?

– Цирк? – переспросила Катя, и в её глазах тут же заплясали искорки надежды и восхищения. – Очень люблю! Мы с мамой ходили в Питере, там были лошади и львы, а ещё клоуны с красным носом, и тётки все блестели и летали над потолком!

– Хочешь ещё раз посмотреть на дрессированных львов

и собачек? А ещё на слонов, шпагоглотателей и на мужчин, дышащих настоящим огнём?

– Очень хочу! – Катя уже хлопала в ладоши в предвкушении праздника.

– У меня есть три билета: для тебя, меня и твоей мамы!

– Серёж, у меня сейчас нет настроения, правда, возьмите с собой отца, – пролепетала я, а папа от моих слов поперхнулся остывшим кофе.

– Ник, хорош киснуть, поехали, развеешься! Сегодня последние выходные, как цирк на колёсах «Мир Чудес» выступает в Ломоносове! Это, конечно, не Цирк дю Солей, но программа у них тоже потрясающая!

– Серёж, я только вчера развелась, мне не до клоунов, я серьёзно. Я только испорчу вам день своим нытьём и унылым видом.

Серёжа замер от моих слов, похоже, его план вывести меня на прогулку потихоньку проваливался, он не ожидал, что я разведусь в эту пятницу.

– Мама, ну пожалуйста, – взмолилась Катя, которая всё это время переводила взгляд с меня на Сергея и обратно. – Я очень хочу, чтобы ты поехала, мне будет скучно без тебя, мамочка!

Вот уж кому я не могла отказать, так это моей дочери, особенно когда она смотрела на меня вот так, широко открытыми карими глазами, полными мольбы и надежды. Ей как никогда действительно необходимы сейчас положительные

эмоции. Раз уж Марк не может ей их дать в такой нужный момент, то это сделаю я.

– Хорошо, – кивнула я, а дочь одарила меня счастливой улыбкой и запрыгала на месте от радости. Лицо моего друга тоже просветлело.

Спустя каких-то сорок минут мы уже сидели в машине Волкова. Всю дорогу до Ломоносова Катя весело болтала и предстоящем представлении, Сергей с охотой подхватывал её рассуждения, искренне и по-детски. Казалось, он и сам был бы очень рад побывать в цирке. Эти двое так увлеклись беседой, что я позволила себе отвернуться к окну и не участвовать в ней, настроение моё все ещё было ниже плинтуса и предстоящее развлечение я воспринимала как пытку, хоть и старалась выглядеть заинтересованной ради дочери.

Вскоре Серёжа припарковал машину недалеко от главной площади города. Цирковой труппы отсюда ещё не было видно, но по направлению идущих мимо людей, которые весело обсуждали предстоящее представление, улыбались и размахивали разноцветными воздушными шарами, не трудно было найти верный путь к нашей цели. Катя оживилась, наблюдая за прохожими, и нетерпеливо тянула меня за руку вперёд.

Когда мы завернули за угол, перед нами открылась невероятная картинка из детства: огромный красно-синий шатёр раскинул свои крылья, распластав их по всей площади, разноцветные гирлянды флажков были растянуты на фонарных

столбах и развевались на январском ветру, красочные зарисовки участников представления будоражили воображение, толпы возбуждённых зрителей топтались вокруг эпицентра праздника, поглощая сладкую вату и покупая разноцветные поролоновые носы, которые тут же оказывались на их лицах. Атмосфера была праздничной и волшебной, в воздухе витал дух веселья. Мне даже на секунду показалось, что я попала в сказку. Невозможно было игнорировать этот праздник, и я почувствовала, что втягиваюсь в этот круговорот красок, смеха и радости.

Катя рассматривала всё вокруг с открытым ртом, она ещё никогда не видела цирк на колёсах. Серёжа тоже не стеснялся своей радости и улыбался на пол-лица, когда уговаривал мою дочь поделиться с ним клубничным мороженым в обмен на кусок сладкой ваты. Даже я не удержалась и умяла огромное сахарное облако.

Наконец, весёлый задорный голос попросил через громкоговоритель всех зрителей занять свои места и мы вошли в царство цирка. Внутри было шумно, пахло кофе, свежим сеном, конским навозом и чем-то жжёным, вперемешку все эти запахи не казались такими уж отвратительными, скорее они воспринимались как естественные для такого случая.

Усевшись на свои места согласно номерам в билетах, мы стали ожидать начала представления. Признаюсь, я настолько окунулась в эту атмосферу фантазий, что мне и самой не терпелось увидеть все приготовленные артистами цирка но-

мера. Наконец, все зрители расселись, погас яркий свет и зазвучала торжественная музыка.

Всё происходило словно в детском сне. Клоуны, жонглёры, дрессированные тигры, прыгающие через горящий обруч, слоны, кланяющиеся по приказу, цирковые акробаты и трюкачи, шпагоглотатели и укротители змей, одетые в блестящие красотики, взлетающие к самому куполу... Всё это волшебство сопровождалось громкой тревожащей музыкой, аплодисментами, восторженными выкриками зрителей и яркими разноцветными лучами прожекторов. Я так увлеклась действиями на круглой арене, что напрочь забыла все свои невзгоды и уже к концу представления громко хлопала в ладоши и искренне радовалась всему происходящему, делясь впечатлениями с дочкой и Серёжей.

Покидали мы волшебный мир цирка уставшие, обессиленные, морально выжатые, но удовлетворённые и с улыбками на лицах. Катя без умолку болтала, пересказывая представление в деталях, а мы с Сергеем молча плелись к его машине, кивая ей в ответ. Всё-таки у взрослых не так много энергии, как у детей. Иногда мне казалось, что моя дочь похожа на розового зайца из рекламного ролика батареек «Дюрасел» – она могла прыгать и бегать целый день и совершенно не уставать, зато ко времени сна, если её не уложить вовремя, могла вырубиться прямо за кухонным столом или сидя на полу у дивана.

Вот и теперь не успел Серёжа завести мотор и отъехать

от площади на сотню метров, как Катя уже клевала носом и уже через минуту уснула в своём кресле, которое мы переставили из моего мини вена. Серёжа хоть и был уставшим, но выглядел вполне довольным, наверное так же, как и я.

– Спасибо тебе за этот праздник, – поблагодарила я друга, когда мы выехали на трассу. – Катя была в полном восторге, – кивнула я назад в сторону мирно сопящей дочери.

– Всегда пожалуйста, рад, что смог немного порадовать вас, – улыбнулся Серёжа.

Мне показалось по его неуверенному взгляду, что он хотел сказать или спросить что-то ещё, но, видимо, передумал в последний момент. А мне вдруг захотелось поговорить с ним о сокровенном, облегчить свою душу. Я чувствовала, что мне это необходимо, и Серёжа был самым подходящим слушателем.

– Извини, что не захотела сразу поехать, – начала я издалека. – Этот развод совершенно выбил меня из колеи. Последнее время я вообще ничего не хочу, живу по привычке. Депрессия меня одолела.

Серёжа участливо рассматривал меня, не перебивая.

– Развод – это неприятно и больно, я понимаю. Катя, наверное, тоже переживает. Но, Вероника, это ещё не конец света. Я, честно, не знаю, как утешать разведённых женщин, – промямлил он, когда стало понятно, что моя речь закончена, – но я хочу попробовать. К тому же я тебе по гроб жизни обязан.

Я улыбнулась, даже в таком серьёзном разговоре Волков не мог обойтись без своих фирменных шуточек.

– К тому же, – продолжил он, – друзья на то и есть, чтобы вытаскивать своих подруг из глубокой ямы депрессии.

– Серёж, боюсь, тебе за всю жизнь не вытащить меня из этой зад... депрессии. Не хочу, чтобы ты напрасно тратил своё время.

– Вероника, ты меня плохо знаешь, я и не из таких моральных передраг друзей спасал. Главное – составить план по выводу из тоски-кручинушки, а у меня он уже есть.

– Ты серьёзно? – вновь улыбнулась я, удивляясь его заботе. – План? Ещё скажи, что ты его на бумажный носитель перенёс?

– Нет, пока только в голове, – улыбнулся в ответ парень, – но первый этап пройден на отлично!

– То есть поездка в цирк – это твой план?

– Да, но ты можешь даже не просить рассказать тебе следующие пункты, это стратегическая тайна!

Он объявил это так серьёзно, что я прыснула. Стратегический план по выводу Вероники Новиковой из глубокой депрессии! Я хохотала до слёз.

– Серёга, – сказала я сквозь смех, – ты самый лучший выводитель из тоски! Я тебя обожаю!

Эти слова вылетели у меня сами собой, и парень как-то странно на меня посмотрел, но я всё ещё смеялась его шутке и не придавала этому значения.

Мы попрощались у дома моего отца, потому что было уже довольно поздно, и Серёжа отказался зайти на чашку кофе. Катя сквозь сон поблагодарила моего друга за поездку в цирк, и я отнесла её наверх и уложила в кровать. Папа смотрел в гостиной футбольный матч, а мне спать совсем не хотелось, поэтому я приняла душ и уселась в кресло, чтобы почитать одну из моих любимых книг – «Дневник Бриджит Джонс».

Однако чтение не заладилось, потому что имя одного из главных героев напоминало мне о моём бывшем муже, о котором я сейчас совсем не хотела вспоминать. Я со злостью отложила книгу и попыталась подумать о чём-нибудь другом, например, о Волкове. Нужно отдать ему должное, он действительно существенно облегчал мои страдания своим присутствием. Его добродушие и желание помочь мне пережить развод трогали меня до глубины души. К тому же Катя уже успела привязаться к этому здоровяку, да и он, казалось, получал удовольствие от общения с моей дочерью. Со стороны мы могли бы даже показаться счастливой семьёй, приехавшей в цирк в субботний день. Эта мысль поразила меня, а что если Серёжа пытается таким образом ухаживать за мной? Я почему-то совсем не обрадовалась такой перспективе, сейчас мне вовсе не нужен мужчина, я просто физически не смогу кого-то принять в своё развалившееся на куски сердце. Я была бы гораздо спокойнее, если бы мы остались друзьями.

Я тряхнула головой, проясняя сознание. С чего вообще я взяла, что привлекаю Серёжу как женщина? Я старше его, у меня за плечами развод, а на руках трёхлетний ребёнок. Я нигде не работаю, у меня нет законченного образования, да и выгляжу я в последнее время как Кентервильское привидение, цепей только не хватает. Моё зеленоватого цвета лицо и синяки под глазами могли бы напугать и днём, не говоря уже о тёмном времени суток. Серёжа с его-то внешностью может заполучить любую красотку всей Ленинградской области, зачем ему потрёпанная жизнью, несчастная, депрессивная и унылая Госпожа Новикова? «Вы себе льстите, Вероника Михайловна, желание хорошего человека помочь другу выбраться из депрессии вовсе не означает, что он мечтает затащить вас в постель», – подумала я и улыбнулась собственной глупости и наивности. Такое умозаключение хоть и кольнуло меня неприятной иглой, но всё же окончательно успокоило, и я перебралась на кровать, чтобы провалиться в царство Морфея.

Глава 12

Постепенно моя новая жизнь в Бору стала входить в своё, хоть и не совсем привычное русло. Я потихоньку свыкалась со своим статусом разведённой женщины, и самые тяжкие испытания, как мне казалось, остались позади. Медленно я училась жить без Марка, училась привыкать к городу с его тоскливостью и унылостью. Сейчас, когда меня тут ничего не радовало, я понимала свою мать как никогда, понимала, почему ей так нестерпимо захотелось сбежать от этой серой жизни.

Нагнетал обстановку ещё тот факт, что как я и предполагала, все вокруг узнают о моём несчастье в считанные дни. Я не могла выйти в люди со спокойным сердцем, потому что обязательно натыкалась на осуждающий или, что ещё хуже, сочувствующий взгляд матрон Соснового Бора или же на ехидный взгляд ровесниц. Однажды я сполна ощутила всю прелесть жизни в маленьком городке и его информированности обо всём и всех, когда попала в магазин Ефремова и застала там Машу, заменяющую Дениса, пока тот хворал. Моя бывшая одноклассница не упустила случая ткнуть меня носом в мой развод:

– Как поживаешь, Вероника? – наигранно вежливо проворковала она, упаковывая санки для Катюшки. – Слышала, ты в разводе?

– Не думала, что обо мне объявили по радио Бора, – пробубнила я, но Маша, казалось, не обратила на мою иронию никакого внимания и продолжала получать удовольствия от моего унижения.

– Наверное, тебе очень тяжело сейчас. Остаться одной с маленьким ребёнком, это так грустно... У нас с Денисом двое детей, и мы так сильно любим друг друга, не представляю, каково это, когда тебя бросают, – Маша смастерила на лице гримасу сочувствия, но я буквально ощущала, как сквозь лживую вежливость просачивается яд лицемерия.

– Мне пора, спасибо, – только и выдавила из себя я и пулей выскочила из треклятого магазина, показавшегося мне сейчас логовом паучихи, плетущей липкую паутину сплетен и интриг и мечтающую поразить меня своей ядовитой пастью.

Маша всегда завидовала тому, что недоступный Марк Власов выбрал себе в спутницы такую, как я, отвергая всех претенденток, к коим она тоже относилась, и теперь явно мстила мне за это, злословя за моей спиной. Держу пари, что её отношения с Денисом не такие уж идеальные, судя по тому, какими они были в школе. Маша, можно сказать, взяла его измором, что греха таить. Но школьная подруга относилась к тому числу людей, которые готовы были пойти на всё, лишь бы в глазах общества выглядеть идеальными во всём, в том числе и в семье. Хотя её можно было понять. Живя в таком маленьком городке, как Сосновый Бор, приходится быть осторожным, ведь любая мелочь может стать предло-

гом для сплетен на ближайший месяц, что уж говорить о таком событии, как мой развод. О нём будут судачить как минимум полгода, если повезёт. Чему тут удивляться? Местная жизнь настолько скучна и однообразна, что женской половине Бора и четверти мужской ничего не остаётся делать, как развлекать себя сплетнями и обсуждениями чужих проблем. Так что мне приходилось только мириться с шушуканьем за спиной и лицемерным сочувствием, старательно делая вид, что я ничего не замечаю.

Утешало меня одно – Катя, в отличие от меня, уже свыклась с её новой жизнью в Бору, хотя со дня развода прошёл всего месяц. Я же привела в относительный порядок свою голову и смогла трезво заняться укладом жизни дочери. Вместо группы дошкольного развития я устроила дочь в муниципальный садик, который она с удовольствием посещала. По её словам, она нашла себе новых друзей и почти не вспоминала жизнь в Питере.

Помимо ежедневного посещения садика я решила загрузить дочь интересными кружками и по вторникам и пятницам после садика водила её на современные танцы, а по средам – в логопедическую группу, чтобы исправить её ужасное произношение звука «р». Катя пребывала в буйном восторге от занятий танцами и каждый раз спешила в класс с радостью и нетерпением, а после в подробностях рассказывала мне, какие новые движение она изучила и под какую музыку они танцевали. Я могла хорошо поддержать разговор,

ведь в детстве мама тоже водила меня на балльные танцы, но, в отличие от моего ребёнка, мне они совсем не нравились и основной причиной тому была моя вечная неуклюжесть. Поэтому я была благодарна матушке природе за то, что Катя не унаследовала от меня эту ужасную черту.

Благодаря моим стараниям Марка я не видела со дня развода и была этому очень рада. Почти каждую субботу я заблаговременно отвозила дочь в дом родителей Власова, чтобы она могла пообщаться там с отцом. Бывший муж, казалось, полностью поддерживал мою идею не встречаться со мной лицом к лицу и поэтому назад Катю привозил дедушка или бабушка.

Надо сказать, что отступные после развода составили внушительную сумму, но я решила не тратить эти деньги, а положить на счёт для оплаты будущего образования дочери. Размер алиментов, выплачиваемых Марком ежемесячно, к слову сказать, также был вполне приличным. Настолько, что мы с Катюшей могли бы снять себе отличную квартиру в центре города. Но я была тверда в своём решении не пользоваться деньгами Власова в своих нуждах и тратила их только на нужды нашей дочери, оставшейся же частью я пополняла банковский счёт. К тому же отец ничего не хотел слушать о нашем переезде, он даже однажды намекнул, что обидится, если мы оставим его одного в его доме. Я приняла его просьбу к сведению, да и для дочери очередной переезд был бы новым стрессом, так же, как и для меня. Поэтому мы остались

жить с папой, а я приступила к поиску работы, которую, как оказалось, было довольно сложно найти в таком маленьком городе. Население Бора годами занимало свои рабочие места, оставляя их лишь тогда, когда пора было уходить на пенсию, никакой текучести кадров тут и в помине не было, что практически исключало наличие свободных вакансий. Но я не оставляла своих попыток найти работу, мне была неприятна мысль, что меня будет содержать мой бывший муж.

Я сама не заметила как, но Серёжа стал неотъемлемой частью нашей жизни. Каждое воскресенье он выводил нас с Катей на прогулку, или возил на какие-нибудь аттракционы, или водил в кино. Волков не давал нам скучать, постоянно находясь рядом. Он умудрялся заезжать к нам после работы хотя бы на часок, чтобы поиграть с Катей, а затем выпить кофе и поболтать со мной на кухне. Мы настолько привыкли к его присутствию, что начинали волноваться, если он немного опаздывал. Катя и вовсе была от него без ума, да и Серёжа, казалось, полюбил мою дочь. В игре они были словно единым целым и я чувствовала, что парень действительно искренне относится к моему ребёнку, что ему на самом деле нравится проводить с ней время. Я не знала, в чём тут было дело, может в том, что в душе этот великовозрастный качок оставался сущим ребёнком и с Катюшкой погружался в беззаботное детское время, а может в чём-то другом, мне было всё равно. Я лишь с легким сердцем наблюдала за ними исподтишка и радовалась, что судьба послала мне такого друга,

который помогал мне пережить самые кошмарные моменты в моей жизни.

К счастью, мои опасения по поводу симпатии ко мне Волкова, как к женщине, не оправдались. Парень не проявлял ко мне никаких других чувств, кроме дружеских, и не предпринимал никаких даже малюсеньких попыток ухаживаний, чему я радовалась вдвойне и не могла поверить, что на свете существуют такие бескорыстные добрые люди, как Сергей Волков. Его дружеское плечо было подставлено настолько своевременно, что я могла с уверенностью сказать, что без него не смогла бы выбраться из той депрессии, в которую погрязла месяц назад. Серёжа словно освещал своей улыбкой дорогу в мою новую жизнь, не оставляя на ней ни единого тёмного места. Рядом с ним я чувствовала себя живой, чувствовала, что моё сердце способно вырабатывать столько энергии, сколько необходимо для полноценной жизни. Если по каким-то причинам я не видела своё персональное солнце несколько дней, я ощущала, что снова погружаюсь во мрак своих переживаний и тревожных воспоминаний. Он был нужен мне, как кислород, как тепло, без которого я могла замёрзнуть и погибнуть, словно тропический цветок на морозе.

Где-то в глубинах моего сознания периодически появлялась мысль, что эгоистично с моей стороны отнимать у молодого красивого парня столько времени, практически лишая его возможности встречаться с девушками, но я ничего не

могла с собой поделатъ, Серёжа нужен мне для выживания, он нужен и моей дочери, которая привязалась к нему всем сердцем. Поэтому я запихивала эти незванные мысли обратно в глубь сознания или даже дальше, игнорируя призыв совести. Да, это теперь одна из моих новых черт – эгоизм. Могу я хоть немного позволить себе маленькое утешение в лице преданного друга? Могу и позволю, пора уже начать думать и о себе тоже, и я думала и знала, что хочу видеть рядом с собой Серёжу.

В круговороте каждодневных забот о доме, поисках работы, перебежек от садика до танцевального класса, от дома до логопедической группы, дни летели так быстро, что я и не заметила, как наступила весна. Сосновый Бор словно вышел из зимней спячки, оживился и начал заливаться яркими красками. Боль в моей груди притупилась настолько, что я могла замечать всю ту красоту, разворачивающуюся за окном. Солнце светило всё ярче с каждым днём, небо хоть и оставалось за пеленой облаков, но уже не было таким темным и угнетающим, а иногда сквозь тучи даже проглядывали весенние лучики, посылая на землю вместе с теплом саму жизнь.

Вместе с потеплением в местной газете появилось объявление о том, что в открытое летнее кафе требуется официантка. Я, не теряя времени, позвонила по номеру, оставленному для связи, и в тот же день приехала на собеседование. Кафе было совсем небольшим, несколько круглых сто-

ликов на металлических ножках и со столешницами из бука были расставлены на улице на площадке у входа под огромным навесом. Войдя внутрь, мой взгляд тут же упал на аккуратную стойку-прилавок, за которым стояла кофе-машина, различные безалкогольные напитки в самых разнообразных бутылках и пакетах, а в углу морозильная камера с мороженым. Сам прилавок представлял собой скорее витрину-холодильник, в котором были расставлены разнообразные пирожное и тортики, а на верхней части были разложены ароматно-пахнущие булочки и слойки, всевозможная выпечка. Внутри маленького помещения также были расставлены несколько таких же, как и на улице, столиков. За прилавком суежилась молодая стройная девушка с длинными светлыми волосами и карими глазами. Она бросила на меня свой взгляд, улыбнулась и, не говоря ни слова, продолжила протирать стаканы и чашки.

Хозяйкой кафе оказалась пожилая женщина Галина Михайловна, немного полноватая с седыми густыми волосами, собранными в пучок и доброй улыбкой, от которой на её щеках появлялись милые ямочки и множество мелких морщинок в уголках глаз. Её глаза серого цвета казались огромными под толстым стеклом прямоугольных очков, что придавало её внешности ещё больше добродушия.

– Здравствуй, Вероника, – поприветствовала меня женщина, когда я вошла в маленькую комнату рядом с кухней, служившую для хозяйки кабинетом. – Ты ведь дочь началь-

ника отдела полиции Михаила Новикова, не так ли?

– Здравствуйте, всё верно, Михаил Новиков – мой отец, – как можно вежливее ответила я, надеясь, что эта женщина не станет заводить разговор о моей девичьей фамилии.

– Так ты хочешь устроиться официанткой? – уточнила хозяйка кафе, внимательно разглядывая меня сквозь толстые линзы очков.

– Да, – уверенно ответила я, выдерживая её пронизательный взгляд.

– Извини, что переспрашиваю, просто, мне кажется, ты можешь найти что-нибудь получше, – ласково пояснила Галина Михайловна.

Мне стало неудобно, я слегка заёрзала на стуле и, спустя секунду, всё-таки ответила:

– Ситуация сложилась таким образом, что мне необходима эта работа.

– Ты когда-нибудь работала официанткой?

– Нет, мне вообще не приходилось ещё нигде работать, – ответила я, стараясь быть максимально честной. – Но я неплохо готовлю, варю вкусный кофе и умею ладить с людьми, когда это необходимо.

Женщина молча смотрела на меня несколько секунд, а потом добавила:

– Мне нужна официантка только на теплое время года, с апреля по октябрь. Зимой летняя веранда закрыта, да и клиентов намного меньше, поэтому Ирина справляется сама.

Ты, наверное, видела её в зале. А вот в летний период посетители предпочитают поглощать пирожное на свежем воздухе, поэтому мы на это время ищем ещё одну официантку, – пояснила владелица мелкого бизнеса. – Тебе подходят такие условия?

– Да, – ответила я, понимая, что других вариантов ждать не приходится.

– В таком городе как Сосновый Бор нелегко найти работника на временную занятость, но, вижу, в этот раз нам повезло, – улыбнулась Галина Михайловна. – Ты нам подходишь. У тебя есть дети?

Далее мы обсудили размер моего оклада и мой график работы, который меня вполне устраивал, потому что по вторникам и пятницам у меня был сокращённый день и я могла успевать водить Катюшку на танцы сама, а вот в логопедическую группу придётся просить Наталью Леонидовну или папу. Суббота была рабочим днём, но и это меня устраивало тоже, потому что Катя обычно проводила этот день в компании Марка или дедушки с бабушкой в доме Власовых.

Галина Михайловна не задала ни одного лишнего вопроса и даже не намекнула на моё семейное положение, хотя я прекрасно понимала, что она в курсе дела. Хозяйка кафе, в котором теперь мне предстояло работать, произвела на меня впечатление доброй и отзывчивой женщины, не одобряющей сплетни и пересуды за спиной, и это не могло меня не радовать. Я и сама терпеть не могла обсуждать чужие про-

блемы, а уж когда обсуждали меня, то и вовсе готова была провалиться сквозь землю.

Домой я возвращалась в приподнятом настроении. Природа расцветала, воздух наполнялся весенними запахами чуть проклюнувшейся молодой травы, оттаявшей почвы, влажной хвои и отсыревшей древесины. Птицы громко пели свои залиvistые песни, оповещая всех вокруг о потеплении и скорейшем наступлении лета. У меня у самой будто бы выросли крылья, настолько я была рада возможности самостоятельно зарабатывать себе на хлеб. Я ощущала некоторую свободу или даже освобождение, пусть и частичное, от материальной зависимости от бывшего мужа. Эта простенькая работа с небольшим заработком давала мне возможность увериться в себе и своих силах, убедиться, что я смогу выжить и без подачек Марка Власова. Я не успела привыкнуть к роскоши, да она меня никогда и не привлекала, поэтому я спокойно относилась к отсутствию дорогих нарядов, роскошной косметики или дизайнерской обуви и умела довольствоваться тем, что имею.

Эта возможность самостоятельной добычи денег собственным трудом так на меня подействовала, что, когда я проходила мимо зеркала в прихожей и боковым зрением увидела своё отражение, я его просто не узнала. Мои плечи распрямились, спина выпрямилась, появилась былая осанка, вытренированная ещё детскими занятиями танцами, глаза сверкали, щеки пылали румянцем, появился даже намёк на

улыбку. В таком состоянии я даже показалась себе вполне привлекательной. Удивительно, как может изменить человека возможность самоутвердиться в жизни, пусть даже работа официанткой и не была пределом моих мечтаний, всё же это лучше, чем сидеть дома, жалеть себя и сокрушаться из-за материальной несостоятельности.

Мне не терпелось поделиться своей новостью с Серёжей, и я не могла дождаться его возвращения из Лебяжьего. Я забрала Катюшу из садика чуть раньше обычного и решила побаловать её мороженым в ближайшем кафе. Дочь болтала без умолку о своих приключениях, хвасталась, что её похвалили за красивый рисунок, а я с удовольствием слушала её, с энтузиазмом отвечая на все наивные вопросы и искренне восхищаясь её маленькими достижениями на поприще детского творчества.

Наконец наступил вечер. Отец задерживался на службе, зато Серёжа появился на пороге нашего дома в привычное время. Я дождалась, когда он пообщается с моей дочерью, поиграв с ней в уже ставшую традиционной настольную развивающую игру, и, уложив Катю спать, спустилась вниз, чтобы сварить кофе.

– Ты сегодня вся светишься, – улыбаясь, констатировал очевидное парень, – выкладывай, что произошло!

– Я нашла работу! – радостно сообщила я, не в силах сдержать собственную улыбку.

– Здорово! Что за работа?

– Официанткой в летнем кафе. Это, конечно, не то, о чём я могла бы мечтать, но на данный момент меня вполне устраивает. Кафе очень уютное, да и хозяйка мне приглянулась, к тому же удобный график, – я говорила так, словно оправдывалась, и, кажется, Серёжа это заметил.

– Звучит неплохо, – спокойно одобрил он, – но всё-таки, мне казалось, ты могла бы рассчитывать на что-то более стоящее с твоим-то образованием.

– Серёжа, у меня нет фактически никакого образования, – уныло отозвалась я, пристыженно опуская взгляд.

– Прости, я не знал, мне казалось, ты училась в университете в Питере.

– Да, но из-за беременности мне пришлось его бросить на третьем курсе.

– А ты не пробовала восстановиться?

– Я об этом не думала, – промямлила я.

На самом деле этот вопрос сбил меня с толку. Раньше у меня не было ни времени, ни необходимости думать об этом, но теперь, когда моя жизнь кардинально изменилась, эта возможность продолжить обучение казалась такой необходимой. Я вдруг почувствовала, что невероятно хочу закончить начатое образование и стать дипломированным специалистом. Серёжа затронул какую-то дремлющую часть моей души, которая сейчас вырвалась из спячки и пробудила во мне тягу к совершенствованию.

– Стоит подумать, – проговорил парень, отпивая горячий

кофе. – Ты умная женщина, Вероника, думаю, тебе и самой бы хотелось учиться. К тому же ты всегда можешь закончить образование дистанционно, не обязательно мотаться в Петербург каждую неделю.

– Серёжа, ты прав, я была сначала так занята семьёй, потом разводом, что мне даже в голову подобная мысль не приходила. Я действительно хочу доучиться. Но у меня сейчас нет на это средств.

– Я могу тебе помочь, ну или одолжить, – с энтузиазмом предложил парень.

– Нет, спасибо тебе, конечно, но я не возьму, это несправедливо, – запротестовала я. Мало он со мной возится, ещё не хватало и материально его использовать.

– Но Власов ведь должен вам выплачивать алименты, – не унимался Волков. – Мне казалось, он неплохо зарабатывает, этих денег могло бы хватить на оплату твоего обучения.

– Не хочу зависеть от него, – пробубнила я.

– Вероника, причём тут зависеть? – воспротивился Серёжа. – Этот сноб предал тебя, унизил, по-моему, оплата твоего обучения, которое ты прервала в какой-то степени по его вине, будет всего лишь мизерной толикой того, что он просто обязан сделать. Ты же не собираешься тратить его деньги на собственные развлечения, ты всего лишь возьмёшь с него свою законную часть на образование. Тебе всего-то осталось полтора года, а экстерном можно и за год управиться. Мне кажется, это справедливо, воспользоваться такой возможно-

стью, он-то своё образование получил, пока ты вынашивала вашу общую дочь, затем рожала и посвящала ей всё свое время.

Я задумалась. А ведь Волков был прав. Марк ничем не пожертвовал ради рождения нашего ребёнка, он получил от жизни всё, чего хотел и к чему стремился. Это я бросила обучение, хотя мне очень нравилось учиться, это я рассталась со всеми своими амбициями по поводу карьеры, это я посвятила свои юные годы на уход за новорожденной Катюшей. И пусть другие говорят, что место женщины на кухне у плиты, меня такой вариант не совсем устраивает. Тогда я была настолько влюблена, что, не задумываясь, согласилась выйти за Власова замуж сразу после школы, затем я поддавалась его давлению и отказалась от противозачаточных таблеток, потому что он хотел ребёнка и плевать ему было, что я ещё учусь. Я делала всё, чтобы он был счастлив, и не задумывалась о своих желаниях. Я настолько зависела от него эмоционально, настолько была влюблена, что принимала любое его желание и решение как Манну небесную. Пора было сгладить эту несправедливость.

– Ты опять прав, – проговорила я, – ничего страшного не произойдёт, если я воспользуюсь его деньгами, чтобы закончить своё прерванное образование. Завтра же позвоню в Универ и узнаю все возможные варианты.

– Вот и умничка, – похвалил меня Серёжа, допивая слегка остывший кофе. – Ты достойна большего, чем всю жизнь

работать официанткой! Ты должна получить от жизни максимум того, чего сама желаешь!

Глава 13

Как я и обещала своему другу, я позвонила в Университет следующим же утром и, к моему приятному удивлению, мне сообщили, что восстановиться вполне возможно, нужно только пройти собеседование и написать несколько проверочных тестов. Однако начать, а вернее продолжить обучение при положительных результатах тестов я смогу только с началом нового семестра в сентябре. Что ж, мне спешить некуда да и к тому моменту я смогу как следует освежить в памяти все пройденные предметы и как следует подготовиться к собеседованию.

После всех этих хороших новостей я ощущала невероятный духовный подъём, а весеннее настроение только усиливало эти ощущения. Я была безмерно благодарна Серёже за его поддержку и бесценные советы, если бы не он, я не знаю, когда бы смогла оправиться от всех этих кошмарных переживаний. Я настолько привязалась к Волкову, настолько умиротворённо ощущала себя в его присутствии, что испытывала к нему помимо глубокой благодарности ещё какие-то более тёплые чувства, схожие с сестринской нежностью или духовным родством. Нужно признать, что рана в моей груди медленно, но верно затягивалась благодаря постоянному присутствию Сергея в моей жизни, благодаря его отзывчивости, доброте и умению растормошить мою унылую душу.

С отличным настроением я приступила к своему первому, стыдно сказать, рабочему дню в жизни. Галина Михайловна, кратко объяснив мне мои обязанности, вверила меня в руки опытной Ирины и удалилась на кухню выпекать свежие булочки.

Ирина оказалась на редкость милой и улыбчивой девушкой. Она подробно рассказывала мне принципы работы и показывала, где что лежит, попутно терпеливо отвечая на мои вопросы. Запомнить всё с первого раза мне, как и следовало ожидать, не удалось, поэтому я, краснея за свою нерасторопность, постоянно переспрашивала и отвлекала Ирину от её прямых обязанностей. Девушка же не раздражалась и не злилась, вопреки моим опасениям, напротив, она искренне пыталась помочь мне освоиться на новом месте, за что я была ей безмерно благодарна.

Открытие летней веранды должно было состояться через несколько дней после того, как я уже достаточно освоюсь и научусь обращаться с подносом быстро и уверенно. Пока же я помогала Ирине обслуживать немногочисленных, но постоянных клиентов в зале, которые уже не представляли своей жизни без утреннего кофе и свежей булочки в уже почти полюбившемся мне кафе «Лилия». Когда я спросила у Ирины, почему именно "Лилия", она ответила, что просто потому, что это красивые цветы и Галина Михайловна их очень любит, несмотря на то, что у неё аллергия на их пыльцу.

В мои обязанности также входило проверять свежесть то-

вара на прилавке и заказывать пирожные и тортики в местной пекарне, а мороженое – в магазине. Булочки и пирожки выпекала сама хозяйка на маленькой кухне «Лилии», производить тут же более сложные десерты просто не было никакой возможности, да и в одиночку она не справилась бы.

Спустя несколько дней я наконец смогла совладать с кофеварочной машиной и выучила всё меню и составляющие блюд наизусть. Признаюсь честно, я раньше и не подозревала, сколько видов и сортов кофе существует и сколько различных напитков можно приготовить из этих ароматных зёрен. Мне очень повезло с напарницей, благодаря напутствиям и терпению которой я втянулась в свои обязанности и научилась их исполнять.

На улице заметно потеплело за последнюю неделю, и прохожие уже давно не кутались в толстые парки и шерстяные шапки, верхняя одежда населения Бора теперь составляла легкие ветровки или свитера. К моему счастью, в почти семейном кафе «Лилия» не было никакой спецодежды, какие бывают в сетевых кафе и ресторанах, поэтому нам позволялось носить любую рубашку с длинным рукавом и брюки или джинсы, но обязательным атрибутом нашего внешнего вида безусловно оставался бессменный белоснежный фартук, накидываемый на шею и доходящий до середины бедра, с вышитой лилией на нижней части.

В день открытия летней веранды я нервничала как никогда. Мои руки пробирала мелкая дрожь, когда я думала о

том, что мне придётся обслуживать клиентов без присмотра и покровительства Ирины. Мой испытательный срок ещё не закончился, поэтому я должна была показать всё, на что способна, ну или, по крайней мере, не выставить себя полной неумёхой. Для меня основная трудность моей работы по обслуживанию посетителей на улице заключалась в том, что дверь кафе не была автоматической и мне приходилось одной рукой держать поднос, а второй – дверную ручку, рискуя при этом уронить что-нибудь на пол.

Нервы мои уже были на пределе, когда за круглый уличный столик уселся пожилой мужчина в синем свитере с коротко стриженными седыми волосами. Я наблюдала через стеклянную дверь кафе, как он огляделся хмурым взглядом, и тут же почувствовала удар локтем в бок:

– Ну, чего ждёшь-то? Твой первый клиент! Удачи! – прошептала Ирина.

Я схватила меню и почти бегом направилась к выходу. Ума не приложу, как я умудрилась не споткнуться о порог, когда выходила на свежий воздух на негнущихся ногах. «Это всего лишь посетитель, чего ты так трусишь, идиотка?» – укоряла я саму себя.

– Добрый день, – поздоровалась я, натянув любезную улыбку на своё лицо и протягивая меню гостю.

– Здравствуй, – ответил мужчина, внимательно вглядываясь в моё лицо, – ты новенькая?

– Да, почти неделю тут работаю.

– Оно и видно, – снисходительно проговорил посетитель, – мне не нужно меню, в это время дня я всегда заказываю сдобные булочки с корицей и двойной эспрессо.

– Хорошо, сейчас принесу, – протараторила я, разворачиваясь на пятках.

– Можешь не торопиться, милочка, – кинул мне в след мужчина, – мне некуда спешить.

Но я всё равно спешила, потому что заметила, как Галина Михайловна украдкой наблюдает за мной, стоя у входа на кухню. Я взяла круглый поднос и поставила его на прилавок. Затем быстро извлекла из шкафа за стойкой чистую белую тарелку и, продолжая держать её в левой руке, правой схватила металлические щипцы и потянулась к блюду с булочками и замерла, как вкопанная, вспоминая, какую именно булочку заказал завсегдатай кафе. «Чёрт, надо было записать!» – в панике подумала я, но тут же услышала тихий спасительный шёпот Ирины за спиной:

– Он всегда заказывает с корицей.

– Спасибо, – также тихо ответила я и положила ароматную булочку на тарелку.

Поставив тарелку на поднос, я уже через секунду направлялась к кофеварочной машине. Про двойной эспрессо я помнила хорошо, поэтому на этом этапе прохождения дистанции «мой первый клиент» преград у меня не возникло. Бросив благодарный взгляд на мою спасительницу и коллегу в одном лице, я взяла поднос и, стараясь не споткнуться,

неуверенной походкой направилась к выходу.

Свежий воздух остудил мои пылающие щеки, и я спокойно завершила свою миссию по доставке питания своему первому клиенту. Видимо, моя неуклюжесть и неуверенность движений умилили посетителя, потому что он даже оставил мне чаевые. На моё счастье, этот мужчина был единственным моим клиентом в этот день, поэтому оставшуюся часть рабочего дня я помогала Ирине в зале.

– Ну что ж, первый блин почти не комом, – подытожила хозяйка, когда мы протирали столы и расставляли на них стулья, чтобы было удобнее мыть полы. В таком маленьком кафе технический персонал не входил в бюджет, поэтому в то время, как наша хозяйка убирала на кухне, мы с Ириной мыли посуду и полы в зале. – Твой испытательный срок окончен, завтра уже работаешь в полную силу и за полный оклад плюс чаевые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.